

В. С. КУЗНЕЦОВ

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ НА РУБЕЖАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
SIBERIAN DIVISION
ORIENTAL COMMISSION
INSTITUTE OF HISTORY, PHILOLOGY AND PHILOSOPHY

V. S. KUZNETSOV

CH'ING EMPIRE
ON THE BORDERS
OF CENTRAL ASIA
(the 2nd half of the
XVIIIth—
the 1st half of the XIXth)

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST OF ASIA

Ed. *V. E. Larichev*

PUBLISHING HOUSE «NAUKA»
SIBERIAN BRANCH
NOVOŠIBIRSK · 1983

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИССИЯ ПО ВОСТОКОВЕДЕНИЮ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В. С. КУЗНЕЦОВ

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ
НА РУБЕЖАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(вторая половина XVIII—
первая половина XIX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НОВОСИБИРСК · 1983

Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.).— Новосибирск: Наука, 1983.

В монографии, основанной на исчерпывающем использовании китайских источников, исследованы действия цинского Китая в Восточном Туркестане.

Книга является первым в советской и зарубежной литературе фундаментальным исследованием по данной проблеме и представляет интерес не только для специалистов-востоковедов, но и для широкого круга читателей.

Ответственный редактор В. Е. ЛАРИЧЕВ

Редакционная коллегия: А. В. ВАРЕНОВ,
В. В. ЕВСЮКОВ, С. Т. КОЖАНОВ, С. А. КОМИС-
САРОВ, В. М. НАДЕЛЯЕВ, Л. В. ТЮРЮМИНА

ОТ РЕДАКТОРА

Исследование внешнеполитической истории цинского Китая в прошлом, в частности его отношений с казахами, киргизами, Кокандом и памирскими княжествами, позволяет воссоздать историческую действительность¹. Предлагаемая вниманию читателей книга В. С. Кузнецова посвящена внешней политике империи Цин на Западе во второй половине XVIII — первой половине XIX в.

* * *

1644-й год представлял собой поворотную веку в исторических судьбах Китая: захиревшую династию Мин, подорванную могучей крестьянской войной, сменил в качестве правителя Поднебесной маньчжурский дом Цин. Потомок «варваров» с северо-востока вторгся в страну со своими войсками и захватил трон китайских императоров.

Закрепившись в Китае, Цинский дом продолжил политику внешней агрессии и территориальных захватов. Одним из объектов экспансионистских устремлений империи Цин стала Центральная Азия. В конце XVII — начале XVIII в. империя Цин захватила на западе уйгурские княжества Хами и Турфан и превратила их в плацдарм для последующего проникновения в Центральную Азию, разгрома Джунгарского ханства и завоевания Восточного Туркестана². Главным препятствием на пути захватнических устремлений в Центральной Азии было Джунгарское ханство ойратов (ойраты — западная ветвь монголов). С самого начала история Джунгарского ханства была

пронизана борьбой за самосохранение и независимое существование перед лицом агрессивных поползновений минского, а затем цинского Китая. В марте 1755 г. цинское войско двинулось на Джунгарское государство. Целью похода, как говорится в официальных китайских документах, было «истребление джунгар-варваров»³.

Ниспровергнув джунгарского хана Дабачи и ликвидировав Джунгарское государство, империя Цин не смогла сразу же подчинить себе Джунгарию. Ойраты поднимались на борьбу за свою свободу против цинского господства. Чтобы удержать за собой земли Джунгарии, пекинский двор пошел на полное уничтожение местного населения. В указе богдыхана от 1755 г. говорилось, что нужно вырезать непокорных ойратов. Этот указ вышел тогда, когда только поднималось антицинское движение в Джунгарии. Пекин еще делал вид, что склонен придерживаться избирательного подхода. Но вот уже указ от 1756 г. гласил: «истребить» ойратов «вообще»⁴.

По словам Черепановской летописи, в Джунгарии «люди и скот весь вырублены без остатку, так что и в плен их не брали, только те спаслись, которые убежали в Российские границы»⁵.

Вторгнувшись в Джунгарию, империя Цин простирает затем виды и на Казахстан. Запугивая казахских правителей своей мощью (живым примером служила участь джунгар), она требовала от них признания факта включения всех бывших джунгарских земель в состав Китайской империи. Вслед за ликвидацией Джунгарского ханства император Хун Ли решил прибрать к рукам также и населенный уйгурами Восточный Туркестан, ранее подвластный джунгарским ханам. «Обоснованием» для этих

¹ Васильев В. П. Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. — В кн.: Годичный торжественный акт в императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля 1859 г. Спб., 1859, с. 101.

² Подробнее об этом см.: Кузнецов В. С. Политика империи Цин в отношении уйгурских княжеств Турфан и Хами (вторая половина XVII — первая четверть XVIII в.). — В кн.: Восьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1977.

³ Кузнецов В. С. Агрессия Цинской империи в Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). — Новая и новейшая история, 1980, № 1, с. 50.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964, с. 458.

поползновениям послужило то обстоятельство, что цинский богдыхан считал себя «законным преемником» джунгарских ханов⁶. Военную кампанию в Восточном Туркестане цинское правительство стремилось использовать для распространения своего влияния на соседние с Кашгарией народы и государства — киргизов, Бадахшан, Болор, Коканд. Так, в ходе разгрома подорванного внутренними междоусобицами Джунгарского ханства и захвата Восточного Туркестана цинский двор по собственной инициативе вступил в контакты с казахскими и киргизскими старшинами, правителями Ферганы, памирских и пригиндукушских владений.

Ставшие с этого времени западными соседями цинского Китая, казахи, киргизы, Ташкент, Фергана (Андижан, Наманган, Коканд), Бадахшан, Болор, Афганистан молча признали факт включения в его состав территории Джунгарского ханства и Кашгарии и продемонстрировали отсутствие враждебных намерений к Цинской империи, направив в Пекин свои посольства. Однако инициатива в установлении дипломатических контактов с казахами, киргизами, Кокандом, Ташкентом, Бадахшаном, Болором исходила от Цинской империи. Посылка китайских военно-дипломатических миссий к правителям этих владений предшествовала отправке послов последних ко двору богдыхана. В той или иной форме побуждая соседних правителей вступить с ним в сношения, Цинский дом одновременно пытался, навязав свои принципы взаимоотношений, держать народы и государства Центральной и Средней Азии в сфере своего влияния. Правящая верхушка Китая была вынуждена довольствоваться формальным изъявлением их лояльности. Реально подчинить своей власти киргизов, казахов, Ташкент, Коканд, памирские и пригиндукушские княжества Цинский дом не мог в силу целого ряда причин. Внутриполитическая обстановка там была весьма отличной от той, которая имела место в Джунгарском ханстве и Восточном Туркестане.

Таким образом, в силу причин внешне- и внутриполитического характера к началу 60-х годов XVIII в. западными рубежами собственно Цинской империи стали границы Синьцзяна — «Новой территории», как стали именоваться сведенные воедино Джунгария и Восточный Туркестан. Земли вне их пределов обозначались общим понятием «внешние» или «вассальные» владения.

Западная граница империи Цин не стала границей мира и добрососедства из-за агрессивных устремлений и гегемонистских амбиций Пекина. Территориальный вопрос стал основной причиной постоянных конфликтов между

казахами и киргизами с одной стороны и империей Цин — с другой. Недобрососедски складывались отношения у империи Цин и с одним из крупнейших среднеазиатских государств — Кокандским ханством. Правители империи Цин исключали возможность общения с кокандским двором, как и с прочими соседями, на равной основе. Сам факт существования независимого Кокандского государства не давал Пекину покоя, ибо он опасался за стабильность устоев цинского господства в Кашгарии, где исторически влияние Коканда, как экономическое, так и политическое и культурное, было весьма сильным. Среди побежденного, но не покоренного местного уйгурского населения Восточного Туркестана бытовало вполне обоснованное мнение, что Коканд — государство единоверцев — не останется безучастным, когда в Кашгарии начнется борьба с маньчжуро-китайскими поработителями.

Конец 50-х — начало 60-х годов XVIII в. — период наибольшей агрессивности Китайского государства на западе. Цинская империя бряцает оружием, требуя покорности от западных «варваров». В 60-е годы XVIII в. Цинский дом еще претендует на роль вершителя судеб народов Центральной и Средней Азии. Однако диктат не срабатывал. Первая половина XIX в. отмечена переломными событиями в социально-экономической и политической жизни цинского Китая. С конца XVIII — начала XIX в. он вступил в полосу затяжного кризиса. Кризис, в свою очередь, отразился и на внешнеполитических позициях Китая. Империя Цин оказывается неспособной влиять на развитие обстановки за пределами Синьцзяна. В жизни же народов Казахстана и Средней Азии совершаются события исторического значения — они входят в состав России. Последствия этого акта имели прогрессивное значение для политического и социально-экономического развития народов Казахстана и Средней Азии «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. — писал Ф. Энгельс в письме к К. Марксу. — ...господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии...»⁷. С угасанием мощи Цинской империи на рубеже XVIII—XIX вв. китайский традиционный принцип внешнеполитической практики «сюэрен — вассал» становится явным анахронизмом.

Внешиполитическая история Китая в эпоху Цин давно привлекала внимание исследователей. Но получилось так, что подавляющая масса литературы посвящена сношениям Китая с европейскими державами, Америкой, Японией, странами дальневосточного региона. Гораздо меньше написано о взаимоотношениях империи Цин с такими ее соседями на западе, как казахские жузы, Киргизия, Кокандское

⁶ Кузнецов В. С. К истории завоевания империей Цин Восточного Туркестана (50-е годы XVIII в.). — В кн.: Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1979, с. 10.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 241.

ханство, памирские княжества. Достаточно сказать, что монографических исследований специально на этот сюжет не опубликовано ни в нашей стране, ни за рубежом. Отдельные аспекты проблемы получили определенное освещение в сводных работах по истории Казахстана, Киргизии, русско-китайских отношений. Вместе с тем политика цинского Китая, факторы, ее определявшие, не имеют комплексной разработки ни с точки зрения широты тематики, ни хронологически.

Из исследований, имеющих прямое отношение к названной проблематике, в первую очередь следует назвать цикл работ В. С. Кузнецова⁸. Они охватывают тематически широкий спектр аспектов проблемы «Империя Цин и западные соседи» в пределах большого периода времени. Для работ В. С. Кузнецова характерно широкое использование китайских источников, прежде всего документальных материалов Цинского дома. Уместно в этой связи отметить, что им впервые в отечественной и западной синологии введены в широкий научный оборот применительно к проблеме «Китай и западные соседи» материалы цинской хрони-

ки «Дайцин личао шилу». Документальные данные из архива Цинского дома при критическом их использовании позволили автору показать комплекс внешнеполитических проблем, связанных с западными соседями, как он представлялся цинской администрации, факторы, определявшие внешнеполитический курс Пекина, и методы его проведения. Если цинские документы непосредственно отражают позиции китайской стороны, ее установки, то о том, как все это воспринималось и представлялось другой стороной, с которой так или иначе контактировала империя Цин, дают возможность судить материалы российского внешнеполитического ведомства. Они, в свою очередь, широко представлены в работе Б. П. Гуревича, посвященной международным отношениям в Центральной Азии в XVII—XIX вв.⁹

Более полное представление о состоянии изученности проблемы «Цинская империя и западные соседи» читатель может составить по историографическому обзору «Введения».

В. Ларичев

⁸ Кузнецов В. С. К вопросу о политике цинского правительства в Восточном Туркестане во второй четверти XIX в.— Изв. АН КазССР, 1961. Сер. ист., археол. и этногр., вып. 2; Он же. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в.— Там же, вып. 3; Он же. Казахско-китайские торговые отношения в конце XVIII в. (по китайским источникам).— В кн.: Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962; Он же. К вопросу о торговле Англии и России с Синьцзяном в первой половине XIX в.— Изв. АН КазССР, 1963. Сер. обществ. наук, вып. 3; Он же. Из истории завоевания Джунгарии цинским Китаем.— Народы Азии и Африки, 1970, № 3; Он же. Из истории взаимоотношений цинского Китая с Кокандским ханством.— В кн.: Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. М., 1972; Он же. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX в. М., 1973; Он же. О дипломатической практике цинского двора в сношениях с западными соседями.— В кн.: Четвертая

научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1973; Он же. Империя Цин и Дурраннская держава.— В кн.: Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1974; Он же. К истории завоевания империей Цин Восточного Туркестана (50-е годы XVIII в.).— В кн.: Десятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1979; Он же. Антицинские выступления в Восточном Туркестане в первой половине XIX в.— В кн.: П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти). Материалы конференции. М., 1979; Он же. Агрессия Цинской империи в Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.).— Новая и новейшая история, 1979, № 1; Он же. Империя Цин и памирские княжества во второй половине XVIII в.— В кн.: Одиннадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1980.

⁹ Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979.

ВВЕДЕНИЕ

XVIII век ознаменовался переломными событиями в жизни народов Центральной Азии. Форсируя военно-политическую экспансию на запад, Цинская империя во второй половине XVIII в. сокрушила Джунгарское ханство и низвергла династию ходжей, правившую в Восточном Туркестане. Бурные события, разыгравшиеся в степях Джунгарии и в оазисах Восточного Туркестана, непосредственно затронули население Сибири, Ферганской долины, Памира и Казахстана. Силой оружия продвигнув рубежи своей империи до владений среднеазиатских и казахских правителей, Цинский дом пытался распространить и закрепить там свое влияние.

Одним из наиболее слабо изученных узловых вопросов внешнеполитической истории Китая остается проблема взаимоотношений Цинской империи с казахами, Кокандским ханством, киргизами, Бадахшаном, Афганистаном, пригиндукушскими княжествами, а также китайско-русских отношений на центральноазиатском театре.

Исследование названной проблемы имеет немаловажное научное значение, ибо позволяет осветить цели и методы внешней политики цинского Китая на западе, пролить дополнительный свет на многие страницы истории народов Центральной Азии. Указанная проблема имеет и актуальное политическое значение.

Вопрос о взаимоотношениях Китая с народами Центральной и Средней Азии в прошлом — предмет особого интереса для китайских националистов всех мастей. В китайской литературе довольно широко бытует такого рода представление, что казахи и киргизы во времена Цинской династии были зависимы от Китая. Эти установки имперских времен имеют хождение на страницах разных изданий.

Следует особо остановиться на статье Чжэн Ши, чтобы показать, как манипулируют он и ему подобные авторы, дабы доказать «исторические права» Китая на чужие земли. Во-первых, цитируя «Сичуй яолюэ», Чжэн Ши игнорирует тот факт, что в этом источнике ничего не гово-

рится о том, что предводители племен, расселившихся вдоль рубежей Синьцзяна, были подведомственны кашгарскому наместнику. Сказано лишь, что по представлению последнего биям выдавались знаки чиновного достоинства (перо и шарик на шапку). И только. Но, отметим со своей стороны, обладание этими атрибутами еще не свидетельствовало о какой-то зависимости от цинского начальства биев, тем более, что они размещались со своими людьми за пределами Синьцзяна.

В качестве еще одного аргумента в пользу принадлежности Памира Китаю Чжэн Ши приводит то обстоятельство, что имели место эпизодические вторжения цинских войск в районы Памира [143, с. 114—115]. Но при этом Чжэн Ши сознательно умалчивает о том, что киргизы оказывали упорное сопротивление вторгавшимся в их земли цинским войскам, рассматривая их как противника.

По своей направленности такого рода публикации о сношениях империи Цин с западными соседями принципиально не отличаются от изданий, выходящих на Тайване. Показательно, например, предисловие к новому, тайбэйскому изданию «Атласа Китая периода Цин» 1760 г. [133]. В предисловии некий Чжан Циюнь внушает читателю: «Территория Китайской республики в основном сложилась в период расцвета Цинской империи, в годы Кан Си и Цянь Лун...».

Отсюда представляется весьма настоятельным изучение внешнеполитической истории Китая в прошлом, в частности его отношений с казахами, киргизами, Кокандом и памирскими уделами. Исследование этих вопросов позволит воссоздать историческую действительность и тем самым даст новые возможности для разоблачения беспочвенности территориальных притязаний китайских националистов.

Кратко рассмотрим состояние литературы и источников по интересующему нас вопросу.

Прежде всего, мы имеем здесь значительное количество публикаций, появившихся в самом Китае в конце XVIII — начале XIX в. В ос-

новном это не исторические сочинения, в нашем понимании слова. Они представляют собой официальные сводные историко-географические описания Синьцзяна [136, 137], записки находившихся там должностных и частных лиц [116, 117, 124, 123, 125, 129, 144].

Великодержавие, китаецентризм, присущие политическому мышлению правившей в Китае элиты, наличествуют и в сочинениях частного характера. Пример тому «Записки» Чунь Юаня. Чунь Юань не просто фиксирует «виденное и слышанное», а интерпретирует события под вполне определенным углом. Сообщив, что казахский султан Аблай (мазком кисточки Чунь Юань произвел его в «ханы») признал «вассальную зависимость» от дома Цин, Чунь Юань обобщает: территория, занимаемая людьми Аблая, вошла в состав Цинской империи, которая является единственной «носителем цивилизации», и потому приобщиться к таковой «искренне» стремятся казахи.

«Цивилизаторскую» роль Поднебесной автор усматривает и в том, что киргизы, утратившие ее мощи, «присмирели и меньше причиняют беспокойства» соседям.

Из собственно исторических работ в первую очередь назовем сочинение «Шэн у цзи» («Записки об августейших ратных деяниях») Вэй Юаня, известного историка эпохи Цин.

Разделы о покорении Джунгарии и Кашгарии в указанной книге — это панегирик завоевательной политике богдыхана Хун Ли. Своими деяниями он возвел Поднебесную. Вэй Юань проводит ту мысль, что насильственное включение Джунгарии и Кашгарии в состав империи Цин — дело, предопределенное в силу особых исторических прав Китая на эту территорию. Отсюда Амурсана и братья-ходжи, боровшиеся за независимость от Китайской империи соответственно Джунгарии и Кашгарии, суть не кто иные, как «бунтовщики», навлекшие своим «непослушанием» беды на ойратов и туркестанцев. По завоевании Джунгарии и Кашгарии, пишет Вэй Юань, империи Цин и дела не было до их соседей: казахов, Коканда, киргизов, Бадахшана и Афганистана, с которыми у нее не было прежде никаких контактов. Но вот мы «взнуздали их», горделиво отмечает Вэй Юань, «не звали их, а они сами пришли к нам с покорностью». По словам цинского историка, получилось это следующим образом: Амурсана, «взбунтовавшись», укрылся у казахов. И из-за этого они назвались вассалами империи Цин и представили дань. «Подняли мятеж» братья-ходжи в Кашгарии, а в итоге киргизы и государства к западу от Цуньлинь (Луковский хребет) поступили так же, как казахи. Словом, конкретные события Вэй Юань рассматривает через призму традиционных представлений официальных китайских кругов об особой роли Поднебесной, роли гегмона окружающей «варварской» периферии.

2*

С позиций великодержавных устремлений трактовал взаимоотношения Китая с казахами цинский ученый Хэ Цютао. В ряде случаев он переиначивал даже богдыхана Хун Ли. Если тот в своих указах неоднократно подчеркивал, что казахи — это лишь «иноземные вассалы», не одинаковые по своему положению с монголами, фактическими подданными Китая, то Хэ Цютао, сознательно фальсифицируя факты, пишет, что по отношению к Цинской империи казахи «во всем одинаковы с монголами внутренних территорий страны» [126, т. 6, л. 1а]. Равным образом фальсифицирует сведения официальных цинских документов Вань Шунань. Делает это он для того, чтобы представить внешнюю политику Цин в более привлекательном виде, создать видимость, что у нее с так называемыми «иноземными вассалами» было сердечное согласие. Так, например, Ван Шунань безапелляционно внушает: все правители Кокандского ханства «с почтением служили Китаю» [101, т. 2, л. 1а].

Эпизодические факты, имевшие место в конце XVIII в., Ван Шунань выставляет в качестве доказательств принадлежности той или иной территории Китаю. Цинские войска, преследуя бежавших правителей Кашгарии, ходжей, сражались с ними в местности имярек. В честь одержанной победы маньчжурское командование поставило там стелу. В этой связи Ван Шунань ничтоже сумняшеся пишет: «Поскольку стела находилась в данной местности, то принадлежность последней Китаю несомненна» [101, т. 1, л. 10а].

После ниспровержения династии Цин вопрос о ее взаимоотношениях с народами и государствами Центральной и Средней Азии не утратил интереса для китайских авторов. Они, как правило, придерживаются трафаретных установок имперской историографии. Примером могут служить книги Чжугэ Цзюйчуаня [142], Ли Юнбина [159]. Рассматривая ход китайско-кокандских отношений, последний вместе с тем делает трезвые суждения такого рода, что упадок империи Цин в XIX в. определял ее уступчивость в отношении претензий со стороны Кокандского ханства [159, с. 489].

В работах, вышедших при гоминьдановском режиме, тоже повторяются установки имперской историографии. Проблема «Китай и соседи на Западе» освещалась с позиций великодержавных устремлений. Эта проблема подавалась не просто как сюжет внешнеполитической истории, а как требующий решения вопрос о возврате якобы «утраченных территорий». В этом отношении очень показательна книга Сяо Ишаня.

Та же скорбь об «утраченных землях» и прямые или скрытые призывы к их возврату сквозят у Ван Туялина [99], Цзэн Вэнь [127], Хун Дичэня [122] и др.

Выступая с позиций воинствующего великоханьского национализма, Цзэн Ваньу, однако, делает и такого рода трезвые признания, что цинский двор фактически не управлял «вассальными владениями». Их внутренние дела и внешние связи не входили в прерогативы правительства империи Цин [127, с. 260].

Установки традиционной китайской историографии нашли отражение и в работах, появившихся в первые годы существования КНР. Примером может служить «Краткая история Китая» Люй Чжэнюя [114]. Оценивая итоги внешней политики цинского двора, он отмечает, что в результате ее осуществления «добавилось [число] вассальных владений».

С конца 60-х годов для публикаций по внешнеполитической истории Китая, выходящих в КНР, уже общим становится стремление исторически обосновать абсурдные территориальные притязания маоистского руководства на земли Советского Союза, в частности советских среднеазиатских республик и Казахстана [87, с. 321—322].

Из последних работ такого рода очень показательна статья Юй Фушуня [145]. Стоя на позициях ханьского великодержавия, этот автор вопреки общеизвестным фактам полностью отрицает существование независимого государства западных монголов (ойратов) — Джунгарского ханства. Завоевательную войну, которую против него развязала империя Цин, Юй Фушунь представляет всего-навсего как ...подавление цинским правительством мятежа, который имел место «в джунгарском уделе нашего государства» [145, с. 76].

Совершенно произвольно трактуя процесс формирования западной границы империи Цин, Юй Фушунь утверждает, что синьцзянские караулы «определили» южные и восточные части кочевий «нашего государства казахов и киргизов» [145, с. 78].

В стремлении подвести некую «научную» базу под реестр якобы утраченных империей Цин земель Юй Фушунь, например, пишет буквально следующее: «На Аягузе, Лепсе, Каратае, расположенных по внешнюю сторону линии (цинских.— В. К.) караулов, были поставлены обо...» [145, с. 80]. Таким образом, за неимением сколько-нибудь убедительных доказательств принадлежности названных территорий империи Цин автор ссылается на наличие «обо» — каменных куч. Но когда, кем и для чего они были насыпаны, Юй сознательно умалчивает. Впрочем, особой надобности в аргументах он не испытывает. Так, даже не претендуя на существование каких-либо цинских караулов или даже «обо», поставленных цинскими солдатами в окрестностях оз. Иссык-куль, Юй Фушунь походя объявляет этот район подвластным начальству цинской крепости Или (Кульджа). Теперь, акцентирует он, это — «советское озеро Иссык-куль», таким

приемом пытаюсь внушить читателям, что некогда оно принадлежало империи Цин [145, с. 76].

Для Юй Фушуня, как и для прочих авторов подобных опусов, характерно, с одной стороны, стремление представить империю Цин миролюбивым государством, которое вовсе и не помышляло о территориальных захватах, не пыталось диктовать свои условия другим, но пеклось о поддержании добрых отношений с соседями, и с другой — выставить Россию как неизменно враждебную Китаю силу, лишившую его значительной части территории.

Россия, следом за гоминьдановскими авторами внушает Юй Фушуню, в 1862—1864 гг. «отняла у нас огромные территории на Западе» [145, с. 80].

Сознательно фальсифицируя внешнеполитическую историю империи Цин, Юй Фушунь утверждает, что у цинского правительства были «хорошие добрососедские отношения» с Кокандом, Андижаном, Бадахшаном [145, с. 77]. При этом Юй Фушунь воздерживается иллюстрировать такое утверждение ссылками на доступные ему данные цинских анналов, которые говорят совсем иное, чем он.

Западноевропейская литература, освещающая отношения империи Цин с ее соседями в Центральной Азии в конце XVIII в., в основе своей исходила из тех сведений, которые сохранились в китайских сочинениях.

Первыми, кто поведал европейскому читателю о кампании цинских войск на Западе, были католические миссионеры. Так, Амио [149] и Майя [160] перевели некоторые китайские сочинения, содержащие сведения о войне империи Цин на Западе.

В первой четверти XIX в. в России и западноевропейских странах увеличивается выпуск публикаций по китайской тематике. В частности, растет число переводов из некоторых китайских сочинений, содержащих сведения о взаимоотношениях Цинского дома с народами и государствами Центральной и Средней Азии.

Издания подобного рода, не претендуя на самостоятельность изложения, в то же время давали верное представление об агрессивной природе внешней политики империи Цин. Так, С. Липовцов особо акцентировал то обстоятельство, что цинское командование угрозами устроить резню побуждало казахов не давать убежища Амурсане, одному из вожаков освободительной борьбы ойратов [59, с. 77].

Начиная с 30-х годов XIX в. и вплоть до начала нашего столетия, вопросы истории народов Центральной и Средней Азии, в частности их взаимоотношения с империей Цин, вызывают живейший интерес у русской общественности. В указанный период завершается процесс добровольного присоединения казахских земель к России и учреждения россий-

ской гражданственности на территории Казахстана и Средней Азии. Происходит территориальное размежевание на договорной основе между Россией и цинским Китаем.

Существо и форма прошлых взаимоотношений населения русской Центральной и Средней Азии с империей Цин, бывшая принадлежность земель, занимаемых казахами, киргизами, — вот основной круг вопросов, на который пытались дать ответ русские ученые и чиновники различных ведомств, путешественники и публицисты.

Среди разнородной по своему характеру отечественной литературы выделяется сводная работа о Кашгарии Ч. Валиханова [19]. Он справедливо отмечал агрессивный характер политики Цинской империи в отношении Центральной и Средней Азии. Не лишено оснований предположение Ч. Валиханова о намерении богдыхана Хун Ли повторить времена императоров династии Тан, при которых Китай проводил политику широкой военно-политической экспансии в Центральную Азию.

Более категоричен в данном отношении В. П. Васильев. По его мнению, захватом Джунгарии китайцы рассчитывали навечно обеспечить свое владычество над всем Востоком, держать в сфере влияния соседей с Запада [21, с. 144].

Экспансионистские устремления империи Цин в конце XVIII в. конкретно в отношении районов Средней Азии, Казахстана, Алтая отмечали А. Н. Куропаткин [56, с. 110—111], А. И. Добросмыслов [27, с. 23], Н. Балкашин [6, с. 3].

В дореволюционной отечественной литературе довольно широко бытовала версия о том, что империя Цин якобы призывала казахов занимать оставшиеся свободными после джунгар земли или великодушно отказалась в пользу казахов от части джунгарского территориального наследия [92, с. 170; 62, с. 134, 136; 24, с. 324]. Эта версия идет вразрез с официальными установками цинского двора.

Составители «Материалов по киргизскому землепользованию» сумели в основном верно отразить существо дела: после разгрома Джунгарского ханства казахи хлынули на освободившиеся земли, но тут на часть этих земель предъявил притязания Китай [67, с. 4].

Формальный (без конкретного анализа) подход, неведение относительно цинского дипломатического протокола в известной мере способствовали тому, что внешнеполитические контакты цинского двора с отдельными представителями казахской верхушки некоторыми дореволюционными авторами совершенно неправомочно квалифицировались как проявление зависимости казахов от империи Цин [16, с. 412; 62, с. 29; 6, с. 62].

Принципиально верную, соответствующую

историческим реалиям точку зрения высказал Красовский. «Китайское подданство» части казахских родов, указывал он, было чисто номинальным [44, с. 8—9]. Позднее это положение подтвердил И. И. Крафт применительно к Среднему жузу. Основываясь на правовых нормах, бытовавших в казахском обществе, Крафт подчеркивал, что владетель Среднего жуза султан Аблай оставался независимым от Китая [46, с. 8]. В начале нашего столетия точку зрения о независимости казахов от Китая популяризировал П. Румянцев [77, с. 203].

В. П. Васильев, рассматривая характер взаимоотношений Поднебесной с ее западными соседями (кроме России), квалифицировал этих соседей как «мнимых подданных» Китая [21, с. 144]. Правильность этого суждения подтверждается при конкретном анализе процесса внешнеполитических контактов империи Цин с государствами и народами Центральной и Средней Азии.

Для уяснения характера отношений империи Цин с соседними государствами принципиально важное значение имеют суждения А. Снесарева. Указание А. Дюранда о том, что «правитель Хунзы» признавал также «сюзеренитет» Китая, платил ему номинальную дань и взамен «получал подарки от властителя Китая» [29, с. 122], А. Снесарев снабдил примечанием, которое заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным полностью. «Подобные отношения, — акцентирует А. Снесарев, — едва ли могут быть подведены под европейскую форму отношений вассала с сюзереном. Указанные взаимные (курсив автора. — В. К.) одаривания имели место весьма часто как в пригиндукушских странах, так и в припамирских, подарки были обыкновенно равноценны и состояли из предметов, наиболее характерных для страны; сначала посылала страна более слабая, но взамен тотчас же получала подарок от более сильной» [29, с. 122].

В сравнении с проблемой китайско-казахских отношений вопрос о контактах Китая со среднеазиатскими владениями получил в дореволюционной отечественной литературе гораздо меньшее освещение.

Н. Н. Балкашин писал о намерении китайцев покорить среднеазиатские ханства [6, с. 45]. Однако, как указывал А. З. Валидов на примере Коканда, эти поползновения не удалось материализовать. Они даже не отразились в памяти народа [18, с. 111].

В дореволюционных работах суждения о конкретных результатах внешней политики Цин в Центрально-Азиатском регионе зачастую принадлежали естествоиспытателям, географам-путешественникам. Они нередко пользовались случайными данными, что и приводило к неверным утверждениям. Это, в частности, относится к А. Миддендорфу [68, с. 383], Н. Северцову [79, с. 102], Л. Бергу [12, с. 5], М. Ве-

нюкову [22, с. 173]. Вместе с тем в ряде публикаций отечественных авторов, путешественников и официальных лиц, содержатся ценные, заслуживающие несомненного внимания сведения по интересующей нас проблеме. Так, Е. Тимковский отметил два примечательных обстоятельства. Во-первых, принимать казахские посольства для цинской казны оказалось обременительным. Во-вторых, раздача приезжавшим ко двору казахским старшинам знаков чиновного достоинства не давала эффекта [85, с. 254].

Запрет на торговлю русских в Синьцзяне, введенный в 60-х годах XVIII в., акцентировал Путимцев, лишая выгод и сам Китай [75, с. 115]. И. П. Шангин подробно охарактеризовал принципы, на которых строилась казахско-китайская торговля [92, с. 355]. Эти сведения Шангина, собранные путем расспросов, идентичны данным китайских источников.

На конец XVIII в. пришелся зенит завоевательной политики империи Цин. В начале XIX в. ее очевидный упадок отразился и на отношениях с соседями. Этот примечательный момент не остался не замеченным в русской дореволюционной литературе, в частности при освещении взаимоотношений Кокандского ханства и империи Цин. Правители последней, как отмечалось в ряде работ, находились в определенной зависимости от кокандского двора: не могли удерживать за собой Кашгарию без того, чтобы не делать определенные поправки кокандскому двору. Согласно соглашению, якобы заключенному между ними, цинские власти платили кокандским ханам субсидию, а те, в свою очередь, обязались держать под контролем ходжей, потомков бывших владельцев Кашгарии, находившихся в среднеазиатских пределах. Так представляли дело Ч. Валиханов [19, с. 53], В. Наливкин [71, с. 109], Корнилов [43, с. 15], Н. Н. Балкашин [6, с. 66]. К концу 20-х годов XIX в. договор этот Коканд не соблюдал, и цинскому двору в начале 30-х годов пришлось пойти на новые, более серьезные уступки. Кокандский хан получил право брать в свою пользу сборы с иностранных торговцев в Кашгарии.

Западноевропейскую литературу минувшего столетия о внешней политике империи Цин в Центральной и Средней Азии в конце XVIII в. представляли вначале переводы или пересказы одного и того же ряда китайских источников, ставших своего рода хрестоматийными. Назовем публикации Клапрота [157], Абель-Ремюза [148], Денби [153], Имбо-Юара [156].

Из сводных работ, освещающих политику империи Цин в Центральной и Средней Азии, отметим сочинения Д. Боулджера [150; 151]. В период завоевания Джунгарского ханства и уйгурского государства в Восточном Туркестане имя «китаец», акцентировал он, наводило

ужас на население Центральной Азии [150, с. 215].

Признавая, что имевшиеся в его распоряжении данные китайских источников не позволили ему более или менее верно оценить результаты военно-дипломатических акций Цин на Западе, Боулджер тем не менее делает многозначительные обобщения, например когда указывает, где богдыхан Хун Ли проложил границу своих владений на Западе [151, с. 492].

В целом Боулджер следует за установками официальной китайской историографии. Пример тому — его трактовка вопроса китайско-кокандских отношений. Так, он писал о том, что Цинский дом всемерно поощрял торговлю кокандских подданных, а отношение китайских властей было таково, что андижанцы в Кашгарии чувствовали себя как дома [151, с. 51]. Идиллическая картина, нарисованная Боулджером, была весьма далека от действительности.

Центральная Азия и Цинская империя — сюжет специального исследования М. Курана [152]. Он в несколько приукрашенном виде подает политику Цинской империи. Так, Куран пишет, что ее правительство поощряло торговлю с соседями на западе, умалчивая об ограничениях, которым подвергалась коммерческая деятельность среднеазиатских торговцев в империи. Маньчжурские власти у автора выглядят альтруистами-миротворцами, которые из чистых побуждений мирят Коканд и киргизов, казахов и Коканд [152, с. 128—129]. В действительности же цинская администрация, порою выступая в роли посредника, прежде всего руководствовалась собственными интересами.

Западноевропейскую литературу XIX в. по интересующей нас проблеме представляют также помимо общих работ по Китаю сочинения путешественников, чиновников из сопредельных с Китаем владений [11, 15, 91, 158, 164, 167].

Остановимся на некоторых суждениях, содержащихся в упомянутого рода публикациях.

Г. Лэнсделл, предположительно говоря о том, что при Ирдане Коканд якобы подпал под китайское влияние, подтверждающих это фактов по существу не приводил [158, с. 503]. Более категоричны, но априорны суждения Э. Паркера относительно степени влияния империи Цин в среднеазиатских ханствах и памирских княжествах [161, с. 77].

Заслуживает внимания воспроизведенная Биддёлфом устная традиция читральцев, которая ничего не говорит о регулярной уплате подати в китайскую казну [15, с. 200]. Это одно из убедительных свидетельств независимости Читрала от империи Цин.

Внешнеполитическая история Китая в новое время, в том числе и история его отношений с западными соседями, получила определенное освещение в советской литературе.

Характеризуя политику цинского Китая в отношении Средней Азии, Л. И. Думан акцентировал агрессивный характер этой политики [28, с. 55, 101].

Что касается конкретных этнополитических ареалов, то в первую очередь коснемся суждений исследователей о Казахстане, учитывая очередность военно-политических акций Цинов в Центральной Азии.

По мнению Б. Г. Курца, после завоевания Джунгарии Китайская империя поставила своей очередной задачей присоединение казахских земель к своим владениям [57, с. 128].

В Семиречье казахи, отмечал В. В. Бартольд, были совершенно не зависимы от империи Цин [9, с. 101].

О первых контактах китайских властей с одним из казахских султанов Аблаем упоминается одинаково с рядом погрешностей в книге М. Вяткина [23] и в первом томе «Истории Казахской ССР» [39].

И. Я. Златкин ввел в научный оборот русские архивные материалы, иллюстрирующие отношения казахов с Цинской империей в период завоевания Джунгарии [33, с. 31]. Его данные по этому вопросу принципиально не расходятся со сведениями цинских источников. И. Я. Златкин указывает, что Цины пытались привлечь казахского султана Аблая к борьбе против Амурсаны, непокорного ойратского предводителя, но это удалось им лишь на завершающем этапе джунгарской кампании [34, с. 450, 453, 460]. Сходные суждения о первых китайских посольствах к Аблаю высказаны К. Ш. Хафизовой [95].

В статье о торговле Цинской империи с казахами С. К. Ибрагимов [35] привел документальные материалы о том, что товарообмен казахов с цинскими властями намного уступал по объему казахско-русской торговле. Ряд априорных суждений о политике империи Цин в отношении казахов во второй половине XVIII в. высказал В. Я. Басин. Основные его положения заключены в следующем. Покорив Кашгарию, Цины попытались распространить влияние на отдельные области Средней Азии и Казахстана. Главную ставку при проведении своей политики в Казахстане цинский император делал на вооруженные силы. Кроме того, цинский двор рассчитывал при помощи подачек и посулов привлечь казахских владетелей на свою сторону. Таким путем цинские правители, в частности, стремились не допустить сближения казахских предводителей с коренным населением Синьцзяна, которое разворачивало национально-освободительную борьбу против китайских завоевателей [10, с. 207, 208, 210, 241].

К некоторым частным аспектам китайско-казахских отношений во второй половине XVIII в. обращалась К. Ш. Хафизова. По ее мнению, целью политики цинского двора в от-

ношении казахов было не допустить усиления влияния России в казахской степи [96, с. 194]. При этом особое внимание «цинские дипломаты уделяли использованию патриархально-родовых традиций с целью психологической обработки» [97, с. 183].

Попытка изложить основные моменты взаимоотношений империи Цин с киргизами в конце XVIII в. принадлежит А. Бернштаму [13]. Он отмечал, что цинские власти старались расположить к себе киргизов. «Эта особая политика Китая была вызвана попыткой создать буфер между Синьцзяном и Средней Азией» [13, с. 130].

А. Бернштам на основании показаний очевидца сделал следующий важный вывод. На Алае не было никаких свидетельств «о наличии здесь китайских гарнизонов или военно-поселенцев, связанных обычно с теми территориями, которые входили в состав Китайской империи» [13, с. 130].

В отличие от А. Бернштама Б. Джамгерчинов акцентировал агрессивный характер политики Китая в отношении киргизов. Согласно трактовке Джамгерчинова, в начале 60-х годов XVIII в. цинский Китай «направляет свою агрессию в сторону киргизов» [26].

Неудачная попытка охарактеризовать политику империи Цин в отношении киргизов предпринята в «Истории Киргизии». Говоря об участии выступлений киргизских племен против бесчинств цинских чиновников, авторы этой работы в качестве причины приводят высказывание из «Черновой истории династии Цин». Суть высказывания в том, что лишь после правления императора Хун Ли «пограничные чиновники потеряли чувство меры и злоупотребляли властью» [40, с. 275]. Между тем цинские сатрапы чинили бесчинства в отношении «варваров» — киргизов — и в годы Цянь Лун (1736—1795), что признавал и сам богдыхан Хун Ли. Составители китайской «Черновой истории династии Цин» предприняли сознательную попытку идеализировать цинский режим в период Цянь Лун, авторы же «Истории Киргизии» некритически восприняли их суждения.

Политику Цинской империи по отношению к киргизам в конце XVIII — начале XIX в. рассматривали М. Сушанло и Н. Мадеюев. Суть концепции авторов такова: после завоевания Восточного Туркестана цинские власти на первых порах старались не обострять отношений с киргизскими племенами, предоставили предводителям киргизов определенные привилегии [83, с. 181]; с окончанием царствования императора Хун Ли (1795 г.) политика пекинской администрации в отношении киргизов стала «неразумной», и киргизы взялись за оружие [83, с. 162]. Эта весьма упрощенная схема создает недостаточно верное представление о политике Цинов в отношении киргизов.

Н. Мадеюев и М. Сушанло высказали противоречивые суждения о политике цинских властей и в отношении торговли с киргизами. С одной стороны, по их словам, цинская администрация Синьцзяна была заинтересована в расширении торговли населения края с киргизами [61, с. 185]. С другой — «цинские власти вопреки своим желаниям не могли запретить торговлю с киргизами» [61, с. 186].

Касаясь китайско-кокандских отношений, П. И. Фесенко на основании неких «достоверных сведений» утверждал, что в 1816 г. цинские власти отдали в полное распоряжение узбеков кашгарский рынок [90, с. 68—69].

Характеризуя отношения империи Цин с правителями Ферганы, П. И. Иванов рассматривал установление дипломатических контактов между ними как опосредование зависимости ферганских правителей от дома Цин. Но вместе с тем он отметил, что она имела «скорее формальное значение» [36, с. 108].

Западная кампания цинских войск нашла резонанс не только в непосредственно сопредельных с Кашгарией и Джунгарией районах Центральной и Средней Азии, но и на Памире.

Б. И. Искандаров отметил несостоятельность версии о принадлежности Памира, особенно его восточных районов, Цинской империи [37, с. 133]. Цинские власти, по утверждению автора, не интересовались Сарыколом [37, с. 134]. Однако все эти свои суждения Б. И. Искандаров сам и ставит под сомнение, когда пишет о неоднократных восстаниях населения Памира против ига цинских захватчиков [37, с. 135].

Принципиально правильная оценка степени влияния Цинов в казахской и киргизской степи дана в коллективной статье Л. Г. Бескровного, С. Л. Тихвинского, В. М. Хвостова об истории сложения русско-китайской границы [14]. В соответствии с историческими фактами (в том числе и с данными официальных цинских документов) авторы пишут, что «никаких постоянных правительственных органов или военных поселений Цинская империя в районах Средней Азии и Казахстана ни в XVIII, ни в начале XIX века не создавала и не оставляла там крупных контингентов войск» [14, с. 23].

Захват Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана отрицательно отразился и на китайско-русских взаимоотношениях. В каких вопросах это конкретно проявилось, показал Н. Бантыш-Каменский [8].

Целью цинской дипломатии в 20—30-х годах XVIII в. было, как считал Н. В. Кюнер, «нейтрализовать Россию при решении «джунгарского вопроса» [58, с. 24]. В конце 50-х годов XVIII в., не встретив противодействия России во время завоевания Джунгарского ханства, цинский двор стал держаться заносчиво и нагло [58, с. 30]. В. П. Саввин тоже

отмечал агрессивность империи Цин в отношении России в 50-х годах XVIII в. [78, с. 38]. Более полное освещение вопроса «Россия и империя Цин на центральноазиатском театре во второй половине XVIII в.» получил в работах И. Я. Златкина [33, 34]. Им были привлечены новые данные об агрессивных происках цинских властей на российских рубежах.

Политике империи Цин в отношении западных соседей в XVIII — первой половине XIX в. отведено известное место в работе Б. П. Гуревича [25]. Автор в основном представил сведения из архива российского внешнеполитического ведомства. Ничего принципиально нового в сравнении со своими предшественниками в разработку названного сюжета опус Б. П. Гуревича не вносит.

Вопрос об отношениях империи Цин с западными соседями не утратил интереса и для современных зарубежных авторов. Ряд аспектов взаимоотношений империи Цин с государствами и народами Центральной Азии и Средней Азии нашел освещение в работах японского ученого Т. Сагути [162, 163]. Для концепции Сагути характерно определенное влияние традиций имперской китайской историографии.

Сагути, оперируя понятиями «данник», «даннические отношения», но не раскрывая реального содержания этих категорий, создает видимость, что, к примеру, Кокандское ханство, фактически независимое государство, было одним из «подвластных данников» Цинской империи [162, с. 49, 66]. Взаимоотношения Коканда и Поднебесной с самого начала развивались весьма сложно, возникали остроконфликтные ситуации. Богдыхан Хун Ли грозился поставить в Коканде угодного ему бека. У Сагути же отношения Коканда с империей Цин с конца 60-х годов XVIII в. до начала XIX в. были всего лишь «деликатными» [162, с. 58].

Рассматривая вопрос «Цинская империя и киргизы», Сагути исходит из той посылки, что Цинское государство — сюзерен киргизов [162, с. 61], в частности, киргизы племени адигине находились под «прямым контролем» китайских властей [162, с. 55]. В каких это конкретных формах проявлялось, Сагути умалчивает. В конечном счете он вынужден сделать следующее красноречивое признание: контроль Коканда распространялся на киргизов на всем протяжении XVIII в. [162, с. 66]. «Прямой контроль» цинских властей даже в прилегающих к подвластной им Кашгарии районах, в частности занимаемых киргизами-адигине, оказался «довольно слаб» [162, с. 66].

Образчик беспардонной фальсификации истории взаимоотношений Цинской империи с сопредельными государствами и народами являются утверждения американца китайского происхождения И. Сюя. «Мир и процветание», наступившие в Китае в годы правления Цянь

Лун (1736—1795), уверяет Сюй, побудили «многочисленные периферийные государства» платить дань империи Цин и признать сюзеренитет Китая. Среди таковых Сюй называет, в частности, Коканд, Бухару, бурутов (киргизов) и казахов [155, с. 30].

Отдельные аспекты проблемы «Китай и Центральная Азия» рассматривал Д. Флэтчер [166].

Завоевание Джунгарии и Восточного Туркестана непосредственно затронуло сопредельные уделы и племена. Перед лицом угрозы, исходившей от империи Цин, среднеазиатские правители посылали владыке ее Хун Ли смиренные письма. Но, как справедливо отмечает Флэтчер, среднеазиатские владетели на деле не помышляли о подчинении Цинскому дому.

Характер взаимоотношений цинской администрации с пограничными на западе народами рассматривал А. Лэмб [165]. Основной его тезис сводится к тому, что цинские правители могли воздействовать на жизнь казахской и киргизской кочевых общин лишь тогда, когда те оказались в пределах собственно Синьцзяна.

При написании данной работы автор пытался максимально использовать китайские документальные источники цинского периода, ибо по ним более полно, чем по каким-либо другим, можно воссоздать основные моменты политики Цинской империи в отношении Центральной и Средней Азии.

На необходимость привлечения китайских документальных материалов для разработки, например, вопросов истории Казахстана указывал в свое время и такой знаток истории казахского народа, как Ч. Валиханов: «Так как источники для изучения Киргизской степи очень скудны и [сохранились] главнейшим образом в тех разноречивых известиях и слухах, которые записывались в Оренбурге и на Сибирской линии, то акты эти (китайские документальные материалы.— В. К.) как новые данные для бытоописания киргизских орд бесспорно заслуживают внимания отечественных ученых...» [20, с. 170].

Материалам китайских источников присуща тенденциозность в оценке событий и действий отдельных лиц, в освещении целей, которыми руководствовался цинский двор.

Установление сношений иноземных владений с Цинским домом в той или иной форме квалифицируется в китайских источниках цинского периода единственно как результат «искреннего стремления» иноземцев — «варваров» — отдаться под протекцию Цинской империи. После покорения Джунгарии, живописует вводная глава к собранию официальных документов, изданных в Китае в 1772 г., «западные и восточные киргизы, казахи левого и правого отделов, Ташкент, наперегонки, как рыбы к воздуху, устремились к цивилизации, носите-

лем которой являлась династия Цин, прося ее частавлять их уму-разуму» [146, л. 76—8а]. Однако сами документы, представленные в данной публикации, свидетельствуют о том, что инициатива установления этих контактов исходила от Цинского дома.

Обычные в практике посольских сношений того времени подарки изображаются китайскими чиновниками как «дань» цинскому богдыхану.

Следует отметить такое примечательное обстоятельство. В отдельных официальных изданиях начала XIX в. в сравнении с аналогичными публикациями конца XVIII в. наблюдается некоторый отход от традиционных внешнеполитических догм, и исторические реалии представляются достаточно объективно. Вот «Описание Синьцзяна», изданное с санкции императора. В этом уложении Ташкент, Ош, Андижан и др. названы в числе уделов, лежащих за пределами границ Китайской империи; с ними у нее в основном торговые сношения [136, т. 12, л. 16]. Казахи и киргизы, говорятся в этом же официальном описании, располагаются по внешнюю сторону границы Цинского государства [136, т. 11, л. 1а].

Важным источником для изучения отношений империи Цин с соседями на западе являются русские архивные материалы. Они ценны прежде всего тем, что в них зафиксированы такие моменты, которые были не известны китайской стороне, или такие, о которых цинские сановники по определенным причинам предпочитали умалчивать. Вместе с тем следует подчеркнуть, что русские архивные материалы далеко не всегда точно отражают существо дела, когда речь идет о конкретных установках цинского двора, о мотивах, которыми они обусловливались. Причина этого — в степени информированности русских властей, в достоверности тех данных, которыми они располагали. «Сведения о соседних государствах, — отмечал Д. Успенский, — русское правительство получало чисто случайными путями, иногда из крайне сомнительных источников...

Сношения России с Китаем были более близки, но и здесь русским приходилось иногда прибегать к добыче сведений путем бесед нашей пограничной стражи с китайскими караулами, а также из сообщений частных, иногда малоизвестных лиц» [89, с. 57].

Так, в частности, обстоит дело с информацией о контактах цинской администрации с казахскими владетелями. Информация к русским властям поступала от самих казахских правителей или путем расспросов их людей. Одни из них, руководствуясь собственными интересами, другие — по недостаточной осведомленности, зачастую сообщали русской администрации неверные сведения о позиции, которой держалось цинское правительство в том или ином вопросе. На первое из этих обстоятельств

указывал в свое время Ч. Валиханов. Говоря о том, как Аблай ознакомил русского переводчика Гордеева с содержанием грамоты цинского богдыхана, Валиханов писал о своем предке: «Вероятно, Аблай,... [что]бы скрыть то, что было неприятно для него в письме, прихвастнул тем, чего не было» [20, с. 174].

Приведем один конкретный пример того, как неверная информация отложилась в документах русских властей. В 1767 г. Аблай направил к цинским властям своего племянника Даулет-Кирея с просьбой послать ему 20 тыс. солдат и пушки для борьбы с кокандским правителем Ирданой. Пекин ответил отказом (указ от 20 октября 1767 г.). Показания же казахов, представленные в русских архивных документах, дают совершенно неверное представление о результатах этого ходатайства Аблая. По сообщению старшины Сагандыка Мамбетева, в ответ на просьбу Аблая богдыхан дал ему 9 тыс. солдат для войны с Ирданой и, более того, обещал подчинить Ирдану власти Аблая [41, с. 688]. Таким образом, заявление Мамбетева — явный домысел.

Определенный интерес представляют также источники, в основу которых легла запись устной традиции жителей среднеазиатского региона. Отметим публикации А. А. Семенова [80], Бурхан-уд-Динхан и Кушкеки [17], И. И. Зарубина [30]. Однако все эти сведения, исходящие только из устной традиции, требуют строго критического подхода и тщательной проверки.

Кратко резюмируем состояние изученности проблемы «Внешняя политика империи Цин на Западе» в литературе. Экспансия империи Цин на Запад, ее первые контакты со вновь обретенными соседями — таковы в сущности вопросы, которые привлекали внимание авторов,

писавших о внешней политике Китая в Центральной и Средней Азии во второй половине XVIII в.

«Отношения Китая с Кокандом» и «Китайско-русская торговля» — эти две темы являются определяющими для работ, в которых в той или иной степени рассматривалась внешняя политика империи Цин на Западе в первой половине XIX в.

Крайне слабая изученность проблемы политики империи Цин в отношении ее западных соседей на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в., ее научная и политическая актуальность определили выбор темы настоящего исследования. Оно ставит своей целью дать сводный анализ основных моментов политики империи Цин в отношении соседей на Западе за обширный период (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.), осветить принципиально важные явления во внешнеполитической истории Центральной Азии, не получившие еще достаточного освещения в литературе.

Выбор хронологических рамок темы определило то обстоятельство, что на указанный период приходится кульминационный момент внешнеполитической экспансии империи Цин и последующий спад ее активности в отношении западных соседей.

В настоящей работе в центре внимания автора — только внешняя политика цинского двора и факторы, ее определявшие. Подробное освещение позиции каждой в отдельности противной стороны (казахских и киргизских правителей, кокандских ханов, российской администрации) и мотивов, какими она руководствовалась, не входило в задачи исследования, поскольку каждый из этих сюжетов заслуживает отдельного изучения.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

В первой половине XVIII в. наиболее могущественным государством Центральной Азии являлось Джунгарское ханство ойратов. Границы его простирались на западе до казахских и киргизских кочевий, на востоке — до земель халхасских монголов, на севере — до рубежей России, на юге — до отрогов Кун-Луня.

Правление хунтайджи Галдан-Церина (1727—1745) — период наивысшего расцвета Ойратской державы. Она удерживает под своей властью Восточный Туркестан, или Кашгарию (южная половина нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР).

Джунгарское господство в Восточном Туркестане держалось помимо оружия на временном союзе ойратской знати с одной из групп кашгарских феодалов. Управляли страной от имени джунгарского хана ходжи, в руках которых сосредоточивалась светская и духовная власть. Для контроля за ходжами джунгарские правители практиковали регулярные выезды их ко двору. Здесь они находились длительное время или оставляли в качестве заложников своих близких.

Ежегодно из Кашгарии в казну хунтайджи поступала дань: зерно, хлопок, деньги, ремесленные изделия. Джунгарская верхушка не ограничивалась присвоением части прибавочного продукта (другую забирала местная знать), производимого трудящимся населением Восточного Туркестана. Для развития земледелия в Джунгарию были переселены несколько тысяч земледельцев из Аксу, Хотана, Яркенда и Кашгара.

Джунгарское ханство осуществляло широкую внешнеполитическую экспансию. Одним из основных объектов ее являлся Казахстан. В первой половине XVIII в. он не представлял собой единого целого, будучи разделенным на три родоплеменных объединения: Младший, Средний и Старший жузы. Джунгарская угроза побудила хана Младшего жуза Абулхаира в 1731 г. добровольно принять подданство России. В том же году присягнул на подданство России хан Среднего жуза Семеке. В 1734 г.

приняла российское подданство часть родов Старшего жуза. Однако активизация происков джунгарских феодалов в Старшем и Среднем жузах, неустойчивая внутривластная обстановка, сложившаяся там, задержали в то время окончательное присоединение Среднего и Старшего жузов к России. В указанных жузах, особенно в Старшем, джунгарские правители сохраняли некоторое свое влияние: это выражалось в присылке заложников ко двору хунтайджи, в уплате ему дани, в участии казахов в джунгарских военных кампаниях.

Джунгары контролировали Ташкент, присырдарьинские города: Туркестан, Сайрам. Вторжению войск Галдан-Церина в 40-х годах XVIII в. подверглась Фергана. Местные беки во главе с Абдул Керим-бием покорились хунтайджи. В заложники джунгары взяли сына Абдул Керим-бия Баба-бия. После смерти Абдул Керим-бия ойратский хан направил Баба-бия своим пameстником в Коканд.

С мнением джунгарского двора считались в Бухаре. В 1749 г. бухарский регент и его оппоненты при решении спорного вопроса вынуждены были подчиниться третейскому решению представителя джунгарского хана.

Джунгарские завоевания в первой четверти XVIII в. непосредственно заделали киргизов, большая часть которых под натиском ойратов оставила кочевья на северных склонах Тянь-Шаня и переместилась в пределы Ферганы, Каратегина и в прилегающие районы.

Давали о себе знать ойраты и на Памире. В первой трети XVIII в. джунгарские отряды появлялись в Бадахшане.

В политическом отношении Центральная и Средняя Азия являла собой довольно пеструю картину. Это был конгломерат государств, уделов и родоплеменных объединений. Отношения между ними характеризовались постоянной неустойчивостью. Кочевники оспаривали друг у друга пастбища, право контролировать караванные пути. Правители земледельческих оазисов пытались округлить свои владения за счет со-

седей и не прочь были подчинить своей власти беспокойных кочевников.

Разобщенные междоусобицами, племена казахов и киргизов, мелкие узбекские уделы, враждовавшие друг с другом, не могли противостоять нажиму Джунгарского ханства. Только с принятием частью казахов российского подданства джунгарская экспансия на Запад встретила определенное противодействие. Тем не менее противоречия между Россией и Джунгарским ханством не переросли в войну. При Галдан-Церине русская торговля поощрялась на всей территории Джунгарского ханства, торговцы из России получили доступ и в города Восточного Туркестана.

Иначе, чем с Россией, складывались у Джунгарского ханства отношения с другим могущественным соседом — цинским Китаем. Правители его унаследовали «ойратскую проблему» от своих предшественников — минских императоров и единственное ее решение усматривали в полном уничтожении Джунгарского государства.

В борьбе с Джунгарским ханством Цинская империя, стремясь «руками варваров обуздать варваров», искала опору у киргизов и казахов. В 1715 г. китайский император Сюань Ё обратился к киргизским и казахским старшинам, не имевшим до этого никаких контактов с домом Цин, с предложением «покарать» джунгарского хана. Эта просьба, как обычно в дипломатической практике Китая, была облечена в форму предписания «варварским», с точки зрения правителей Поднебесной, владениям.

Неудачный исход войны с Галдан-Церином заставил богдыхана заверять русское правительство в дружбе. В 1729 и 1730 гг. в Россию приезжали китайские посольства. Цинский двор опасался активизации России в Центральной Азии и на Дальнем Востоке.

В первой четверти XVIII в. Цинская империя сумела подчинить уйгурские княжества Турфан и Хами и превратила их в плацдарм для последующего прорыва в Центральную Азию. Это ускорило развитие событий в Джунгарском ханстве.

КИТАЙ И КАЗАХСТАН В ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЯ ИМПЕРИЕЙ ЦИН ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА И ТЕОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

ВОЙНА ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ ПРОТИВ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА И УСТАНОВЛЕНИЕ КИТАЙСКО-КАЗАХСКИХ КОНТАКТОВ

После смерти Галдан-Церина (1745 г.) в Джунгарском ханстве с новой силой вспыхнули междоусобицы среди феодалов. Спасаясь от возмездия нового хана Лама-Даржи, в 1751 г. из Джунгарии бежали трое князей: хойтский — Амурсана, хошотский — Банжур, чоросский — Дабачи.

Это событие в Пекине расценили как одно из серьезных проявлений внутреннего кризиса в Джунгарском государстве. Одновременно богдыхан приказал форсировать приготовления к военному наступлению на Джунгарское ханство. Последовавшее затем известие, что покончить с Лама-Даржей Дабачи удалось благодаря помощи казахов, Цинский двор взял на заметку.

С ниспровержением Лама-Даржи джунгарским ханом стал Дабачи, но против него вскоре выступил Амурсана. Потерпев неудачу, он со своими сторонниками осенью 1754 г. откочевал

в пределы Цинской империи. Амурсана заявил богдыхану, что «Илийский край можно взять», и обещал цинскому двору содействие в борьбе с Дабачи. В свою очередь богдыхан Хун Ли награждал перешедших на его сторону ойратских тайджи княжескими титулами и обязался водворить их на прежние кочевья. Каждая из сторон при этом преследовала свою цель. Так, Амурсана рассчитывал при помощи цинских войск свергнуть Дабачи и самому утвердиться в качестве главы Джунгарского ханства. Цинский двор в свою очередь хотел при помощи Амурсаны не только ниспровергнуть Дабачи, а вообще свести на нет независимое государство ойратов, раздробив его на четыре подвластных империи удела.

Острый рецидив междоусобиц в Джунгарском государстве, последовавший после смерти Галдан-Церина и повлекший за собой переход на сторону Цинов ряда ойратских князей со своими людьми, создал весьма благоприятную обстановку для осуществления заветной цели правящей верхушки Китая — сокрушения Джунгарского ханства.

Завоевательные войны для военно-феодальной верхушки Китая были средством упрочить

свое господство. За внешним величием Цинской империи к этому времени явно выступали признаки начинавшегося упадка. Участвовавшие антифеодальные восстания в самом Китае свидетельствовали о развивающемся кризисе феодальной системы, об обострении общественных противоречий. Ощущалась и относительная аграрная перенаселенность, хотя широкий доступ китайцам к свободным землям в Маньчжурии был официально закрыт.

Территориальное расширение империи в принципе давало определенный выход «избытку» китайского населения и могло способствовать подъему производительных сил страны за счет освоения природных богатств вновь завоеванного региона. Довольно откровенно писал об этом император Хун Ли после покорения Джунгарии и Кашгарии (указ от 9 декабря 1759 г.): «Государство наслаждается миром [уже] в течение 100 лет. [Благодаря мирным дням] народ набрался сил и возросло число ртов [в Поднебесной]. К счастью, ныне [обрели возможность] использовать свободные земли на пространстве в 10 тыс. ли* и [тем самым] помочь [подъему] земледелия и горных промыслов в Китае» [130, с. 170].

Победоносные военные кампании служили не только показателем дееспособности Цинского дома. Они призваны были способствовать росту престижа инациональных, маньчжурских правителей в глазах китайских феодалов, без поддержки которых первые не могли владычествовать над страной. Взявшись за ликвидацию Джунгарского ханства, в самом факте существования которого усматривалась угроза безопасности Поднебесной, цинские правители представляли себя в роли своего рода поборников «национальных» интересов Китая, тем более, что решить «джунгарскую проблему» предшественнице Цинского дома — китайской династии Мин — оказалось не по плечу. Император Хун Ли полагал, что ни одно китайское правительство «не сможет быть здоровым или сильным, если оно пренебрегает обширными пустынными пространствами Центральной Азии и Северо-Запада» [154, с. 170].

В марте 1755 г. разноплеменное войско под командованием маньчжурских военачальников двинулось на Джунгарию. Целью похода, как говорится в официальных цинских документах, было «истребление джунгар-варваров» [106, т. 466, с. 76].

В это время обстановка на территории, контролируемой Дабачи, была весьма напряженной. Отдельные джунгарские старшины, объединяясь с казахским султаном Аблаем, нападали на кочевья подвластных Дабачи ойратов. Будучи осведомлено о вторжениях казахских отрядов в Джунгарию, командование цинского войска внимательно следило за их действиями, не зная,

как они поведут себя в отношении империи.

Налеты казахских отрядов, действовавших совместно с враждебными Дабачи ойратскими князьями, внушали Цинам тревогу за судьбу джунгарских владений. «Очевидно, силы Дабачи истощились, у джунгар полный развал, — говорилось в указе министром Цзюньцзичу — Военного совета Цинского дома (1 марта 1755 г.). — Если [наши] войска не будут быстро продвигаться, тогда казахи по случайности получат свои выгоды» [106, т. 481, л. 76]. Видимо, в данном случае речь шла о возможности занятия казахами ойратских кочевий, а такая перспектива отнюдь не устраивала Цинский двор. «Наступать, наступать, наступать!» — такое предписание отдавал император Хун Ли, исходя из создавшейся ситуации.

Сдержать продвижение армии противника Дабачи не смог. Он бежал в пределы Восточного Туркестана, но был схвачен каким-то Уч-Турфана и выдан цинскому командованию. К этому времени в Пекине становится достоверно известно о действиях казахских отрядов в Джунгарии, и вопрос о казахх становится весьма актуальным. В правительственных кругах обсуждают, как с ними строить взаимоотношения.

Вопрос этот ставился перед цинским двором еще до начала войны с Дабачи. Так, сановник Танкалу предлагал Хун Ли отдать Джунгарию под единоначальное управление Амурсань. Это, как доказывал Танкалу, даст возможность Амурсане склонить на сторону Китая казахских владетелей и обеспечит безопасность границ Джунгарии [106, т. 481, л. 4а].

Когда уже становилось очевидным, что чаша весов склоняется в пользу его войск, Хун Ли 9 апреля 1755 г. дал установку в отношении казахских дел: «Если после того, как будет доложено о победе [над Дабачи], казахи перейдут на нашу сторону, то их старшего вождя, сообразуясь с условиями, отправить в столицу на аудиенцию. Пожалуй, [ему] чиновный титул. Его подданных пристроить в первоначальном кочевье, не нужно переселять. Если в конечном счете [казахи] не перейдут на нашу сторону, тоже не надо, используя войска, нападать и захватывать».

Что касается того, каким образом принять меры предосторожности, [на случай вторжения казахов], может быть, следует использовать [удобный] случай, чтобы навести у них порядок» [106, т. 483, л. 236].

Таким образом, в планы цинского двора входило подчинение Китаю, в случае благоприятной обстановки, вслед за Джунгарией также и казахских земель. Однако в Пекине сознавали, что задача эта не из легких.

Богдыхан не исключал возможности вторжения казахов в Джунгарию. В порядке меры предосторожности Хун Ли допускал нанесение казахам упреждающего удара. Но в конечном

* Ли — китайская мера длины (576 м).

счете дело оставлялось на усмотрение местной власти [106, т. 483, л. 236].

Никаких признаков намерения казахских предводителей перейти на сторону цинского двора, однако, не появлялось. Обстановка на западных окраинах Джунгарии, сопредельных с казахскими кочевьями, оставалась довольно неустойчивой. Поэтому после занятия Илийского края цинское военное командование предприняло меры на случай возможного вторжения казахов. 28 июня 1755 г. Хун Ли предписал министрам Цзюньцзичу: во исполнение предыдущего указа послать представителя командования экспедиционными силами к казахам. В манифесте, который надлежало объявить, указывалось: «Прежде [вы] с джунгарами взаимно враждовали. Когда Небесная династия двинула войска, как раз Дабачи с вами воевал. Так как великая армия наступала, Дабачи только тогда остановился, захватив ваших воинов. Ныне местность джунгар уже умиротворена. Все [они] являются Нашими слугами. Все прежние инциденты, когда [джунгары] убивали ваших людей, навечно запрещаются. Если вы желаете перейти на нашу сторону, то повсеместно пожалуем благоденствия. Если хотите быть самостоятельным племенем, то разрешается спокойно держаться [своих] границ. Нельзя вторгаться [в джунгарские пределы], если, как прежде, [станете нападать], пошлем великую армию [вас] покарать» [106, т. 489, л. 18а — 18б].

Таким образом, в рассматриваемый период времени цинский двор вопрос о своих взаимоотношениях с казахами непосредственно связывал с задачей стабилизировать положение на границах захваченной Китаем Джунгарии. В первую очередь речь шла о прекращении столкновений между ойратами и казахами. Это было необходимо для упрочения позиций Цинского дома в Джунгарии. Собственными силами разобщенные ойратские общины вряд ли смогли бы противостоять натиску казахов. В таких условиях для удержания всей Джунгарии под своей властью Цинскому дому пришлось бы пойти на новые затраты, связанные с усилением воинских сил на Западе. Более удобным представлялось удержать казахов от посягательств на ойратские кочевья путем предостережений.

Богдыхан поднимает вопрос о принятии казахами его протекции в той или иной форме, что способствовало бы повышению престижа империи, а главное, послужило бы гарантией безопасности ее новых рубежей.

Предлагая казахским владетелям перейти под его начало, Хун Ли исходил из того актива, который, по его убеждению, Цинская монархия приобрела в глазах казахов. Это, во-первых, срыв карательных походов Дабачи, во-вторых, запрет ойратам вторгаться в казахские пределы, в-третьих, обещание щедрых подарков казахской верхушке в случае изъявления покорности.

На большее в своих пожеланиях Цинский дом в данный момент пойти не решился. Положение в самой Джунгарии было еще не столь стабильно, чтобы богдыхан мог силой склонить казахов на свою сторону. Кроме того, Казахстан в рассматриваемый период для правителей империи Цин не представлялся первоочередным объектом экспансии. Их более привлекало «освоение» наиболее заманчивого из наследия джунгарских хунтайджи — Восточного Туркестана, густонаселенного и богатого природными ресурсами края.

Суля награды казахской знати, богдыхан, правда, умалчивал, что он конкретно намерен «пожаловать». В вопросе о кочевьях, составлявшем основную причину долголетней борьбы казахов с ойратами, Хун Ли стоял за сохранение статус-кво. Говоря точнее, Цинский дом считал своими все земли, занимаемые ойратами, в том числе и те, которые они ранее отняли у казахов.

В июле 1755 г. командование цинских экспедиционных войск отправило к султану Аблаю, одному из правителей казахского Среднего жуза, офицеров Шуньдэна и Даюна. В ответ на зачитанное ему послание богдыхана султан Аблай сказал следующее. Прежде казахи с Китаем не сносились. Теперь ему известно, что Илийский край находится под властью империи Цин. Сам он, султан, не против общения с новым соседом [137, т. 44, л. 1а]. В подтверждение Аблай отправил ответное посольство. Таким образом, один из владетелей Среднего жуза положительно ответил на инициативу цинского двора установить контакты, и только. Хун Ли же расценил это так (указ от 11 декабря 1755 г.): «Видно, что Аблай весьма почтителен и лоялен [по отношению к Нам]. Отнюдь не внушает подозрений» [106, т. 510, л. 206]. Последовавшие затем события опровергли это самоуверенное заявление.

ПОЗИЦИЯ СУЛТАНА АБЛАЯ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ БОРЬБЫ АМУРСАНЫ И ЕГО ПРИМИРЕНИЕ С ЦИНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ

В сентябре 1755 г. Амурсана в Илийском крае поднял восстание против цинского господства.

С самого начала борьбы, разгоревшейся между Амурсаной и империей Цин, последняя прежде всего стремилась не допустить единства действий Амурсаны и казахов. Для этого Пекин пытался натравить Аблая против Амурсаны, не скупясь на посулы и угрозы. В начале октября 1755 г. Пекин приказал отправить послание Аблаю. В нем, в частности, говорилось: «...[Амурсана] желает управлять джунгарским уделом. Опираясь на нашу силу, совершает на-

беги на соседние племена. Как раз соответствует словам, которые твоему послу [наши военачальники] говорили, что нельзя ойратам полностью доверять... [Если Амурсана] убежит в твои пределы, [а ты] действительно сможешь тут же схватить и представить его, великий император, удвоив милосердие, наградит [тебя]. Если не так [поступишь] и надолго скроешь следы [беглеца, то когда] наши войска обнаружат, кратчайшим путем вторгнутся ловить и истреблять. Наведут ужас на людей в твоих пределах.» [106, т. 496, л. 246].

В феврале 1756 г. с приближением основных сил цинской армии Амурсана бежал в кочевья казахов Среднего жуза. В связи с этим император Хун Ли указом от 31 марта 1756 г. распорядился, чтобы Аблая направили очередное послание. Предупреждая его о «коварстве натуры мятежника», богдыхан вновь предостерегал, что укрывательство Амурсаны чревато для казахов самыми серьезными последствиями: «[Если] вы действительно построите разбойника, [то] ...твое племя разве может спокойно жить? Ты тщательно взвесь, что полезно, а что пагубно. Во всем следуй Нашему Указу. Немедленно схвати Амурсану и представь...» [106, т. 508, л. 56 — 6а].

В Пекине не полагались всецело на воздействие этого и ему подобных посланий, если бы они даже дошли до ушей Аблая. А потому командованию армии, находившейся в Джунгарии, следовало не тянуть с наступлением на казахские земли с целью ликвидировать Амурсану.

Командующий экспедиционными силами Цэрэн, однако, медлил с отправкой парламентаров к Аблаю, а равно и задерживал продвижение в казахские пределы. «...Опасаясь, — доносил Цэрэн в Пекин, — что казахи задержат наших послов, в результате чего появится причина раздоров» [106, т. 511, л. 86]. За свою нерешительность Цэрэн получил нагоний от Хун Ли. Спеша исправить оплошность, следом же Цэрэн заверил, что 6 апреля 1756 г. вторжение в казахские степи началось. [106, т. 511 л. 96].

Цинский двор требовал от командования экспедиционных войск решительных действий в подвластных Аблаю аулах: «Нужно навести порядок у казахов..., [непокорных] решительно истреблять и хватать...» [106, т. 512, л. 186, 19а].

Поголовная резня могла и не дать желаемого результата, а наоборот, только ожесточила бы казахов. Поэтому несколько дней спустя Хун Ли приказал направить новую инструкцию своим военачальникам: «В местностях, через которые будут проходить [наши войска], объявлять: „[Мы] прибыли только для поимки бунтовщика, отнюдь не посягаем на [ваше] спокойствие“, чтобы они (казахи. — В. К.) спокойно все жили в своих кочевьях. Если они не окажут сопротивления, следует строго запретить

нашим войскам [самовольничать]» [106, т. 512, л. 23а — 23б].

Но одними увещеваниями, внушал Хун Ли, военачальники отнюдь не должны ограничиваться: если казахи «станут отговариваться и противодействовать, тогда применить военную силу. Нельзя [хоть] немного выказывать трусость» [106, т. 512, л. 23б].

Военная экспедиция в казахские степи вызвала серьезную озабоченность в Пекине. Там опасались, что казахи могут заманить войско вглубь, а потом ударить с тыла [106, т. 512, л. 23б], в связи с чем принимались экстренные меры для усиления экспедиционной армии.

Предпринимаемая кампания в Казахстане, Цинский дом стремился, во-первых, покончить с Амурсаной. Пока тот оставался жив, сохранялась угроза цинскому господству в Джунгарии. Во-вторых, поскольку Амурсана нашел убежище у казахских правителей, Пекин имел все основания заподозрить последних во враждебных намерениях. Таким образом, целью похода в казахские степи, кроме поимки Амурсаны, Цинский дом ставил подчинение казахских владетелей своей воле, чтобы казахи отказались от посягательств на земли, ранее принадлежавшие Джунгарскому ханству, которые теперь богдыхан считал владениями Поднебесной.

Ополчение Аблая потерпело поражение от цинских войск. Командиры оптимистически докладывали в Пекин о желании довести дело до конца, пока Аблай в страхе, а «казахские массы настроены нерешительно» [106, т. 520, л. 76].

Но неожиданно из Пекина пришло распоряжение о выводе войска из казахских кочевий. Одновременно предписывалось (указ от 3 октября 1756 г.) отпустить одного-двух казахов из числа захваченных в плен. Они должны были распространять среди соплеменников слухи о том, что цинские войска временно отводятся, так как наступили сильные холода, а будущей весной прибудет большая армия и в случае невыдачи Амурсаны «полностью вырежет все ваше племя» [106, т. 520, л. 156].

Однако торопиться с отводом войск цинское правительство заставили не холода в Казахстане, а пламя восстания, поднятого в июле 1756 г. среди монголов-халхасов князем Цэнгунъянбаем Хотогойтским. Восставшие разрушили военные станции на Северной дороге, тем самым прервав коммуникации между Монголией и собственно Китаем. Это также затруднило снабжение войск, оперировавших в Джунгарии и за ее пределами. Вслед за халхасами в конце 1756 г. против цинского господства выступили ойратские предводители, считавшиеся лояльными к Цинам. Они сочли, что наступил момент избавиться от китайского владычества и избрать всеойратского хана.

Бурные события, разыгравшиеся в Халхе и Джунгарии, сковали действия цинских экспедиционных войск, оперировавших в казахских

степях, чем не преминули воспользоваться казахи, начавшие нападать на арьергарды отступающих китайцев.

Кампания в Казахстане летом — осенью 1756 г. завершилась для цинского двора безрезультатно: Амурсана остался на свободе, а казахские владетели не только не спешили демонстрировать свою лояльность Цинскому дому, но и стали драться с его войсками. Кроме того, сохранялась угроза совместного вторжения в Джунгарию Амурсаны и Аблая, что, в свою очередь, было чревато дальнейшим обострением обстановки в районе, где против цинского господства восстали ойратские владетели. В конечном счете все это оттягивало момент окончательного покорения Китая джунгарских земель.

Послать свои войска против султана Аблая, чтобы заставить его капитулировать или выдать Амурсану, в данный момент Пекин не мог. Но по соседству с кочевьями Аблая разместились владения лояльного Цинам дэрбэтского хана Цэрэна. Его-то и рассчитывали китайцы использовать против Аблая. Воспользовавшись тем, что Аблай не подготовился к отражению нападения, Пекин предписал Цэрэну (указ от 23 января 1757 г.) нанести по отрядам султана упреждающий удар, чтобы он «не знал покойной жизни» [146, т. 34, л. 286].

В апреле 1757 г. цинская армия начала операцию по разгрому восставших ойратов.

Вопрос о казахах вновь со всей остротой встает перед цинским двором. Правда, в Пекине полагали, что решение этой проблемы несколько упрощается. Как доносили богдыхану из Джунгарии, между Амурсаной и Аблаем не было согласия. Соплеменники Аблая выражали недовольство пребыванием Амурсаны в казахских пределах, из-за чего и последовало вторжение китайского войска.

Амурсана, уйдя от казахов обратно в Джунгарию, сражался здесь с цинскими отрядами. Однако он потерпел поражение и вновь бежал в казахские кочевья. Император распорядился отправить за Амурсаной офицеров Бугуня и Миньцзясара. Задачей их было убедить казахов выдать Амурсану. Хун Ли почему-то уверовал в намерение Аблая выдать Амурсану, рассчитывая на неприязнь к нему казахов Среднего жуза, но сомневался, что так же настроены и старшины Старшего жуза [106, т. 538, л. 266]. Поэтому Бугуню следовало сначала встретиться с Аблаем и добиться, чтобы тот выделил сопровождающих для проезда китайских эмиссаров к казахам Старшего жуза. Старшин жуза надлежало уведомить, что «мятежник Амурсана неустойчив [по своей натуре]. Ни в коем случае нельзя помещать [у себя]: навлечете впоследствии на себя беду» [106, т. 538, л. 27а]. За поимку и выдачу Амурсаны Бугунь должен был обещать владетелям Старшего жуза щедрые награды, в противном же случае пригрозить прибытием цинских войск.

Но первыми встретились с казахами не эмиссары императора, а его солдаты: 15 июля 1757 г. авангард соединения под командованием Фу Дэ в районе Айдынсу вступил в бой с казахами. Вскоре от казахской стороны прибыл парламентар. Он разъяснил цинским командирам, что Аблай послал своего родича Абулфеиза поживиться в ойратских улусах. При встрече с цинскими войсками Абулфеизу надлежало заверить их в лояльности Аблая. Вступили же в бой казахские джигиты по неведению: в суматохе не разобрались. Абулфеиз отведет своих воинов и известит Аблая. Примерно в пределах пяти дней он пошлет людей ко двору богдыхана [106, т. 543, л. 9а].

18 июля 1757 г. в ставку Фу Дэ явился сам султан Абулфеиз. Преподнеся в подарок главнокомандующему Чжао Хуэю и Фу Дэ по скакуну, он просил не взыскивать с казахов за потери, понесенные цинскими войсками при недавнем столкновении. «Произошло оно, — заверял Абулфеиз, — по недоразумению». Бои же с цинскими войсками в 1757 г. султан объяснял неведением Аблая. Тот якобы не знал, что войско Китая было послано только за Амурсаной [106, т. 543, л. 9а]. Аблай, по словам Абулфеиза, намеревался выдать Амурсану, но тот успел сбежать. «Если он снова появится у нас, — обещал Абулфеиз, — выдадим его вам» [106, т. 543, л. 9б].

«Аблай, — говорил Абулфеиз Фу Дэ, — хочет быть в мире с Китаем, торговать с ним. Но султан поверит, что цинское начальство не смотрит на него как на врага, если оно пришлет к нему своих людей». Фу Дэ пошел навстречу. С отъезжавшим Абулфеизом он отправил младшего офицера цаньлина Далику «объявить о величии и добрых делах Поднебесной». Иными словами, командование цинскими войсками стремилось убедить Аблая в своей готовности вступить в мирные сношения. Удостоверившись в этом, Аблай отрядил посольство во главе с Сянцзигэром. Оно представило грамоту Аблая императору Хун Ли. Султан в уничижительных тонах заверял его в своей доброжелательности [106, т. 543, л. 16а — 16б], а в подтверждение ее направлял Сянцзигэра к богдыхану с подарками.

Прибыв в лагерь Фу Дэ, главнокомандующий Чжао Хуэй санкционировал отправку Сянцзигэра в Пекин.

Одновременно командование цинскими войсками послало к Аблаю князя Эркэ-Шару и офицера гвардии шивэя Нусаня. Им надлежало обговорить с султаном конкретные вопросы взаимоотношений между ним и империей Цин. Поскольку Абулфеиз заверял, что Аблай не пощадит сил для поимки Амурсаны, посланцам Чжао Хуэя надлежало поторопить султана с поимкой Амурсаны. Кроме того, Эркэ-Шаре и Нусаню следовало изложить точку зрения цинских властей относительно торговли и границ.

Зная о желании Аблая торговать в Джунгарии, китайская сторона, однако, не спешила идти ему навстречу. В инструкции Эркэ-Шаре и Нусаню говорилось: «Если речь пойдет о торговле, тогда заявить им (казахам.— В. К.): «В военном лагере сейчас нет торговцев. Необходимо заблаговременно определить место, установить день, чтобы пригласить купцов приготовить товары» [106, т. 543, л. 106]. Обстоятельства, отмеченные в инструкции, действительно имели место: Джунгария еще не была окончательно покорена, и, когда шли военные действия, налаживать торговлю представлялось делом затруднительным. Но, с другой стороны, поскольку инициатива с установлением обмена исходила от казахов, представители цинского правительства оставляли за собой право самим определить места и сроки торговли, а следовательно, и принципы, на которых она будет вестись.

В отношении перехода казахов на территорию, которую прежде занимали ойраты, цинское командование держалось определенно отрицательного мнения. В инструкции послам, направляемым к казахам, указывалось, что, если Аблай поведет речь о занятии ойратских кочевий, ему следует объявить: «Границу нельзя переходить. [Такие действия] крайне трудно позволить» [106, т. 543, л. 106]. Таким образом, богдыхан устами своих военачальников говорил о решимости сохранить за собой все джунгарские владения в прежнем объеме, причем не только собственно ойратские, но и те, которые некогда джунгары отняли у казахов.

Докладывая в Пекин о желании Аблая быть в мире с империей, Чжао Хуэй и Фу Дэ очень скромно оценивали, что это могло ей дать. Высказывались лишь предположения, что султан поможет в поимке Амурсаны [106, т. 544, л. 106].

Официальный Пекин с удовлетворением воспринял известие о намерении Аблая вступить в мирные сношения с Цинским домом. «Наше сердце испытывает истинное торжество и радость», — писал Хун Ли. В условиях, когда сопротивление ойратских повстанцев оставалось несомненным, когда бушевало антицинское восстание в Халхе, мировая с Аблаем не могла не радовать богдыхана. Поскольку теперь уже инициатива вступления в мирные контакты исходила от султана, у Хун Ли добавилось оснований говорить об «изъявлении покорности» Аблаем.

Установление мирных сношений с султаном Аблаем открывало, как указывал император в эдикте от 30 августа 1757 г., двойного рода перспективы. Во-первых, оно позволяло покончить с Амурсаной и в конечном счете закрепить господство Цинской империи над Джунгарией: «Мятежный разбойник [Амурсана]... опирался только на одних казахов... Но поскольку Аблай изъявил покорность, тогда не опасаемся, что Амурсана не будет схвачен. А раз Амурсана

[будет] пойман, то с этого момента можно считать, что джунгарские дела успешно завершены» [106, т. 543, л. 12а — 16а].

Во-вторых, открывалась перспектива распространить влияние дома Цин на новые территории. Хун Ли брал на себя роль восприемника древних правителей Китая, пытавшихся подчинить себе районы Средней Азии и Казахстана. «Казахи — Давань. С древних времен они не сносились с Китаем, — писал в эдикте Хун Ли. — В прошлом ханьский У-ди обременил до крайности воинские силы, [но] только получили их коней [и с этим] вернулись. То, что повествуется в исторических книгах, облегчает распространение [Нашего] влияния до края света».

Но восторгов Хун Ли относительно установления контактов с Аблаем не разделяли полностью в придворных кругах. Это признавал сам богдыхан: есть и такие, что по неведению будут твердить: «Аблая нельзя глубоко доверять, тем более если судить по Амурсане, Баяру и другим. Было подчинившись, [они] опять взбунтовались. [Из-за этого] изнурилось войско, тратились деньги» [106, т. 543, л. 136]. Отвечая скептикам, Хун Ли указывал, что причиной восстания ойратов, вожаки которых вначале признавали его своим верховным правителем, явилась фактическая ликвидация независимости их государства. Прецедент с ойратами, заверял Хун Ли, в данном случае не повторится, т. е. цинское правительство не намеревается распространять свою фактическую власть на земли казахов [106, т. 543, л. 136 — 14а]. Наконец, богдыхан выдвинул и такой аргумент: «Если не урегулировать отношения с Аблаем, то это затруднит окончательное покорение Джунгарии». А отказаться от нее Хун Ли не хотел, выставляя на первый план соображения престижа: «Если говорят, что не следует решать джунгарский вопрос, то тем более не знают существа дела. Ведь дети и внуки приписного населения [и то] несут тяготы по расширению и упрочению империи, чтобы быть в состоянии почтить волю предков. Тем более, так как два императорских правительства еще не довели дело до конца, то как раз теперь можно воспользоваться удобным моментом. Однако [если] спокойно сидеть сложа руки, [тогда] упустим его и сделаем так, что последующее поколение в Поднебесной будет говорить об оставленной нами в наследство горечи. Более того, как Мы тогда ответим душам покойных деда и отца в небесах?» [106, т. 543, л. 14а — 14б].

Кампания на Западе обернулась для империи Цин громадными непроизводительными затратами. Она не только истощила казну, но и тяжелым бременем налогов легла на плечи производительного населения как собственно Китая, так и подвластных дому Цин национальных окраин, в частности Монголии. Установление контактов с казахским султаном, как опасались некоторые придворные, было чревато

новыми внешнеполитическими осложнениями, которые, в свою очередь, повлекли бы за собой новые экономические трудности для Китая и его населения. Соглашаясь, что политика военно-политической экспансии на западе обременительна для населения империи, Хун Ли не хотел брать это в расчет, ставя превыше всего престижные соображения правящей маньчжурской династии, на которую китайцы продолжали смотреть как на династию завоевателей, чуждых им по языку, обычаям, отсталых в культурном отношении.

Для цинского двора мирная инициатива Аблая и отправка им послов означали не просто установление дипломатических отношений между двумя сторонами. Согласно традиционному представлению, бытовавшему в Китае, его правитель одновременно являлся и повелителем вселенной. «Мы, единый владыка вселенной, [территорий и народа] как собственно Китая, так и за его пределами...» — так звучала трафаретная форма в манифестах и посланиях богдыхана Хун Ли. В переписке с правительством России Хун Ли именвал себя «главным всея Поднебесныя обладателем».

Следовательно, все иноземные государства и народы для императора Китая были не чем иным, как подвластными ему вассалами. Эта теоретическая посылка для китайского двора материализовалась с момента прибытия к нему того или иного иноземного посольства. С точки зрения китайской дипломатической традиции, приезд посольства был не просто актом общения двух независимых сторон, а изъявлением покорности иноземного владетеля императору Китая.

В данном конкретном случае имелись объективные обстоятельства, дававшие богдыхану дополнительные основания для материализации своих супрематистских устремлений. Для того, как Аблай прислал своего представителя с грамотой, в которой говорилось о его стремлении быть в мире и дружбе с цинским правителем, он со своим ополчением сражался с войсками богдыхана и был разбит. В таких условиях, направляя свое посольство к императору Китая, султан не только признавал себя побежденным, но и превосходство повелителя Поднебесной.

Установление сношений казахского владетеля с цинским двором опосредовалось для последнего в форме признания султаном «вассальной зависимости» от богдыхана. Сущность этих «вассальных» отношений раскрыта в послании Хун Ли Аблаю от 30 августа 1757 г.

Во-первых, богдыхан, причисляя казахов к своим «вассалам», не приравнивал их к своим подданным в подлинном смысле этого слова. Поэтому богдыхан воздерживается жаловать должности и звания казахским владетелям. «Как докладывали командующий [Чжао Хуэй] и другие, поскольку ты [Аблай] покорился, сле-

дует пожаловать [тебе] звание и обследовать [твои] кочевья. Мы говорим: не нужно чрезмерно связывать [тебя обязанностями]. Вы [казахи] в глуши живете, в дальней стороне. Нельзя сравнивать с племенами Халхи» [106, т. 543, л. 17а].

Во-вторых, цинский император не брал на себя право изменять общественную организацию казахов, вводить у них новое административное устройство, включать их по примеру монголов Халхи в качестве иррегулярных войск в состав вооруженных сил империи, по собственному усмотрению выделять или утверждать в звании тех или иных правителей. Принимая во внимание, что Аблай в грамоте именвал себя ханом, Хун Ли писал ему: «Ты говоришь, что по званию являешься ханом. Если даже Мы и пожалуем [тебе] звание, то оно не может быть выше того, которое имеешь теперь. Может быть, ты, так как сам назвался [ханом], желаешь, [чтобы] Мы пожаловали [такое] звание и ждешь, когда [Нам об этом желании] доложат» [106, т. 543, л. 17а]. Таким образом, правитель Цинской империи просто принял к сведению, что Аблай именует себя ханом. В действительности же он тогда был лишь одним из многих султанов Среднего жуза.

В третьих, богдыхан не требовал, чтобы Аблай регулярно присылал послов с подарками (они в китайских документах именуются «данью»). «Что касается подношения дани, — писал Хун Ли, — постунай, как тебе угодно. Если отправишь послов представиться на аудиенцию, Мы соответственно щедро одарим» [106, т. 543, л. 17а].

В-четвертых, Цинский дом не считал территорию, которую занимали казахи до падения Джунгарского ханства, составной частью своей империи и рассматривал рубеж между казахскими землями и своими владениями на западе как границу между двумя государствами: «...Надлежит знать [тебе], что весь джунгарский удел полностью [находится] в наших границах. Следует [тебе] с уважением держаться этих рубежей. Не смей самовольно вторгаться и посягать на [их] спокойствие» [106, т. 543, л. 17б].

Существование принципов, на основе которых цинский двор намеревался строить отношения с Аблаем и ему подобными, суммировано в указе от 30 августа 1757 г. так: «Когда говорим: „[Казахи] покорились и тогда принимаем их [под свою руку]“, то имеем в виду лишь обуздать и подчинить подобно государствам Аннам, Люцю, Сиам: Побуждаем постигать наставления Небесной династии и только. Отнюдь не желаем разбивать их (т. е. казахов. — В. К.) территорию на области и уезды, создать казенные учреждения и разместить чиновников и не [намереваемся] разделить [казахское население] на знамена и поставить цзолинов, как в Халхе» [106, т. 542, л. 13б].

Говоря в целом, причисление к своим вассалам иноземных владетелей было формой внешнеполитической экспансии Цинской династии, когда в силу обстоятельств внешне- и внутриполитического порядка она фактически не могла включить в состав своей империи то или иное владение, но стремилась держать его в сфере своего влияния.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦИНСКИХ ВЛАСТЕЙ С КАЗАХСКИМИ ВЛАДЕТЕЛЯМИ В ПЕРИОД ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ПОКОРЕНИЯ ДЖУНГАРИИ И ЗАВОЕВАНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Пока гонцы везли Аблаю манифест Хун Ли, отправленный до отбытия казахских послов из Пекина, и подарки богдыхана, его войска продолжали поиски Амурсаны.

28 июля 1757 г. отряд под командованием Шуньдэна встретил султана Абулфеиза. Тот подтвердил, что ему известно о требовании цинского командования изловить Амурсану. Не удовлетворившись этим, Шуньдэна отправился к Аблаю. Тот вновь обещал вылавливать приверженцев Амурсаны [106 т. 543, л. 176].

11 августа люди Аблая доставили в ставку Чжао Хуэя племянника Амурсаны Даши-Церина и дворянина (зайсана) Цибаханя. По словам людей Аблая, которых не опровергали Даши-Церин и Цибахань, Амурсана объявился было у султана, но, заподозрив неладное, убежал.

Вопрос об Амурсане был пробным камнем в мирных сношениях Цинской империи с казахскими правителями. Известие о бегстве Амурсаны в Россию, полученное от Аблая, в Пекине первоначально поставило под сомнение, полагая, что Амурсана все же укрывается в казахских кочевьях.

15 августа 1757 г. представители цинского командования Эркэ-Шара и Нусань встретились с Аблаем. Уверения султана о его попытках схватить Амурсану не произвели впечатления. Аблаю пригрозили, что, пока не будет схвачен «мятежный раб», цинские войска, которые придут в казахские кочевья, не уйдут.

Однако до отправки цинских войск в казахские пределы дело не дошло. Убедившись, что Амурсана действительно находится в России, Пекин распорядился отозвать Эркэ-Шару и Нусаня из казахских кочевий.

Заклучив мир с империей Цин, Аблай по собственному почину переключился на борьбу с ойратами. Рвение, с которым он и иные казахские владетели совершали налеты на ойратские кочевья, не вызвало особого восторга у богдыхана и его окружения. Узнав о нападении казахов на улусы князя Шэрэна, Хун Ли дал

нагоняй командующему Чжао Хуэю, который опасался, говорилось в указе [106, т. 555, л. 18а — 18б], что у Шэрэна много людей, и потому не продвигался. Казахи же тем временем могли забрать в плен всех людей Шэрэна. Но Хун Ли тревожило не столь последнее обстоятельство, как вероятность занятия казахами ойратских кочевий. Такая перспектива отнюдь не устраивала богдыхана. Он был против самовольного освоения казахами территорий, ранее подвластных Джунгарскому ханству. «Что касается мест, где казахи с ойратами граничат, опасаясь, что после уничтожения ойратов много земли будет пустовать, [и] казахи неизбежно вторгнутся», — говорилось в указе от 15 апреля 1758 г. — Хотя кочевья безлюдны и нам тоже трудно полностью удержать их, однако необходимо заранее показать границу. Может быть казахи попросят наших военачальников [занимающих] походатайствовать. Мы сможем, жалуя милость, наградить, только тогда в соответствии с обычными правилами. Но не следует позволять им внезапно вторгаться или опрометчиво давать» [106, т. 555, л. 18б — 19а].

Вместе с тем Пекин не возражал против участия казахов в «умиротворении» Джунгарии, тем более, что в начале 1758 г. цинские войска форсировали вторжение в Восточный Туркестан. Однако богдыхан не хотел, чтобы казахские правители исключительно сами решали задачу «по завершению» джунгарских дел. В таком случае им бы пришлось платить гораздо больше, чем входило в расчеты Цинского дома. Поэтому Хун Ли предписывал: «Однако нельзя опираться только на содействие казахов и расслаблять настроения нашей армии» [107, т. 562, л. 106].

Установление в 1757—1758 гг. контактов с некоторыми владетелями Среднего и Старшего жузов в значительной мере облегчило империи Цин задачу окончательного покорения Джунгарии и Восточного Туркестана. Правда, в Пекине не забыли о казахстанской кампании, когда Аблай укрывал Амурсану. Поэтому Цинский дом не рассчитывал на то, что казахские владетели по собственному желанию станут активно ему содействовать при завоевании Восточного Туркестана. Угрозами и посулами он пытался заставить Аблая и Абулмамбета (последнего в Пекине считали правителем Среднего жуза) помочь расправиться с борцами за независимость Восточного Туркестана.

Улясутайскому губернатору Цэнгуньжабу было приказано объявить казахским послам по прибытии их в Улясутай следующее (указ от 16 апреля 1759 г.): «Великая армия западного направления выступила карательным походом против туркестанцев. Опасаемся, что бунтовщики, оказавшись в безвыходном положении, отправятся искать прибежища в России, выйдя через ваши кочевья. Сообразуясь с этим, в северном направлении посланы солдаты отрезать

[путь]. Если главарь разбойников проникнут в ваши пределы, великая армия прямо пойдет преследовать и схватит их» [106, т. 583, л. 116—12а]. Тем, кто поймает и выдаст кашгарских вожakov, была обещана награда. Улсута́йский губернатор просил казахских послов, чтобы Аблай и Абулмамбет повсеместно обнародовали содержание этого манифеста.

Неизвестно, повлияли ли в данном случае на Аблая внушения из Пекина. Вероятнее всего, у султана имелись свои причины воздержаться от помощи кашгарским ходжам. Как бы там ни было, но нейтралитет Аблая и прочих казахских старшин в период войны в Восточном Туркестане объективно был на руку Цинскому дому.

С завоеванием Джунгарии и Восточного Туркестана завершился первый этап контактов Цинской империи с казахскими правителями. Он сопровождался крушением ойратского государства, столкновениями казахов с цинскими войсками и последующим вступлением некоторых казахских владетелей в мирные сношения с Китаем.

Предприняв вторжение в Джунгарию, цинское правительство тогда не ставило своей целью захват Казахстана и включение его в состав своей империи, как это произошло с Джунгарией и Восточным Туркестаном. В силу ряда обстоятельств Пекин не мог пойти на это. Во-первых, не было окончательно сломлено сопротивление ойратов. Во-вторых, на очереди стоял вопрос о завоевании Восточного Туркестана. В-третьих, приходилось считаться с позицией России. Война в Джунгарии создала напряженность в русско-китайских отношениях, которые неминуемо усугубились бы, если бы империя Цин форсировала наступление на казахов, со-

стоявших в подданстве России. В-четвертых, если в борьбе с Дабачи и Амурсаной цинские правители использовали ойратов против ойратов, то перспектива истреблять казахов руками казахов, учитывая опыт первой кампании в Казахстане, не представлялась вероятной.

В рассматриваемый период правители Китая довольствовались тем, что заставили некоторых казахских владетелей засвидетельствовать отсутствие враждебных намерений в отношении Поднебесной. Данное обстоятельство позволило Цинскому дому, уже не опасаясь, что казахские правители станут чинить ему препятствия, заняться окончательным покорением ойратов и завоеванием Восточного Туркестана. Хун Ли не скрывал своих намерений, когда писал в указе от 4 марта 1758 г.: «Ныне тело мятежника [Амурсаны] уже получено [для «свидетельствования»]. Илийский край давно уже умиротворен. Казахи тоже искренне склонились на нашу сторону. В западном крае восстановлен мир... В настоящее время еще имеются Яркенд и другие туркестанские уделы, которые еще непокорны, а также Хазык-Шары и другие 1—2 мятежных бандита, которые скрылись и еще не пойманы» [126, л. 46 — 5а]. Таким образом, как явствует из цитированного указа, Цинский дом пока удовлетворился тем, что казахские владетели дали заверения в своей к нему лояльности, однако он не мог пойти на завоевание Казахстана, ибо это было свыше его возможностей.

Отправкой некоторыми казахскими владетелями посольств в Пекин, случайной торговлей казахов в военных лагерях заканчивается первый этап казахско-китайских взаимоотношений. Второй начинается после создания Синьцзяна, как стали называться сведенные воедино Джунгария и Восточный Туркестан.

КИТАЙСКО-КАЗАХСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ СОЗДАНИЯ СИНЬЦЗЯНА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ЦИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ С КАЗАХСКИМИ ВЛАДЕТЕЛЯМИ

Казахские посольства 1757—1758 гг. в Китай положили начало посольским сношениям правителей Среднего и Старшего жузов с цинским двором. Принимать казахские посольства Пекин побуждали кроме соображений престижа насущные интересы, прежде всего обеспечение безопасности западных окраин империи.

Некоторые чиновники из Синьцзяна, например Шуньдана, Нусань, высказывали сомнения в целесообразности принимать при дворе ка-

захские посольства, поскольку у казахских правителей давно уже имелись тесные контакты с русскими властями. Шуньдана и Нусань, в частности, указывали, что хан Младшего жуза Абулхаир давно уже отправил своего сына в Россию в качестве заложника, да и сам-то Аблай «зимует возле русской границы» [106, т. 555, л. 16а]. Эти сомнения, как видно из указа от 3 марта 1758 г., цинский двор не принял всерьез. Наоборот, надлежало не только принимать казахские посольства, но и оказывать им радушный прием.

Более того, цинский двор пытался использовать дипломатические сношения с казахами для того, чтобы постепенно втянуть их в сфе-

ру своего влияния. Манифестом от 9 июля 1760 г. Хун Ли уведомлял Абулмамбета, Аблая, Абулфеиза и Ханбабу, что их послам Куттубаю, Аталаю пожалованы атрибуты цинских чиновников: шапки и халаты, шарик и перья на головной убор, жемчужные ожерелья. Эти знаки чиновного достоинства являлись вещественным свидетельством того, что обладающие ими лица являются служивыми цинского императора. Таким образом, в 1760 г. Пекин положил прецедент, которым руководствовался и в последующем в отношениях с представителями казахской верхушки, поддерживавшими контакт с Поднебесной.

Богдыхан нарушил свои прежние заверения Аблаю и Абулмамбету о том, что он не вправе жаловать их людям чиновные звания. Причиной такой перемены была не просто прихоть Хун Ли, а демарш правительства России относительно установления контактов Аблая с цинским двором. Последний в пику Петербургу спешит наглядно продемонстрировать свои супрематистские претензии. Впрочем, возведение казахских старшин в чиновное достоинство носило формальный характер, ни жалованья, ни довольствия от китайской казны они не получали.

Поскольку в последующем цинский двор жаловал чиновные атрибуты киргизским послам, послам из Кокандского ханства, Дурранийской империи и т. д., то об этих актах следует сказать особо. Само по себе пожалование посланцам той или иной страны парадной официальной одежды правителем страны пребывания было распространенным явлением в практике посольских сношений среднеазиатских государств. Так, кокандский хан, как правило, жаловал прибывшим к нему послам «сарпай» — почетный халат и платье [86]. Однако это вовсе не воспринималось дарящим и одариваемым как некое олицетворение зависимости последнего. Согласно же цинскому дипломатическому протоколу, пожалование чиновной одежды выходило за рамки обычного подарка, а символизировало пожалование «сюзереном», цинским императором, который претенциозно именовался «единым владыкой вселенной, территории как в пределах Китая, так и вне его», знаков чиновного звания «иноземному вассалу».

Для упрочения своего влияния среди правителей Среднего и Старшего жузов цинские власти стали оставлять у себя некоторых казахских старшин. Так, в 1760 г. Омур и Сэлэн-батыр, прибывшие со вторым посольством Аблая, были оставлены в столице в качестве цянбиньмыньшивзев — офицеров охраны [129, т. 4, л. 5а — 6б; 136, т. 12, л. 6б], т. е. фактически взяты заложниками.

Само пребывание казахских послов в Китае власти старались обставить таким образом, чтобы укрепить у «иноземных варваров» представление о военном могуществе и процветании

Поднебесной. Соответственно с этим оформлялась процедура прибытия, приема и отправки казахских посольств. Устраивая для «варваров» приемы, власти особое внимание обращали на показ военной мощи империи. Делалось это, по признанию самого богдыхана, с целью «запугать» казахов [106, т. 825]. Расчет при этом был таков, чтобы заставить казахов «держаться уважительно» по отношению к Китаю и не покушаться на его интересы.

Демонстрация могущества империи, должно быть, производила впечатление, но, очевидно, не укрепляла симпатии к цинскому двору. Не случайно в указе от 24 января 1769 г. Хун Ли не одобрил действий местных чиновников, которые во время проезда казахских послов «сверх меры показывают военную силу» [106, т. 825].

Однако на жесты показного великодушия цинский двор не скупился только на первых порах или при особых случаях. Сколь ни льстило тщеславию Хун Ли то обстоятельство, что именно при нем в Китай прибывают с подношениями люди из казахских владений, чего не было при прежних правителях Поднебесной, оно имело и оборотную сторону: росли казенные расходы. К этому оставаться равнодушным властитель Цинской империи не мог. И сановник Цин Фу, занимавшийся отправкой послов Тулебая из Старшего жуза, заслужил выговор от императора за то, что слишком много выделил лошадей отъезжающим казахам, цель которых «только получить выгоду...» [106, т. 579, л. 20а].

Отныне, постановлял указ от 21 февраля 1759 г., прибывающие в пределы империи казахские послы доставляются казенным тяглом только из Баркуля. По возвращении домой им следует пересаживаться на своих лошадей и верблюдов.

Пребывая в пределах Китая, казахи могли наблюдать и такие явления, которые отнюдь не свидетельствовали о всеобщем благоденствии и процветании в Поднебесной. Так, сопровождавшие казахское посольство офицеры Цзин Вэнь, Дэ Мин и другие на обратном пути из Пекина купили 10 мальчиков и девочек. То, что синьцзянские чиновники во время наездов в собственно Китай покупают детей в бедствующих семьях, богдыхан признал нормальным явлением. Но, отмечалось в императорском указе, Цзин Вэнь зсюртировал казахское посольство и за свой поступок «разве не будет осмеян иноземцами?» [106, т. 1288]. Декретом 1787 г. богдыхан запретил должностным лицам, сопровождающим казахские посольства, покупать людей: чем меньше теневых сторон увидят иноземцы, тем лучше.

Утвердившись в Джунгарии и Восточном Туркестане, Цинский дом не усматривал необходимости в частых наездах казахских посольств. Тем более, что, как отмечалось в указе (октябрь 1759 г.), казахские старшины едут в сто-

лицу империи, рассчитывая на подарки [146, т. 62, л. 19а].

В дальнейшем цинская администрация придерживается все более жесткого курса в отношении допуска казахских послов. Ограничения распространяются и на представителей аристократических семей, на сыновей и младших братьев ханов и султанов. Прецедентом явился случай с Агадаем, младшим братом султана Ханхожи. Просьбу Агадая разрешить ему представиться ко двору синьцзянский наместник Баопин отверг. Император указом от 1793 г. одобрил поступок наместника, указав, что если поощрять такую практику, когда младшие сыновья и братья ханов и султанов без ведома старших станут приезжать в столицу, то увеличится число жаждущих удачи [106, т. 144, л. 11]. Иными словами, цинский двор всемерно стремился ограничить число приезжающих казахов.

Подношения казахских послов были обременительны для китайской казны, ибо за подарки «варваров», как уже это стало традицией, их надо было с лихвой отдавать. Не случайно при дворе раздавались голоса против практики получения подарков от иноземных, в частности казахских правителей, из-за невыгодности получения этих подношений [85, с. 254]. Хотя об этом свидетельствует автор, писавший в начале XIX в., т. е. при преемнике Хун Ли, но и последний, известный своей скупостью, тоже был против излишеств, связанных с наездами казахских послов. Показателен случай с Джолши (Джолэци), сыном султана Абулфейза, ехавшим поздравить императора с днем рождения. Наместник Баопин, поскольку это была особая миссия, позаботился о том, чтобы в Лянчжоу, Нинся в честь Джолши устраивались обеды, а в тех провинциях, через которые он потом будет проезжать, его снабжали довольствием. В Пекине же рассудили иначе: если Джолши еще не въехал в пределы империи, то все задуманные в его честь мероприятия следует отменить [106, т. 1355].

Поддерживая сношения с казахскими ханами и султанами, цинская администрация в то же время относилась к ним крайне настороженно и пренебрежительно. Цинские документы изобилуют оскорбительными эпитетами по адресу казахов.

Контакты Цинской империи с казахскими правителями в сфере политической не сводились только к посольским связям и переписке. От раздачи знаков чиновного достоинства людям казахских владетелей Хун Ли осторожно перешел к пожалованию некоторым казахским султанам, приезжавшим ко двору, титула «гун», который в Китае носили представители высшей знати. Очевидно, начало этой практике было положено в 1768 г. с награждения титулом «гун» упоминавшегося уже Джолши [136, т. 12, л. 186].

Хун Ли пытался даже в коей-то мере реализовать свои супрематистские претензии путем признания того или иного казахского владетеля в качестве султана, хана. Но поступал он тут дифференцировано, в зависимости от конкретных условий.

В 1772 г. хан Болат направил Хун Ли грамоту, в которой именовав себя ханом [136, т. 12, л. 156]. Пекин запросил синьцзянского наместника Шухэдэ выяснить, почему Болат называл себя ханом, и удовлетворился разъяснением, что Болат действительно избран ханом казахами Старшего жуза [136, т. 12, л. 156]. Из-за отдаленности кочевий подвластных Волату родов Пекин не проявил особой заинтересованности к общению с ним. Иначе обстояло дело с преемниками Аблая, Абулфейза, люди которых кочевали в непосредственной близости от границ Синьцзяна, вблизи русских крепостей. С кончиной Аблая и Абулфейза император Хун Ли считал необходимым продемонстрировать супрематистские амбиции, «утверждая» в звании иноземцев, хотя это «утверждение» было чистой формальностью, констатацией факта, совершавшегося помимо воли богдыхана. Весной 1781 г., после смерти Аблая, его старшего сына Вали избрали ханом в Среднем жузе. Осенью того же года цинский богдыхан «пожаловал» Вали ханский титул. Одновременно цинский двор считал себя вправе сделать Вали ряд рекомендаций: во-первых, держать в повиновении подвластных; во-вторых, быть в мире и любви с братьями; в-третьих, поддерживать мир на границах; в-четвертых, не укрывать беглых [106, т. 1134]. Таким образом, признавая Вали ханом, цинский двор в свою очередь рассчитывал, что тот станет поддерживать спокойствие на границах империи, препятствуя своим казахам нарушать их и не давая прибежища перебежчикам.

Китайские документы, оказавшиеся доступными автору, умалчивают о том, просил ли Вали признания в ханском звании у цинского императора. Перед русской же императрицей он ходатайствовал об этом, специально послав в Петербург своего брата Ишима [73, т. 21, л. 406].

В 1783 г. цинский двор послал Ханхоже, преемнику Абулфейза, грамоту на право титуловаться «ханом» [136, т. 17, л. 17а; 106, т. 1189]. При этом Хун Ли не ограничился повторением сентенций, адресованных хану Вали. Во-первых, подвластным Ханхоже казахам надлежало по первому требованию цинских властей и без инцидентов покидать пограничную территорию. Во-вторых, при возникновении дел, затрагивающих цинскую администрацию, Ханхоже следовало уведомлять синьцзянского наместника и тарбагатайского воинского начальника [106, т. 1189].

Раздача цинским двором титулов казахским аристократам, «признание» их в качестве правителей не выходило за рамки внешнеполитических контактов и одновременно по-прежнему

не означали реальной зависимости казахских владетелей от богдыхана.

Фактическое признание того, что казахские правители ни в каком смысле не зависят от Китая, было сделано китайскими властями, в частности, по такому случаю. В 1779 г. Аблай письменно и через своего сына Сайдаке уведомлял синьцзянского наместника Илэту о своих столкновениях с соседними владетелями и просил прислать ему на подмогу 500—600 солдат [106, т. 1099]. Илэту отказал и сказал Сайдаке: «Раз твой отец — казахский хан, пусть сам наказывает ослушников».

Цинский двор до такой степени остерегался вмешиваться во внутренние дела казахских правителей, что даже не считал целесообразным без ведома казахских ханов и султанов принимать их сыновей и младших братьев. Иначе ханы и султаны, говорилось в указе, затаят в душе сомнения [106, т. 1441].

Несмотря на контакты Аблая с цинским правительством, казахи опасались его. Трагическая участь ойратов, поборником интересов которых некогда выступал себя богдыхан, и кашгарских ходжей была у всех перед глазами. В частности, опасения среди казахов, которые кочевали окрест расположения цинских гарнизонов, относительно вероятности вторжения войск империи Цин в казахские пределы получили столь широкие распространения, что нашли в 1777 г. отголосок в Пекине [106, т. 1024].

Контакты цинского двора с казахской верхушкой не упрочили влияния Китая в казахской степи. Авторитет же России среди казахов рос, и она укрепляла свои позиции в Казахстане. Старшины Среднего жуза, ранее не состоявшие в подданстве России, ходатайствовали о принятии их в таковое. В 1760 г. султан Абулфеиз отправил в Петербург своих представителей с просьбой принять его с подвластным народом в российское подданство [31, с. 7]. В 1770 г. в российское подданство вступили казахи рода уак [41, с. 696], в 1775 г. — старшина Тартаулской волости Тюрк-батыр и султан Манкуш со своими людьми [42, с. 81]. В 1778 г. о желании быть в российском подданстве заявили старшины Среднего жуза Байтуга Юлдабаев, Девлет Тюлев, Кулбек-батыр и Байдук Голдубаев [4, с. 911]. В 1789 г. султану Старшего жуза Чурыгею русские власти отвели место под поселение в знак признания заслуг султана, который способствовал переселению в российские пределы тапкентцев и казахов Сиван-Киреевской волости [4, с. 912—913]. В 1793 г. султан Старшего жуза Тугум пожелал переселиться со своими людьми в пределы России [4, с. 920].

Казахи нередко выступали против контактов своих владетелей с правительством Китая. К примеру, летом 1767 г. старшины рода наракисек препятствовали проезду послов Аблая в Ки-

тай [42, с. 685]. Отправка ханом Среднего жуза Вали посольства в Пекин вызвала столь сильное недовольство значительной части населения жуза, что оно ходатайствовало перед русским правительством о низложении Вали [93, с. 329].

В 1795 г. два султана и 19 старшин Среднего жуза, недовольные правлением хана Вали, изъявили желание вместе с подвластными им 122 960 душами «быть в вечном российском подданстве» [4, с. 927]. В 1798 г. старшина Среднего жуза Аиходжа Мулла Кочин просил разрешения перейти на территорию России и кочевать между Семипалатинской и Омской крепостями [73, т. 20, с. 310—311].

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЦИНСКИХ ВЛАСТЕЙ И КАЗАХОВ

С гибелью Джунгарского государства казахские владетели рассчитывали расширить свои кочевья за счет земель, которые были ему подвластны. Однако эти устремления шли вразрез с намерениями цинского двора. Он отнюдь не собирался делиться с казахской верхушкой наследием ойратских ханов. Как было показано выше, император Хун Ли с самого начала кампании в Джунгарии выступал против расширения казахских владений за счет земель, которые занимали ойраты до гибели их государства. Пекин неоднократно объявлял, чтобы казахи кочевали на своей территории и не заходили в пределы Джунгарии.

Однако сдерживать продвижения казахов на свободные земли цинское правительство было не в состоянии. Во-первых, во время кампании против ойратских повстанцев цинские военачальники не имели, естественно, возможности заниматься размежеванием границ между былыми кочевьями ойратов, с одной стороны, казахами и киргизами — с другой. Тем более, что казахские отряды в ряде случаев раньше цинских войск вступали в пределы кочевий, занимаемых джунгарами. Во-вторых, удержание во всем объеме наследия джунгарских ханов требовало обременительного для цинской казны усиления армии, оперировавшей в Джунгарии и Восточном Туркестане. Уже на первом этапе западная кампания оказалась весьма накладной для пекинского казначейства. Более того, принудительные реквизиции лошадей и скота явились одной из причин волнений в Халхе. В-третьих, форсирование продвижения Китая на запад было чревато весьма рискованными внешнеполитическими осложнениями.

Отсюда реально складывавшаяся обстановка предопределяла фактическое размежевание между казахскими владениями и собственно территорией Цинской империи.

Тем не менее Цинский дом объявил своей собственностью все земли, ранее подвластные Джунгарскому ханству, на том лишь основании, что он провозгласил себя единоличным восприемником территориального наследия джунгарских ханов. «Волнения у джунгар усмирены,— писал Хун Ли в своем указе в августе 1760 г.— Все кочевья, которыми прежде владели джунгары, находятся в наших границах» [106, т. 697, л. 7а].

Понятие «бывшие джунгарские земли», которым оперировали богдыхан и его чиновники, было весьма условным. Строго очерченной, обозначенной пограничными знаками или караулами, тем более зафиксированной документально, границы между Джунгарским ханством, с одной стороны, и казахскими, киргизскими землями,— с другой, не существовало. Цинская империя по праву сильного в одностороннем порядке решила определять, где проходили рубежи бывшей Джунгарской державы.

Догма о преемственности между джунгарскими ханами и правящим домом Китая для последнего служила обоснованием экспансионистских устремлений в отношении территорий Центральной и Средней Азии, не подвластных империи Цин. Правители ее сделали заявку на огромную площадь, которая фактически не входила в состав Китайского государства, и мыслили удержать ее за собой, запугивая соседние народы (казахов, киргизов) военной мощью империи.

Однако одно дело было в указе назвать «своими» все земли, занимаемые прежде ойратами, совсем иное — «застолбить» всю территорию, сделать постоянным здесь свое присутствие, расставить пикеты. В данной связи очень показателен такой момент. Еще в 1761 г., спустя два года после выхода указа, объявлявшего все джунгарские земли собственностью империи Цин, ее военные власти на местах еще не имели возможности хоть как-то визуально обозначить пределы своего присутствия. В 1761 г. воинский начальник Агуй лишь намечал на ряде участков в Илийском крае и Тарбагатае посадить деревья и насыпать камни в качестве отметок для размещения в будущем караулов [106, т. 663].

Материализовать разом свои захватнические поползновения цинскому правительству было не под силу. Поэтому оно считало вполне вероятным, что на свободные земли самочинно перейдут казахи. Так оно в действительности и произошло.

Как говорят казахские изустные предания, примерно в 40-х годах XVIII в. происходило массовое переселение казахов с юго-запада, юга и запада на занимаемые ранее Джунгарским ханством земли [65, с. 4, 7, 52, 121; 66, с. 9, 10, 12; 67, с. 4]. Эта миграционная волна совпала с началом упадка Джунгарской державы, вызванного междоусобицами ойратской

знати. В последующем, когда Джунгарское государство, а равно и его население, гибнут под ударами войск цинского богдыхана, казахи переселяются все дальше и дальше на оставленные джунгарами, а потому бесхозные, земли. Уже в 1758 г. русское пограничное начальство располагало информацией о том, что казахи Среднего жуза занимают опустевшие джунгарские кочевья [41, с. 607; 72, с. 155]. Таким образом, казахские владетели сочли себя вправе занимать новые кочевья, оставшиеся бесхозными с падением Джунгарского ханства.

Связанное кампанией в Восточном Туркестане цинское правительство тогда, очевидно, не знало об этих перекочевках казахов, да и не имело достаточных сил, чтобы противодействовать им. Притом до тех пор, пока не было окончательно сломлено сопротивление ойратских повстанцев и шли бои в Восточном Туркестане, приходилось считаться и с настроениями казахских владетелей. Направить против них войска, чтобы заставить покинуть занятые кочевья, значило обострить отношения, что было цинскому двору некстати.

Стремясь не допустить перехода казахов на пустующие земли без прямого вмешательства со своей стороны, цинский двор поощрял занятие свободных территорий подвластными ему племенами. Так, в 1759 г. один из урянхайских старшин Чадак, цинский подданный, решил переселиться со своими людьми в верховья Иртыша, где раньше кочевали дэрбзты. «На эту землю по Иртышу,— гласил указ от 9 октября 1759 г.,— чем захватят [ее] казахи... лучше уж пусть урянхайцы переселяются» [106, т. 595, л. 36]. Если в данном случае цинское правительство, как ему представлялось, лишь предвосхищало перекочевку казахов, то в начале 1760 г. Пекину стало известно уже о переселении казахов в Тарбагатай.

О намерении жить в Тарбагатае казахские старшины прямо говорили цинскому двору еще в 1757 г. В обоснование казахские послы указывали, что их соплеменники кочевали в Тарбагатае еще до прихода туда ойратов [106, т. 548, л. 96]. Эта инициатива казахских правителей не нашла поддержки в Пекине. Но, чтобы смягчить свой отказ, Хун Ли отделался обещанием казахам награды в том случае, если они выдадут Амурсану. «Эта территория,— говорилось в указе от 16 ноября 1757 г.,— только что покорена и еще в запустенье. Нам, собственно говоря, [ее] не жалко, но вы только что постарались перейти на нашу сторону и еще не имеете заслуг. Если тотчас же пожаловать вам данную территорию, то [это] не соответствует правилам [Нашего] государства. Ваши сердца также отнюдь не успокоятся. [Если] вы действительно схватите и доставите бунтовщика и вора Амурсану, тогда сочтем своим долгом, жалуя милость, дать награду» [106, т. 548, л. 96]. Однако казахи

не считали нужным ожидать санкции богдыхана и до прихода его войска заняли Тарбагатайский хребет [82, с. 507].

Узнав о появлении казахов в Тарбагатае, богдыхан тут же распорядился (указ от 9 мая 1760 г.) направить туда на разведку несколько офицеров и солдат. В случае обнаружения казахов следовало «тут же дать понять [им] на примерах, что полезно, а что пагубно». Конкретно казахам надлежало объявить: «Эта земля покорена Небесной династией. В будущем займемся расквартировкой [здесь] войск. Вы прежде, во времена джунгар, еще не осмеливались переходить границу. Сейчас как смогли тайно перекочевать? Немедленно изгоним из [наших] границ» [106, т. 595, л. 36]. Одновременно правительство поручило офицеру Навану, посланному к Аблаю, потребовать, чтобы тот отозвал своих людей из Тарбагатая.

Таким образом, с начала 1760 г. цинский двор уже непосредственно пытается помешать казахам занять пустующие земли в Тарбагатае, которыми империя Цин еще фактически не владела, но уже объявила своими.

Если прежде Пекин предупреждал казахских владетелей, чтобы они не занимали новых кочевий, то теперь он грозил им карой за непослушание. С победоносным завершением кампании в Восточном Туркестане цинский двор считал целесообразным говорить с Аблаем и другими казахскими владетелями «без особых церемоний», тем самым наглядно демонстрируя решимость сохранить за собой все наследие джунгарских ханов в том объеме, как оно ему представлялось.

Однако казахские владетели считали себя вправе переходить на освободившиеся земли. Так, в послании цинскому двору, привезенном представителями Старшего и Среднего жузов в 1760 г., говорилось, что их соплеменники, помимо собственно Тарбагатая, занимают бесхозные кочевья в Барлыкке, на Алтан-Эмеле, Чорге, Каратале, Кок-су [106, т. 613]. Информировав об этом Пекин, казахские владетели рассчитывали закрепить фактическое положение дел. Более того, они заявляли о намерении кочевать в Илийском крае.

Не отрицая, что джунгары некогда потеснили казахов, цинский двор, однако, встретил в штыки их стремление занять освободившиеся земли. Свою позицию он разъяснил в ответном манифесте Абулмамбету, Аблаю, Абулфеизу, Ханбабе (датирован 9 мая 1760 г.). Во-первых, джунгарские земли завоевали войска империи без чьей-либо помощи; во-вторых, недостатка в пастбищах казахи не испытывают. В-третьих, как-то особо выделять казахов нет оснований. Киргизские послы тоже приезжали ко двору богдыхана. В таком случае и у них может быть повод претендовать на подвластные империи земли. «Но разве есть резон землю, которую покорила великая армия, раздавать всем?»

В-четвертых, бывшие ойратские земли в Или, Тарбагатае отнюдь не пустуют. «Ныне в Или и другие места непрерывно переводятся на поселение офицеры и солдаты из внутренних территорий страны» [106, т. 613].

Подкрепил эти доводы богдыхан угрозами: военные власти Синьцзяна специально инспектируют пограничные районы, в случае обнаружения казахов их изгонят или возьмут в плен.

Хун Ли требовал от казахских старшин отозвать обратно своих людей, которые заняли новые кочевья. Не упустил богдыхан случая тут же напомнить казахам, что им еще надлежит благодарить его за расправу над джунгарами, в результате чего казахи избавились от их нападений.

Днем позже после составления этого манифеста воинскому начальнику Агую было предписано временно прекратить операции против джунгарских повстанцев и прочесать с отрядом Тарбагатай и другие места, куда могли перекочевать казахи.

В ряде случаев цинская администрация объявляла своими земли, где присутствие ее власти ни в чем конкретно не проявлялось, или где лишь эпизодически появлялись цинские солдаты. К примеру, в конце 1760 г. цинский отряд, разыскивая джунгарских повстанцев, обнаружил 1 тыс. казахских кибиток на Алтан-Эмеле и на Хоргосе. От самих казахов цинское командование узнало, что еще в прошлом году они кочевали на р. Лепса. Таким образом, казахи уже освоили земли вдоль реки. Однако цинские командиры потребовали от казахов немедленно уйти обратно и не занимать кочевья по р. Лепса. Эту территорию, как внушали казахам, «завоевала» Цинская империя, и данная земля потому находится в ее пределах [147, т. 8, л. 3а]. В случае промедления с откочевкой обратно казахам пригрозили прибытием войск.

С конца 1760 г. цинские правители силой оружия подкрепляют свои претензии на территории, уже занятые казахами. Синьцзянские власти рапортуют в Пекин о результатах кампании по изгнанию казахов.

Кампания против казахов, «нарушивших границу» (?!), как она именуется в официальных китайских документах, по существу означала необъявленную войну за обладание «джунгарским наследством». Не имея реальной власти над огромными массивами земель, которые цинское правительство в одностороннем порядке провозглашало своими, оно всемерно пыталось не допустить появления там казахов. Основную ставку при этом цинский двор делал на устрашение. С этой целью синьцзянское начальство эпизодически практикует патрулирование.

Однако, как показал первый опыт, эпизодические наезды цинских отрядов не смогли удержать казахов от занятия новых кочевий.

Казахи покидали занятые земли во избежание столкновения с цинскими солдатами, но стоило войскам уйти, как казахи вновь возвращались.

Чтобы воспрепятствовать казахам занимать свободные земли, цинский двор до конца 1762 г. в целом ограничивался изгнанием «нарушителей», предостережениями в той или иной форме.

Казахские же владельцы не только не оправдывались за «нарушение» их людьми «границ империи», но сами предъявляли претензии относительно действий властей.

Непрекращавшиеся перекочевки казахов побуждали правителя Поднебесной не медлить с принятием более строгих, чем раньше, мер. В таком решении его укрепило и мнение синьцзянской администрации. Казахам, докладывая трону в конце 1762 г. Агуй и Минжуй, нельзя призвать к порядку указами. Нынешней весной их старшину, которого схватили, отпустили и вернули весь скот. Они же, наоборот, говорят: «...император сочувствует нам, не дозволяет нас наказывать» [106, т. 674].

Указом от 18 декабря 1762 г. Цинский дом обязал синьцзянского наместника Минжуя захватывать скот у казахов, перекочевавших на бывшие джунгарские земли. Этот же указ предписывал задерживать любого казаха-«нарушителя» и арестовать самого Аблая, если он объявится, «чтобы [и другие] страшились» [106, т. 674]. Инспекционные объезды, как докладывал в свое время Агуй [147, т. 14, л. 216], могли дать лишь временный эффект. Всерьез взяться за изгнание казахов представлялось возможным лишь с размещением гарнизонов и расстановкой караулов.

По мере закрепления цинской власти в недавно завоеванных Джунгарии и Кашгарии возводится линия постоянных караулов. Она положила фактическую границу между территорией собственно Цинской империи, с одной стороны, и казахскими и киргизскими землями — с другой: «За пределами границ [Синьцзяна] севернее и западнее [с ним] соседствуют казахи, западнее и южнее — буруты (т. е. киргизы. — В. К.). Запрещено им проживать [в пределах Синьцзяна]. Поэтому поставлены караулы, размещены офицеры, посылаются солдаты патрулировать» [136, т. 11, л. 16].

Процесс разграничения между империей Цин и казахами был отнюдь не мгновенным по времени. Он не был подготовлен какими-либо переговорами между представителями обеих сторон. По «праву» более сильного Цинская империя пыталась изменить в свою пользу уже фактически складывавшуюся границу между казахскими кочевьями и Цинским государством.

В первых месяцах 1765 г. синьцзянский наместник Минжуй докладывал о начале расквартирования войск в урочище Яр (Тарбагатай). Оно сопровождалось изгнанием кочевавших

здесь казахов, этим специально занималось передовое соединение под началом Чокэто. Таким образом, практически только в 1765 г. цинские войска начинают занимать Тарбагатай. Но, по сути дела, со стороны империи Цин имеет место захват территории, где уже осваивали кочевья казахи, а поданные Цинской империи еще не расселялись.

Начатое расквартирование войск в Яре с одновременным изгнанием казахов пришлось, однако, на время отложить из-за восстания уйгур в Уч-Турфгане. Минжуй тайно предписал Чокэто вернуться обратно в Или и сделать все, чтобы о восстании в Уч-Турфгане ничего не прослышали казахи [106, т. 731, л. 136 — 14а]. Цинское начальство опасалось, как бы они, воспользовавшись моментом, снова не заняли вынужденно покинутые кочевья.

После подавления восстания в Уч-Турфгане цинские власти вновь принялись размещать войска в Яре. В 1766 г. сюда из Или направили 1500 солдат [106, т. 755, л. 27а — 27б].

В конце 1764 — начале 1765 г. улясунский губернатор Цэнгуньжаб предпринял изгнание казахов с кочевий по Иртышу.

Учитывая дислокацию основных контингентов своих войск в Джунгарии, кампанию по изгнанию казахов, занимавших оставшиеся после джунгар кочевья, цинское правительство преимущественно проводило в Тарбагатае и в сопредельных с ним территориях: на Иртыше, Аягузе. Последнее обстоятельство способствовало тому, что именно на территориях к северо-западу от Или и Тарбагатая наиболее часто возникали столкновения между цинскими войсками и казахами.

Налеты цинских отрядов на казахов, приближавшихся к рубежам империи, порождали вражду к ней со стороны казахов. В какой-то мере это учитывали в Пекине. Так, в одном из указов богдыхана говорилось, что при обнаружении казахов патрулем следует избегать опрометчивых действий, чтобы казахи «не питали презрения» к империи [106, т. 757]. Для упрочения устоев своего господства в недавно завоеванном крае цинскому правительству приходилось так или иначе считаться с настроениями соседей-казахов.

Полностью сдерживать продвижение казахов на свободные земли, лежавшие по внешней сторону постоянных китайских караулов, цинские власти были бессильны. Небезызвестный цинский сановник Агуй так отзывался об эффективности наездов цинских патрулей в занятые казахами кочевья: «Хотя [казахи] и говорят, что не осмелятся снова появиться, тем не менее им нельзя глубоко доверять» [129, т. 14, л. 216]. Действительно, если казахи с появлением китайского отряда и откочевывали, то после его отъезда снова возвращались на прежнее место. И поскольку эти вторжения цинских воинских команд происходили перио-

дически, то они не могли воспрепятствовать казахам прочно удерживать за собой занятые земли.

Именно казахи осваивали территорию Южного Прибалхашья. Характерные свидетельства на сей счет приводит казачий атаман Волошанин (его данные относятся к началу 70-х годов XVIII в.). Часть маршрута Волошанина проходила с верховий Аягуза по берегу Балхаша. Здесь он не встретил цинских караулов, но отметил колодцы, выкопанные казаками [98, с. 314].

Цинский двор, оказавшись бессильным закрепить за собой территориальное наследие джунгарских ханов во всем том объеме, как оно представлялось в Пекине, однако не отказывался от притязаний на земли, лежащие за пределами линии караулов. Цинское правительство стало практиковать, очевидно, с конца 60-х годов XVIII в. отправку воинских команд за линию пикетов, в казахские кочевья. Эти периодические наезды цинских солдат, согласно официальной терминологии цинских источников, квалифицировались как «инспекционные» поездки, а в действительности были не чем иным, как актами вторжения в чужие пределы с целью грабежа. Во время таких наездов цинские офицеры и солдаты отнимали у казахов скот, мотивируя реквизицию тем, что земля-де, где казахи пасут свои стада, принадлежит богдыхану, и потому за пользование чужими пастбищами надо платить. Такого рода аргументация не оказывала воздействия на казахов. С вполне обоснованным возмущением они говорили в ответ: «С какой это еще стати могут быть речи об уплате подати?» [144, т. 3, л. 2а]. Говоря точнее, тут имел место не сбор подворной или покибиточной подати, взыскиваемой с фактических подданных Китая, а грабительские поборы, взимаемые по праву сильного. Не удивительно, что казахи встречали незваных «проверяющих» с китайской стороны крайне враждебно. Экспедиции, которыми сопровождалась «инспекционные» наезды за линию пикетов, очевидно, были столь серьезны, что синцзянское начальство не могло не докладывать об этом в Пекин. Там не остались безучастными, ибо речь шла о престиже Поднебесной. В 1788 г. вышел специальный указ относительно «инспекционных» поездок в Тарбагатае. В этом рескрипте отмечалось, что за линией пикетов в Тарбагатае кочуют казахи, а потому на должность старшего патрульного начальника надлежит ставить человека, сведущего в законах и настроениях «варваров» [106, т. 1315].

Простирая виды на территорию за пределами своей империи, цинский двор в то же время располагал громадными, лежащими без всякого употребления землями в Синцзяне. В конечном счете империи перед лицом непрекращавшихся попыток со стороны казахов расширить площадь кочевий пришлось даже допу-

стить их на территорию Синцзяна. По соображениям политического и экономического порядка Пекин пошел на то, чтобы, во-первых, разрешить казахам селиться в Джунгарии и, во-вторых, временно пользоваться здешними кочевьями. Рассмотрим подробнее названные моменты.

«В Или и других местах земля не занята. Чем больше человеческого жилья, тем лучше. Если [есть] такие казахи, что, не имея земли для кочевания или опасаясь ограбления, желают принять подданство, тотчас же оставить их пасти скот [и] послать чиновника держать их в повиновении силой. Пройдет достаточное время — народа [станет] множество и можно будет сформировать анги [под началом] цзолина», — говорилось в указе от 24 мая 1766 г. [106, т. 759]. Богдыхан имел в виду, что переходить под его власть прежде всего станут неимущие казахи и те, которые по тем или иным причинам опасались насилия со стороны своих соплеменников. Давая им прибежище на своей территории и защиту от нападений извне, цинский двор приобретал определенный политический капитал, выставляя себя «защитником» неимущих и обиженных инородцев. Кроме того, по мере увеличения численности казахов в Джунгарии цинские власти намеревались составить из них своего рода иррегулярные охранные войска, которые в случае необходимости можно было использовать против их же соплеменников — казахов, если бы те попытались нарушить границы империи. Это как раз соответствовало основной установке Цинского дома, которой он держался в отношении иноземных владений — «варварами обуздывать варваров».

Руководствуясь данными соображениями, цинский двор отклоняет ходатайства казахских владетелей о выдаче бежавших в Джунгарию казахов, которых он поселяет здесь. Держа под своей рукой таких беглецов, китайское правительство рассчитывало использовать их в качестве противовеса казахским старшинам в случае каких-либо домогательств со стороны последних.

Стремясь упрочить свое влияние на соседствующих с Джунгарией казахов и одновременно извлечь некоторые экономические выгоды из лежащих без пользы угодий, цинский двор решил разрешить казахам временное пользование кочевьями в Джунгарии за определенную мзду. Синцзянской администрации предписывалось объявить сопредельным казахам: «Если вы, желая найти подходящее место, так как скот попал в буран, переходите кочевать на территорию по внутреннюю сторону наших караулов, то вам надлежит уведомить правителя нашей местности и уплатить подать» [106, т. 777].

Казахам было разрешено пользоваться кочевьями в Джунгарии на следующих условиях,

Осенью и зимой, после выпадения снега, караулы в Тарбагатае переносятся назад. На освободившуюся таким образом территорию временно допускаются кочевать казахи. Весной же они вновь изгоняются. За пользование пастбищами казахи уплачивают с каждой сотни голов скота одну старшему караульному начальнику.

Взимать подать с казахов за пользование пастбищами на севере Синьцзяна, по внутреннюю сторону постоянных цинских пикетов, пограничная администрация начала, очевидно, во второй половине 1767 г. Первое упоминание об этом встречается в указе от 13 октября 1767 г. В нем сообщалось о получении доклада от офицера Улэдэны. Тот докладывал, что намерен взимать с казахов «подать лошаадьми». Пыне, сообщал Улэдэна, посланы шивэй Гуаньдэ и др. «собирать [подать с казахов]. Притом строго запрещено солдатам корыстно вымогать и тем самым вызывать нежелательные события [106, т. 793].

Доклад Улэдэны показателен в ряде отношений. Во-первых, уплату подати цинским властям казахи отнюдь не считали для себя обязательной, оспаривая принадлежность используемых ими кочевий империи Цин. Во-вторых, сбор «подати» не обходился без столкновений между казахами и цинскими солдатами, почему Улэдэна и докладывает тропу о своем стремлении пресечь подобные столкновения, рассчитывая заслужить поощрение со стороны высшего начальства. Одобрив предписания Улэдэны относительно недопущения злоупотреблений, богдыхан особо указывал: «Если окажутся непочтительные, чинящие злоупотребления люди, безусловно надлежит согласно фактов принять меры и доложить, отнюдь нельзя потворствовать» [106, т. 793]. Издавая это предписание, богдыхан меньше всего заботился о благополучии соседей казахов, но преследовал лишь собственные престижные интересы. Такими предписаниями цинский двор мыслил продемонстрировать свою заботу о «благах» казахов, дабы не вызвать с их стороны недовольства поборами местных властей. Однако наказания эти большей частью оставались на бумаге: разложение цинского бюрократического аппарата, порождением чего являлись вымогательства и лихоимство, зашло так далеко, что любого рода паллиативы оказывались здесь бессильны.

Одна лошадь со 100 — такова была цена, которую казахам следовало уплачивать цинским властям за временное пользование угодьями, расположенными по внутреннюю сторону постоянных пикетов, т. е. на территории Цинской империи. Это обложение являлось не чем иным, как своего рода арендной платой, уплачиваемой арендатором, в данном случае казахами скотоводами, владельцу земли, т. е. цинскому государству. И не случайно в китайских источниках это обложение называется

«цзума», т. е. арендная плата лошадьми [136, т. 10, л. 6а]. На практике же определенного размера обложения не было. Цинские командиры поровили взять как можно больше [129, т. 3, л. 49].

Позиция в отношении перекочевки казахов, которой держалось цинское правительство, не содействовала повышению его престижа среди них. Тем более, что русская администрация в данном вопросе придерживалась нередко совершенно противоположной позиций. Например, с целью облегчить переход казахов на внутреннюю сторону Иртышской военной линии царским указом от 1799 г. было разрешено не взимать с них при этой перекочевке таможенной пошлины за перевозимое имущество [31, л. 12].

КАЗАХСКО-КИТАЙСКИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ

В результате контактов между цинскими властями и некоторыми владельцами Старшего и Среднего жузов налаживается и торговля. Почин ей был положен во время встреч казахов с цинскими войсками в период окончательного покорения Джунгарского ханства. По мере стабилизации обстановки торговый обмен становится более устойчивым. Цинское правительство было заинтересовано в нем. Поэтому оно удовлетворило ходатайство султана Аблая о торговле на западных рубежах Цинской империи. При этом, однако, указало, что в расчет его помыслы брать не станет. Аблай предлагал вести меновой торг на р. Урунгу. Однако это предложение под предлогом отдаленности местности цинские власти отклонили.

На первых порах интерес китайской администрации к торговле с казахами диктовался потребностью в лошадях для армии. Вопрос этот стоял очень остро, ибо в 1758 г. цинские войска, завершая операции против повстанцев Джунгарии, одновременно развешивали наступление на Восточный Туркестан. Изыскать лошадей на месте, учитывая сложившуюся обстановку, не представлялось возможным, в самом же Китае копеек было мало, притом требовалось значительное время для их доставки. Поэтому цинскому командованию представлялось наиболее целесообразным приобретать лошадей у казахов. Как указывал главнокомандующий Чжао Хуэй в докладе императору, прежде чем предпринять вторжение в Восточный Туркестан, следует закупить у казахов крепких лошадей [146, т. 48, л. 46].

С окончанием военных действий в Синьцзяне, как стали именоваться сведенные вместе Джунгария и Восточный Туркестан, потребность в лошадях не отпала. Поначалу они были нужны для расквартированных здесь гарнизонов. Однако дело не ограничивалось лишь снабжением армии конями. Острую нужду в ло-

шадях испытывали и в так называемых «тунь-тянь», военно-пахотных поселениях, посредством которых проводилась колонизация Джунгарии. В связи с началом освоения пустующих здесь земель встал вопрос о создании казенного скотоводства. Правительство считало обмен с казахами одним из основных источников получения лошадей для организации в Джунгарии казенных конских заводов.

Помимо чисто экономических причин цинское правительство было заинтересовано в развитии торговли с казахами и по политическим соображениям. Оно рассматривало ее как средство укрепить свое влияние в казахской степи.

Еще до начала торговли с казахами в различных инстанциях цинской администрации обсуждались вопросы о том, на какой основе строить обмен, что покупать.

Предложение Аблая открыть торг в Урумчи поддержал цзянцзюнь Чжао Хуэй. С мнением Чжао Хуэя согласился император. Однако потом наместник провинций Шэньси-Ганьсу Хуан Тингуй высказал иное мнение. Он предлагал вести торг в Турфане, доказывая, что перевозка товаров в Урумчи повлечет за собой большие транспортные расходы. Министры Военного совета высказались за прежнее решение — торговля должна вестись в Урумчи. В обоснование они выдвинули следующие мотивы. Во-первых, непоследовательность в решениях могла породить недоверие к властям со стороны казахов [106, т. 550, л. 116]. Во-вторых, увеличение транспортных издержек можно было компенсировать за счет отпускной цены тканей. И в-третьих, министры опасались контактов казахов с уйгурами Турфана, в результате чего «станут происходить беспорядки» [106, т. 550, л. 116].

Торговля с казахами, как мыслили цинские сановники, не должна строиться на основе взаимности. Чтобы партнер не очень артанился, его следовало припугнуть силой. К началу торгова в Урумчи наместник Хуан Тингуй предложил специально направить дополнительный контингент войск, чтобы держать казахов в повиновении.

Специфика обстановки в Джунгарии, а именно отсутствие здесь на первых порах гражданского китайского населения, объективно способствовала тому, что в качестве контрагентов в торговле с казахами выступали не китайские купцы, а военные власти Синьцзяна. В сохранении такого положения было заинтересовано и само правительство, поскольку обмен с казахами оно рассчитывало подчинить удовлетворению казенных нужд. Надо, докладывали министры Цзюньцзичу 15 декабря 1757 г. императору, чтобы казна распоряжалась обменом с казахами. Следует выбрать сведущих в торговле людей и вести дело, как это принято у купцов. Однако нельзя допускать, «чтобы обнаружилась практика казенных закупок» [106, т. 550,

л. 106]. С этим мнением Хун Ли согласился. Таким образом, речь шла об установлении казенной монополии на торговлю с казахами. А чтобы держать их в неведении, военные чиновники должны были выступать как представители торгового сословия. При такой системе китайские купцы могли покупать у казахов лишь то, что не закупили власти.

Министры Военного совета рекомендовали в первую очередь выменивать у казахов лошадей, но следовало брать и верблюдов, баранов, быков. Закупать тощий скот, отмечали министры, тоже стоит, но по самой низкой цене. Выгода будет двойная. И для казны не убыточно, и политически выигрышно: «дальние варвары» имеют возможность убедиться, что закупщики «входят в их положение», и им не приходится гнать скот обратно. Все эти рекомендации были приняты к исполнению.

Поскольку с самого начала подразумевалось, что торговля с казахами будет меновой, встал вопрос о том, чем расплачиваться с ними. Решено было для начала реализовывать запасы товаров, залежавшихся на местах.

С развертыванием кампании в Восточном Туркестане цинское правительство стремилось как можно скорей и как можно больше получить казахских лошадей. Поэтому, во изменение предыдущего решения, указом от 9 июля 1758 г. разрешалось несколько увеличить закупочные цены [106, т. 564, л. 66].

Приезд казахов для торговли в Джунгарию ожидался в августе 1758 г. Чтобы ускорить их прибытие, местные власти специально направили в казахские кочевья своего представителя. Хотя к ожидаемому сроку казахи не объявились, однако обмен с ними в 1758 г. состоялся. 18 октября в Урумчи цинские власти купили у них более 300 лошадей. Это фактически явилось началом казахско-китайской торговли в Синьцзяне, хотя официально же она была открыта позднее.

1 января 1759 г. в Урумчи приехала своего рода торговая миссия Аблая. Ходатайство его разрешить торговлю было удовлетворено указом от 19 января 1759 г. [106, т. 577, л. 176], и эту дату следует считать официальным началом казахско-китайской торговли в Синьцзяне.

Начало торговли Аблай оставил было рядом условий. Прежде всего, он хотел, чтобы власти наградили цинского солдата Яху — проводника казахских торговцев. В Пекине сочли такое ходатайство чрезмерным. Но не желая оттолкнуть Аблая прямым отказом, решили отделаться отговоркой. «Если его (Аблая. — В. К.) торговые люди за Яху убедительно просят наградить его, — гласила инструкция чиновнику Динчжану, ведавшему торговлей с казахами, — тут же объявить им: "Мы занимаемся только делами торговли. Что касается представления [к награде] постаравшихся [для вас] людей, то [в такие вопросы] не осмеливаемся вмешиваться"».

ваться. Когда вы лично увидите с цзянцзюнем, тогда перед ним и ходатайствуйте» [106, т. 577, л. 1а — 1б].

Для своих казахов, приезжающих торговать, султан Аблай добивался того, чтобы власти снабжали их всем необходимым на обратном пути и выделяли сопровождающих, т. е. он хотел, чтобы цинская администрация обращалась с прибывающими для торговли так же, как с послами, приезжавшими в Пекин. «...Такое начало, — ответили оттуда, — никоим образом нельзя вводить».

Первый опыт торговли в Урумчи не оправдал ожиданий казахов. Они заявили воинскому начальнику Цэбдэнжабу, что не станут ездить торговать в Урумчи, если не будут повышены цены на скот. Эта угроза не изменила позиции Пекина. «Казахи — небольшое племя... — говорилось в указе от 7 сентября 1759 г. — Если, как они просят, больше давать [им] вещей, то день спустя беспрерывно станут домогаться. Где остановятся [в своих домогательствах]? Такое правило никак не годится». Чиновникам, ведавшим торговлей с казахами, надлежало сказать им в случае нареканий с их стороны: «Если вы не желаете торговать, поступайте, как вам удобно». [106, т. 593, л. 1б — 2а].

«Берите за свой скот сколько и что дают, а не угодно — можете не приезжать» — такова была, говоря иными словами, позиция цинского правительства в отношении принципа расчетов при торговле с казахами. При этом, как видим, оно руководствовалось двоякого рода соображениями политического и экономического порядка.

Поскольку казахи были лишь «небольшим племенем», полагали в Пекине, то и не стоило с ними как-то особо считаться. С другой стороны, цинский двор придерживался распространенного принципа коммерции — «продать подороже — купить подешевле».

Вопрос о ценах на обмениваемый скот казахские владельцы ставили не только перед администрацией Синьцзяна, но и непосредственно перед императором. Но с тем же успехом. Так, после прибытия в Китай казахских послов Кутубая и Аталая цинский двор адресовал направившим их владельцам послание (датировано 9 июня 1760 г.). В нем правительство разъясняло свою позицию в отношении цен при расчетах с казахами. Цены, говорилось в послании, сами люди устанавливают сообразно товару и обстановке. Правительству трудно пойти на то, чтобы его чиновники определяли цены. «Возможно это для обеих сторон нежелательно. К тому же трудно и тех и других принуждать» [106, т. 613]. Иными словами, Пекин, скрывая тот факт, что с казахами ведут обмен его чиновники, подтвердил нежелание повысить закупочные цены на казахский скот.

Цинское правительство, поручая властям на местах внушить казахам, что оно не столь уж заинтересовано в торговле, в действительности

весьма нуждалось в ней. Двор требовал, чтобы его без промедлений информировали о ходе торгова и об отъездах казахов.

Игнорировать полностью нарекания казахов цинское правительство, заинтересованное в получении казахского скота, все же не смогло. Изготовление тканей для обмена на казахский скот поручили суперинтенданту императорских мануфактур в провинциях Цзянсу и Чжэцзян [106, т. 594, л. 5б]. Кроме того, интендантство обязали обратить особое внимание на качество и отделку тканей, поставляемых для обмена казахам [106, т. 594, л. 13б]. Из каждой партии тканей, поступившей для обмена, по одному куску каждого сорта надлежало отправить на экспертизу в столицу. В указе от 16 мая 1760 г. обращалось внимание на необходимость изготовлять куски материи определенной величины [106, т. 610, л. 2б].

Цинское правительство с целью форсировать обмен с казахами неоднократно возвращалось к вопросу о качестве тканей. Управляющим императорскими мануфактурами — чжицзао — специально предписывалось: «Тщательно отбирать материал, обратить особое внимание на изготовление» [106, т. 775]. Одновременно властям, ответственным за транспортировку тканей в Джунгарию, надлежало проверить каждый кусок тканей и выбраковывать негодные.

Однако указы далеко не всегда достигали цели. В 1767 г. чжицзао Сучжоу и Ханчжоу поставили нестандартные атласы. Как и прежде, кусок ткани стоил 13 лян,* но весил меньше, чем обычно. Тем не менее, правительство санкционировало снижение цен на эти атласные ткани, прежде чем пустить их на обмен казахам.

В определенной мере учитывая запросы казахской знати, цинское правительство требовало от казенных поставщиков изготовления тканей ярких расцветок (указ от 1769 г.).

В рескрипте от 9 сентября 1773 г. особо подчеркивалось: во избежание нареканий со стороны казахов ткани должны быть качественные [106, т. 939]. Сами по себе настроения казахских старшин, торговавших с цинскими властями, интересовали Пекин лишь постольку, поскольку от этого зависел ход выгодного для цинской казны товарообмена. Пекинская администрация в известной степени опасалась, что казахи откажутся брать плохие ткани и под угрозой окажутся поставки лошадей и скота для цинской армии.

С целью изжить случаи халатного отношения местных властей к сохранности перевозимых в Синьцзян тканей, отчего несло ущерб казначейство, 12 октября 1777 г. было принято постановление о том, что чиновники, по чьей вине ткани при перевозке подвергались порче,

* Лян — китайская мера веса, равна 37,301 г.

компенсировали их стоимость за свой счет.

Из приведенных примеров наглядно явствует, насколько Цинский дом был заинтересован в поддержании торговых сношений с казахами. Однако они развивались нерегулярно.

С июня по декабрь 1761 г. обмен с казахами вообще не состоялся из-за их неявки. Причину этого богдыхан объяснил стремлением казахов «алкать прибыли» [106, т. 649]. Судя по всему, казахи не желали отдавать скот по цене, предложенной китайскими властями. Столкнувшись с таким фактом и имея в виду нежелательные последствия экономического и политического порядка, цинское правительство со всякого рода оговорами отказалось от своих прежних указаний о невозможности повысить закупочные цены на казахский скот. В указе от 11 декабря 1761 г. говорилось: «Сейчас... надлежит с особым вниманием вникнуть [в состояние дел]. Отнюдь нельзя скупостью отвечать, так как [иначе] воспрепятствуем искреннему [стремлению казахов] быть нам покорными. Также нельзя и расточительствовать, так как раскроем [свое] горячее желание [вести обмен]. Короче говоря, во внутренних территориях страны товаров в избытке, а в пограничном районе лошади очень нужны. Беспольное для цивилизации (т. е. для Китая.— В. К.) сделать полезным — нет ничего лучше этого» [106, т. 649].

Таким образом, через торговлю с казахами цинское правительство рассчитывало разрешить двойного рода задачу политического и экономического порядка. Во-первых, привлечь на свою сторону казахских владетелей. Во-вторых, обеспечить рынок сбыта для товаров, не находящих спроса в собственно Китае, и за счет этого покрыть потребность в лошадях. А они были очень нужны в Синьцзяне.

Интерес цинской администрации к казахским лошадям объяснялся в первую очередь их относительной дешевизной. По данным на 1761 г., бык и осел, закупленные на внутреннем рынке, по стоимости соответственно приравнивались лошади и двум лошадям, приобретенным у казахов [106, т. 633]. Поэтому указом от 1 мая 1761 г. предписывалось местным властям прекратить закупки тяглового скота в провинциях Шэньсу, Ганьсу, Хами, Баркуле для пахотных поселений Джунгарии. Таким образом, обмен с казахами двор возводит в одно из основных условий освоения завоеванных им земель.

Взяв в свои руки монополию на торговлю с казахами, цинские власти стремились ограничить этот обмен в основном территорией Джунгарии и держать его под своим началом.

Развертывание казахами торговли в империи за пределами Джунгарии цинская администрация рассматривала как угрозу удовлетворению казенных нужд пограничной окраины,

которая прикрывала западные рубежи империи, а размещенные там воинские силы призваны были служить сдерживающим началом для монгольских племен и уйгуров Восточного Туркестана.

Казахские же владетели пытались наладить обмен вне Джунгарии — в Монголии и Восточном Туркестане. Решающим был расчет, минуя власти, более выгодно сбыть скот. В свою очередь, это грозило подорвать основу казенной монополии. Предвосхищая такую нежелательную перспективу, синьцзянский правитель Агуй указывал: «Если бы [казахи] вели обмен с торговцами Северной дороги, тогда в Или, Урумчи и других местах трудно [будет] получать лошадей. Нужно [торговлю казахов] заблаговременно ограничить» [106, т. 641]. Мнение Агуя двор одобрил указом от 23 августа 1761 г. Одновременно улясунскому военному губернатору Цэньгуньчабу предписывалось обеспечить запрет торговать с казахами в подведомственном ему крае. «Хотя бы даже казахи со скотом прибыли, — гласил указ, — старшему караула надлежит объявить им, что в данной местности очень богатые [скотом] кочевья, надобности нет вести [с вами] обмен.

Изгнать их, чтобы повернули обратно» [106, т. 641].

Примерно на год-два раньше, чем в Восточном Туркестане, казахские владетели пытались торговать в Монголии. Они использовали отставку посольств ко двору для торговли на территории Северной Монголии, рассчитывая здесь сбывать лошадей с большей прибылью, нежели в Или. Летом 1762 г. послы Аблая намеревались продать в Кобдо лошадей, но улясунский военный губернатор Цэньгуньчаб запретил распродажу. В Пекине, однако, рассудили иначе. Прямой запрет казахам сбыть копей в Улясутае давал лишний повод казахским владетелям для недовольства. Гнать обратно лошадей из Кобдо в Или казахам было бы несподручно. Поэтому следует, инструктировал цинский двор Цэньгуньчаба, «заставить их (казахов.— В. К.) искренне просить уменьшить цены [на своих лошадей], тогда в Улясутае в интендантстве среди атласов и других товаров ещё имеются такие, что заготовлены в годы Юн Чжэнь (1723—1735). Вместо того, чтобы гнили, обменять на коней» [106, т. 662]. В случае, если бы казахи стали выражать недовольство, что «цены товаров выше, чем в Или», им надлежало объявить, что здешние цены «нельзя приравнивать к [тем, что в Или]» [106, т. 662].

Не запрещая прямо торговать казахам в Улясутае, правительство намеревалось отбить у них охоту приводить сюда свои табуны, чтобы не подрывать казенный торг в Или. Казахы, «не имея подходящих видов на прибыль в Улясутае, естественно, сосредоточат свои помыслы на Или», — разъяснял указ от 30 июля 1762 г. [106, т. 662].

За счет обмена с казахами цинская администрация не только покрывала казенные потребности в лошадях в Джунгарии (снабжала местные гарнизоны, комплектовала казенные табуны и обеспечивала тяглом хозяйства поселенцев), но и имела возможность поставлять коней войскам, расквартированным в Восточном Туркестане. Поэтому указом от 20 июня 1763 г. кашгарским властям предписывалось прекратить закупку коней на месте [106, т. 686, л. 56].

Более того, лошади, приобретенные у казахов в Джунгарии, отправлялись в районы собственно Китая, в частности в провинции Шэньси и Ганьсу. В решении от 28 февраля 1763 г. члены Военного совета специально акцентировали внимание на том, чтобы «при обмене с казахами сделать главным воспроизводство конского поголовья. Когда в Синьцзяне [лошадей будет] в избытке, отправлять их на пополнение казенных табунов во внутренние территории страны» [106, т. 679].

В 1769 г. цинский двор распорядился, чтобы пополнение поголовья для армии, находящейся в Монголии, производилось за счет приобретенных у казахов лошадей [112, т. 70, л. 26].

Главная причина решения цинского правительства поставлять лошадей из Джунгарии гарнизонам в Восточном Туркестане и в провинциях собственно Китая заключалась в дешевизне казахских коней. Если в 1763 г. в Кашгаре покупка одной лошади местной администрацией обходилась в 10 лян серебра, то примерно в то же время в Джунгарии конь, вымененный у казахов, стоил всего 2—3 лян [48, с. 142]. В среднем приобретение лошади у казахов обходилось в 4 лян 1 цзянь* с лишним [106, т. 793]. Учитывая, что казна отпускала на закупку лошадей по 8 лян на голову, то на каждой приобретенной у казахов лошади она экономила более 3 лян 8 цзяней [106, т. 793]. Таким образом, пекинской казне был полный смысл отправлять казахских коней из Джунгарии в Восточный Туркестан и в сопредельные провинции собственно Китая.

В связи с этим понятно стремление цинских властей монополизировать обмен с казахами и искусственно ограничить его в основном территорией Джунгарии, где к концу 60-х годов XVIII в. главным центром китайско-казахской торговли становится Или. Пекинская администрация решительно пресекала попытки казахов найти иные пути для сбыта своего скота, помимо тех, что открывала она сама.

Поскольку торг в Северной Монголии оказался не более выгоден, чем в Джунгарии, казахские владельцы пытались освоить рынок Восточного Туркестана. Первая попытка имела место в 1763 г., когда казахи приезжали торговать в Уч-Турфан, Яркенд, Кашгар.

Но поощрять такую практику в дальнейшем цинское правительство отнюдь не намеревалось по соображениям экономического и политического порядка. Открыть доступ казахам на рынки Восточного Туркестана значило нанести удар по торговле с ними в Джунгарии. В связи с приездом казахов в Кашгар в указе отмечалось: «[Если] сношения [казахов с туркестанцами] продолжатся, не только в Или и других местах торговля весьма уменьшится, опасаясь также, что возникнут инциденты» [106, т. 692]. Говоря о возможности возникновения беспорядков, цинский двор опасался контактов местного уйгурского населения с казахами, усматривая в этом угрозу своему господству в крае.

Прямой запрет казахам торговать в Кашгарии, понятно, не мог улучшить их отношения к цинскому правительству. Последнее, создавая это, решило пресечь торговлю казахов в Восточном Туркестане иным путем, а именно вести торг на еще более жестких условиях, чем в Или. В указе от 14 сентября 1763 г. говорилось: «Поскольку в этот раз уже разрешили им торговать, в будущем они (люди Аблая.— В. К.) снова приедут. [Надлежит] запретить [им] в частном порядке торговать с туркестанцами. Однако, следуя [практике] казенных закупок, по сравнению с Или и другими местами цены [на казахских лошадей и скот] уменьшить. Нельзя, чтобы хоть немного получили выгоду. Раз они пожелают увести [свой скот] обратно, пусть поступают, как им угодно» [107, т. 692]. Все это предназначалось не для ушей Аблая. Его же посланцам надлежало объявить: «Так как прежде вы вовсе не торговали на территории туркестанцев, к тому же здесь нет необходимости закупать много лошадей, [а] что касается скота, то естественно имеются торговцы из Бадахшана, Андижана, местностей бурутов [которые доставляют его, поэтому] вам не нужно приезжать» [106, т. 692].

Натолкнувшись на противодействие цинских властей торговле на территории Восточного Туркестана, казахские владельцы находят иной путь доставлять для продажи в Кашгарию свой скот. Казахы приезжают в кашгарские города вместе со среднеазиатскими торговцами и местными уйгурами, закупавшими скот извне. Так, в начале 1767 г. уч-турфанский начальник Юнгуй докладывал трону о приезде в Уч-Турфан группы купцов из Средней Азии. Вместе с ними приехали и казахи, пригнав для продажи скот и лошадей. Юнгуй приказал скупить их «по низкой цене» и выпроводить казахов.

Одобрив действия Юнгуя, Хун Ли начертал (указ от 27 марта 1776 г.): «Ником образом нельзя позволять, чтобы туркестанцы с казахами, сталкиваясь, добивались выгоды, в результате чего возникает помеха [удовлетворению] казенных нужд в Или» [48, с. 143].

Помеха в действительности уже возникла еще до выхода настоящего указа. Казахы, ми-

* Цзянь — китайская мера веса, равна 3,7301 г.

нуя синьцзянскую администрацию, стали обывать скот уйгурским торговцам, приезжавшим в Казахстан из Кашгарии. Поскольку такая торговля была гораздо выгоднее, чем с властями Джунгарии, казахи резко сократили обмен с ними. Чтобы выправить положение, исполнивший обязанности синьцзянского наместника Агуй 17 июля 1767 г. определил следующие правила торговли в Синьцзяне: уйгуры Восточного Туркестана торгуют с киргизами и купцами среднеазиатских владений, казахи же ведут обмен с казной в Или и Тарбагатае. Доступ казахам в Кашгарию воспрещается, а для уйгуров самовольный отъезд в казахские кочевья с целью обмена влечет за собой конфискацию половины имущества [48, с. 143—144].

Установив монополию на обмен с казахами, цинская администрация всемерно стремилась упрочить ее. Этой цели служила и система строжайших регламентаций, которые распространялись не только на казахов, но и на солдат и офицеров регулярных и иррегулярных войск. Так, военнослужащие гарнизонов, расквартированных в Джунгарии, не имели права по собственному почину покупать у казахов коней. Указом от 3 февраля 1766 г. предписывалось со всей строгостью наказывать тех солдат и офицеров, которые в обход интендантских чиновников выменивали скот у казахов. В обоснование этого запрета приводились следующие доводы: «Если позволить офицерам и солдатам в частном порядке выменивать [лошадей], то опасаемся, что возникнут нежелательные явления, когда воруют. Притом при частных закупках цены [на лошадей] низкие, [а] когда казна закупает — высокие» [106, т. 751]. Действительно, нередко случалось, что цинские офицеры и солдаты обманывали казахов при расчетах, платили меньше, чем причиталось, а то и вообще забирали скот бесплатно. Все это вызывало нарекания со стороны казахов в адрес цинской администрации, что было отнюдь не безразлично центральному правительству. Помимо соображений престижа немаловажную роль играло и то обстоятельство, что широкая практика частных закупок могла подорвать казенную монополию.

Заверения же о том, что казна закупала скот по более высоким ценам, нежели частные лица, принимать всерьез не стоит: в решении Военного совета от 1783 г. покупка цинскими солдатами на серебро лошадей и баранов у казахов именуется «злоупотреблением», ибо «вызывает рост цен». [106, т. 1187]. Не случайно казахи пытались сбывать своих лошадей и скот, минуя цинскую администрацию. Китайские власти не только сами устанавливали цены, но и принуждали казахов брать ненужные им товары. Это признавал и император: «Возможно то, что предпринимают чиновники, ведающие обменом, чрезмерно. Все [это]

неизбежно. Например, [когда] казахи променивают лошадей, многие желают [получить] кумач, а чиновник, управляющий торговлей, постоянно дает им ткани другого цвета. Это значит, что принуждают их [брать] то, чего они не хотят» [106, т. 751].

Однако запрета торговать с казахами в частном порядке оказалось мало. В 1779 г. вышел указ, грозивший строгим наказанием подданным империи за тайные покупки у казахов лошадей и скота [106, т. 1075]. Это постановление, очевидно, не достигло цели. В 1794 г. Пекин издал предписание, чтобы казахи, частным образом продающие баранов подданным империи, немедленно изгонялись за кордон и лишались выручки. Последняя передавалась доносчику или в казну [106, т. 1460]. Такая практика на деле открывала китайскому чиновничеству широкие возможности для злоупотреблений и личного обогащения за счет казахов.

Среди ряда ограничений, которым подвергалась торговля казахов, особо следует указать на запрет брать у них в обмен что-либо, кроме скота. На этот счет 13 августа 1768 г. вышел специальный указ. Дело в том, что торговать русским в Синьцзяне Пекин запретил. Но несмотря на запрет, русские товары проникали в Синьцзян. Посредниками сибирских купцов выступали казахи. Указ 1768 г. не поправил дела: вопреки объявленному запрету казахи продолжали привозить русские товары. 7 октября 1790 г. указом богдыхана вновь подтверждался запрет привозить в Синьцзян русские изделия [48, с. 145].

Из товаров, которые не разрешалось променивать казахам, на первом месте стояли металлические изделия. Прежде всего, это объяснялось боязнью, что металл мог пойти на выделку оружия. Играла роль, очевидно, и нехватка металлических изделий в самой Джунгарии. В указе от 1793 г. о снятии запрета на ввоз металлических изделий в Синьцзян из собственно Китая специально оговаривалось, что нельзя продавать металлические изделия казахам и другим внешним иноподданам [48, с. 145]. В этой связи следует особо отметить, что на русской территории, в частности в Оренбурге, в отличие от торга в Или и Урумчи казахи могли беспрепятственно приобретать металлические изделия [5, с. 25; 3, с. 278]. Действия же цинских властей способствовали тому, что торговля на территории Цинской империи теряла для казахов свою первоначальную притягательность.

По данным, относящимся к концу XVIII в., с Китаем торговали 15 отделений трех казахских родов с общей численностью 105 тыс. семей [35, с. 53]. В то же время с Россией вели торговлю казахи 220 отделений 40 родов с общей численностью до 300 тыс. семей [35, с. 47].

В 60-х годах XVIII в. казахские владельцы, поддерживавшие сношения с Цинским домом,

ходатайствуют перед правительством России о разрешении торговать в крепостях Иртышской линии. Удовлетворяя этим пожеланиям, русская администрация открывает меновые дворы для торговли с казахами в Семипалатинской,

Усть-Каменогорской и Железинской крепостях [72, с. 160]. Дальнейшее развитие русско-казахской торговли неминуемо вело к падению объема товарообмена казахов на территории Цинской империи.

ЗАВОЕВАНИЕ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА И ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С КИРГИЗСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Ликвидировав Джунгарское ханство, Хун Ли решил прибрать к рукам Восточный Туркестан, ранее находившийся в вассальной зависимости от джунгарских ханов. «Обоснованием» таких поползновений послужило лишь то, что цинский император считал себя «законным восприемником» их наследия. В представлении пекинского двора покорение Восточного Туркестана облегчалось тем, что ходжи Бурхан ад-Дин и Ходжа-Джихан — потомки ранее правившей в Восточном Туркестане династии — были освобождены из джунгарского плена цинскими войсками и, таким образом, могли быть использованы в деле подчинения Восточного Туркестана империей Цин. Однако оба ходжи не оправдали этих расчетов Пекина и провозгласили создание в Восточном Туркестане независимого государства. Китайский император решил тогда (указ от 13 марта 1757 г.) силой аннексировать Восточный Туркестан (Кашгарию).

Если в войне империи Цин с Джунгарским ханством третьей силой являлись казахи, то в кампании против Восточного Туркестана — киргизы. Правда, вопрос о них рассматривался еще во время войны цинских войск против джунгарского хана Дабачи. Цинское командование первоначально полагало, что хан бежал к киргизам. К ним намечалось послать офицеров гвардии и ойратских старшин с целью добиться выдачи Дабачи [117, т. 4, л. 3а]. Но потом оказалось, что он укрылся в Кашгарии.

После уничтожения ойратских повстанцев в Сарыбеле, докладывал в свое время князь Цэньгуньжаб, он намеревался отправиться «наводить порядок» в Восточном Туркестане, а по пути ему «придется пройти» через киргизские кочевья. Поэтому нужно загодя объявить киргизам, подчеркивал Цэньгуньжаб, чтобы схватили и выдали Ходжу-Джихана, если он у них объявится.

«Цэньгуньжаб правильно думает», — отзывался на это Хун Ли. Киргизы, продолжал он, возможно, не знают, почему мы воюем и, вероятно, помогают Ходже-Джихану. Нужно поэтому разъяснить киргизам состояние дел, подчеркнув, что Ходжа-Джихан — «бунтовщик». За поимку его богдыхан щедро наградит.

Несколько позднее Хун Ли вновь вернулся к вопросу о киргизах. Он распорядился передать киргизским старшинам и простому люду специальный манифест (февраль 1758 г.). Вкратце его содержание сводилось к следующему. Цинская империя предприняла поход в Джунгарию, «чтобы принести мир ойратам», страдавшим от междоусобиц. Однако джунгары, послушавшись Амурсану, взбунтовались. Сам Амурсана бежал к казахам. Там его преследовали цинские войска. Аблай пытался оказать им сопротивление, но потерпел поражение. Раскаявшись, он направил посла с изъявлением покорности и хотел поймать Амурсану. Тот бежал в Россию, где и умер от оспы. Проступки же джунгар столь тяжелы, что ничего не остается, как только истреблять их, «чтобы водворить спокойствие в пограничной окраине».

Поскольку теперь весь джунгарский удел покорен, гласил манифест, киргизская территория соприкасается с рубежами империи. Как сложатся отношения с ней киргизов, зависит от них самих. Если по примеру казахов они изъявят покорность, им будет позволено жить по-прежнему, их не заставят сменить одежду, платить дань и подати, не пожалуют цинские чиновные звания. Приезжающих же в Пекин послов будут щедро награждать. «Если не хотите изъявить покорности, то это дело ваше», — писал Хун Ли. — Нужно лишь держаться своих границ. В случае перекочевков в пределы империи, совершения грабежей, войска вас покарают» [146, т. 49, л. 26а—26б].

Командующему Чжао Хуэю при продвижении через киргизские кочевья надлежало действовать соответственно обстановке: или «облакивая», или показывая военную мощь [146, т. 55, л. 28а].

При цинском дворе сознавали, что лояльность киргизов — дело проблематичное. Кроме того, перспектива занятия киргизами свободных земель в Илийском крае отнюдь не исключалась богдыханом, в связи с чем он и высказался за принятие соответствующих «предупредительных» мер при таком обороте дела [146, т. 53, л. 126].

Первые контакты цинских войск с так называемыми «восточными» киргизами состоялись при следующих обстоятельствах. В мае 1758 г., разыскивая отряд Хазык-Шары, одного из неподчинившихся ойратских предводителей, армия цзянцзюня Чжао Хуэя шла на запад. Поиски непокорного Хазык-Шары, очевидно, были лишь поводом для цинского командования попытаться так или иначе закрепить за империей «наследие джунгарских ханов» во всем его объеме. И, предпринимая экспедицию в киргизские кочевья, Чжао Хуэй, несомненно, действовал с ведома и благословления цинского двора. Дозорный отряд Чжао Хуэя напал на группу киргизов и захватил табун лошадей. Тогда киргизы открыли стрельбу, пытались отбить табун. В завязавшей перестрелке солдаты убили и ранили несколько киргизов [146, т. 56, л. 8а]. Так ознаменовалась «встреча» киргизов с представителями Цинской империи. После окончания перестрелки к цинскому военачальнику явились бий киргизов-саяков Турчибай и сарыбагышский бий Оку.

Чжао Хуэй первым делом попытался склонить упомянутых старшин на свою сторону. «Цинская армия благоволит к послушным и истребляет непокорных, — внушал командующий, — в чем убедились казахи и джунгары. Из их вожakov пока не пойманы только Букучаган и Хазык-Шары. Если они окажутся в киргизских кочевьях, их надлежит поймать и выдать». На то киргизы отвечали, что ни Букучагана, ни Хазык-Шары у них не было.

В настоящее время, как разъяснял киргизским биям Чжао Хуэй, цинские войска двинулись на Восточный Туркестан. Солдат, коней и провианта у нас в избытке, внушал командующий, от киргизов в этом смысле помощь не нужна. Нужно только дать проводников, которые знают дорогу и которое бы провели к иноплеменным киргизам.

Турчибаю зачит манифест богдыхана, адресованный киргизским старшинам, после чего Чжао Хуэй добился от бия согласия помочь обнародовать этот указ у других киргизов. Чтобы сделать Турчибая податливым, цинский командующий пустил в ход и угрозы, и подарки. Так, Чжао Хуэй распорядился продемонстрировать киргизскому предводителю и его людям военное мастерство своих конников, а в подарок киргизские старшины получили шелка и лисовой табак.

После приема у Чжао Хуэя Турчибай в сопровождении офицеров Урдэна и Толунтая отправился к киргизам с целью убедить их быть лояльными по отношению к Цинской империи. Не надеясь на самого Турчибая, Чжао Хуэй оставил в заложниках его сыновей и младшего брата [146, т. 56, л. 11а].

Уведомление Чжао Хуэя о контактах с Турчибаем и Оку в Пекине восприняли с большим интересом. Как раз в это время попытка цин-

ских экспедиционных сил под командованием Ярхашаня овладеть Кучой закончилась провалом. Быстрое прибытие соединения Чжао Хуэя под стены Кучи было жизненно важно для Ярхашаня. Однако в Пекине опасались, что контакты с Турчибаем и Оку не решают дела. Прочие киргизские старшины после ухода цинских войск из их кочевий могли начать враждебные действия против империи [146, т. 56, л. 126]. Таким образом, первые контакты с киргизами не избавили цинский двор от сомнений относительно их подлинных намерений.

Воссоздать полную картину того, как на деле происходили встречи посланцев цинского командования с киргизами, не представляется возможным из-за отсутствия письменных свидетельств с обеих сторон. Судя же по рапортам цинских эмиссаров, особого радушия со стороны киргизов они не встречали. Так, в докладной в Пекин о первой встрече шивэя Урдэна с сарыбагышским представителем Черикчи не сообщается никаких подробностей. И только уже на второй день пребывания у Черикчи Урдэна смог огласить здесь манифест [146, т. 58, л. 146]. Неизвестно, какое воздействие он оказал на Черикчи, но так или иначе цинский посланец сумел заполучить от бия 100 быков и баранов и добиться согласия Черикчи не только увидеться с командующим, но и отправиться в Пекин [146, т. 58, л. 146].

Во время переговоров Чжао Хуэя с Черикчи каждый из них пытался добиться своего. Командующий, акцентируя то обстоятельство, что казахи уже «изъявили покорность» империи Цин, настаивал, чтобы киргизы схватили и выдали ойратских и кашгарских вожakov, если они объявятся в их кочевьях. За это, прельщал Чжао Хуэй, будет награда. Киргизы клялись в лояльности, но конкретных обязательств не брали [146, т. 58, л. 15а]. Зато Черикчи и другие старшины зондировали, как прореагирует цинский командующий на занятие киргизами прежних кочевий, которых их некогда лишили ойраты [146, т. 58, л. 15б].

Ответ Чжао Хуэя свелся к следующему. Ойраты действительно некогда согнали киргизов с их кочевий, и тем пришлось переместиться в Андижан. Однако для занятия новых кочевий киргизам, если им не хватает земли, нужно дожидаться разрешения богдыхана. Поскольку его войска уничтожили джунгар, разъяснял командующий, то там, где они кочевали, должны быть поставлены китайские караулы. Поэтому киргизам на оставшиеся от джунгар земли самовольно переселяться нельзя. И в качестве наиболее вразумительного аргумента Чжао Хуэй пригрозил, сказав, что в Илийском крае размещена большая армия [146, т. 58, л. 15б—16а].

Таким образом, Цинская империя и перед киргизами выставляет себя собственником всех земель, ранее подвластных Джунгарскому хан-

ству. По существу правители Китая пытались закрепить за собой новую территорию, которой они фактически не владели.

Не удовлетворившись формальным изъявлением покорности Черикчи и иже с ним, Чжао Хуэй стал спрашивать, кто конкретно поедет в столицу империи [146, т. 58, л. 16а]. Ему ответили, что из-за преклонного возраста (90 с лишним лет) и физической немочи Мамуткула, верховного бия сарыбагышей и саяков, ко двору богдыхана отправятся Черикчи, Турчибай и Ниша. Контролировать сборы Черикчи в столицу Чжао Хуэй потом специально отрядил шивзэ Дасана [146, т. 58, л. 16б].

Чжао Хуэй не упустил возможности продемонстрировать киргизам могущество цинской армии. После обеда в честь киргизских старшин он устроил показательные учения.

Шивзэ Урдэна побывал и у Мамуткула, который, как и Черикчи, заверил в отсутствии у него враждебных намерений к империи Цин, а в подтверждение этого согласился послать в Пекин своего младшего брата Шербек [146, т. 58, л. 32б].

В столице империи решили оказать соответствующий прием киргизским послам. Властям Баркуля, Сучжоу и других городов было приказано принимать их с любезностями и одарять, «чтобы показать глубокую любовь и милосердие» [146, т. 58, л. 34а]. Само собой разумеется, что за этими фразами целенаправленного лицемерия крылось стремление создать у киргизских послов представление о богдыхане как о великодушном и гуманном правителе. В действительности же в придворных кругах Пекина, не исключая и самого богдыхана, на киргизов, как и на прочих иноземцев, смотрели как на «дикарей», наделенных при этом низменными душевными свойствами.

Следом за Урдэна дал о себе знать и шивзэ Толунтай, уехавший к старшинам таласских киргизов. По его словам, он заручился лояльностью предводителя киргизов-кушчи Майтака и старшины киргизов-кытай Кара-бота. В подтверждение своих заверений киргизские старшины послали в ставку цинских войск своих родственников: Майтак — младшего брата Шуккура, а Кара-бота — племянника Хабици. Явившись к Чжао Хуэю, оба заявили о желании побывать при дворе богдыхана. Просьбу их удовлетворили [146, т. 59, л. 12а—12б].

Цинские военачальники затем заставили Майтака дать проводников офицерам Идамчабу и Линьбао, чтобы проехать к старшинам киргизов-саруу Акбаю и Айдар-беку. Идамчаб и Линьбао вернулись от них с сыном Акбая Бореке и младшим братом Айдар-бека Ноци. Они согласились поехать ко двору богдыхана вместе с близкими Майтака [146, т. 60, л. 35б].

Таким образом, во второй половине 1758 г. цинское командование в результате военных

экспедиций установило контакты со старшинами «восточных» киргизов (саяк, сарыбагыш, кытай, саруу, кушчи), после чего они уже направляют своих послов к цинскому двору.

В 1758 г. к цинскому двору приехали первые киргизские послы — Ниша, Черикчи и бий чагыр-саяков Тореке [18, т. 12], следом за ними — родственник Мамуткула Шербек [130, с. 168].

Приезд названных киргизских старшин цинский двор использовал для официального причисления киргизов-саяков, чагыр-саяков и сарыбагышей к «иноземным вассалам» Китая. Подтверждением чего должны были служить носимые на шапке шарики и перья (т. е. знаки достоинства цинских чиновников), врученные Нише, Черикчи и Тореке.

Но этим цинский двор отнюдь не ограничился. Он пытался использовать приезд киргизских послов для того, чтобы удержать посланных их старшин от занятия джунгарских земель и заручиться содействием в поимке не сдавшихся ойратских повстанцев. Узнав, что киргизы осваивают район Иссык-куля, цинское правительство стало оспаривать правомочность этих действий. «Хотя [район Иссык-куля] и является вашим прежним кочевьем, однако давно уже был захвачен джунгарами. Разве можно по-прежнему считать вашей землей?» — гласил указ [146, т. 62, л. 25б]. Однако тогда Пекин не стал обескураживать киргизов прямым отказом признать за ними район Иссык-куля: их лояльность нужна была для быстреего завоевания Восточного Туркестана. Поэтому, поставив под сомнение права киргизов на Иссык-куль, Хун Ли тут же сделал «великодушный» жест, пообещав киргизским послам отдать их соплеменникам участки, сопредельные с нынешними кочевьями. Но указ об этом будет тогда, уточнил богдыхан, когда чиновники «сообщат результаты обследования новых рубежей империи» [146, т. 62, л. 25б—26а].

Что касается ойратских повстанцев, то Шербеку было сказано, чтобы он выдал Хазык-Шары, если тот у него объявится [130, с. 168].

Уже непосредственно в ходе завоевания Восточного Туркестана цинские военные власти вступили в контакты и с так называемыми «западными» киргизами.

В июне 1758 г. цинская армия, выступив из Турфана, атаковала Кучу. Началась завоевательная война в Восточном Туркестане.

С самого начала военных действий цинское командование стремилось заполучать информацию об отношениях между киргизскими старшинами и ходжами. Как показали пленные, братья-ходжи убили одного из кашгарских правителей Икэ-ходжу. Сын его бежал к киргизам. Об этом обстоятельстве командующий экспедиционными силами Ярхашань незамедлительно сообщил в Пекин. Там высказали предположение о неладах между киргизами

и братьями-ходжами (указ от 24 июля 1758 г.), которые цинский двор не прочь был использовать. Поэтому Чжао Хуэю рекомендовалось заручиться поддержкой киргизов, обещая им в награду пленных кашгарцев [146, т. 57, л. 8а].

В поябре 1758 г. войска Чжао Хуэя, осаждавшие Яркенд, были окружены ополчением Ходжа-Джихана. С прибытием к последнему подкрепления из Кашгара для цинской армии дело приняло угрожающий оборот. В эту критическую минуту цинское командование обратилось за помощью к окрестным киргизам. К ним отправился шивэй Бучжаньтай. Его задачей было убедить киргизов атаковать Кашгар. Но миссия Бучжаньтая оказалась безрезультатной.

Однако позднее, уже готовясь к решительному наступлению против ходжей, цинское командование рассчитывало пополнить свои войска за счет киргизов. Вновь к ним едет уже упоминавшийся шивэй Бучжаньтай. У киргизов в Атбаши он узнал, что сюда приезжал посланец Ходжа-Джихана, прося помощи. Бучжаньтай завел речь с Чилимбетом, сыном Черикчи, о поимке этого посланца и о посылке людей на помощь цинской армии. На все это Чилимбет ответил, что посланец ходжи уже уехал и где искать его, неизвестно, а людей сейчас в аилах мало, они заняты пастьбой, так что посылать кого-нибудь трудно. К тому же этими кочевьями ведаёт Минилеха. Сам Чилимбет готов поехать к Мамуткулу, чтобы тот распорядился, да вот из-за глубоких снегов к нему не проехать [146, т. 67, л. 16а].

Провал миссии Бучжаньтая не обескуражил цинский двор. Он распорядился передать Черикчи следующее. В случае бегства в его кочевья Ходжа-Джихана надо, чтобы Черикчи схватил ходжу или помог цинским войскам в его поимке. Заручиться содействием Черикчи, указывал богдыхан, надлежало любым путем: запугивать его военной мощью империи, сулить богатую добычу в виде пленных, прельщать возможностью свести счеты с «давним врагом» [146, т. 67, л. 16б].

Черикчи, представившись ко двору, уже отбыл из Пекина. Поэтому в Баркуле чиновнику Цин Фу было приказано передать Черикчи решение императора и срочно доложить в Пекин о том, что ответит Черикчи.

Указ, предназначенный для Черикчи, Хун Ли пополнил новыми требованиями. Речь шла уже не только о ходжах. В Пекине стало известно, что непокорный ойратский зайсан Хазык-Шары якобы укрывается в кочевьях саяков и сарыбагышей. Хун Ли требовал от Черикчи, чтобы тот обеспечил поимку и выдачу зайсана, обещая его людей оставить киргизам в качестве военной добычи. В случае промедления богдыхан грозил послать войска [146, т. 67, л. 24б]. Впрочем, сам он, очевидно, не очень верил в действенность своих предписаний. О пове-

дении киргизов он отзывался так: если увидят дееспособность цинской армии, тогда будут помогать, в противном случае станут выжидать.

Объяснение с возвращавшимся домой Черикчи завершилось для цинских властей весьма скромными результатами. «Хазык-Шары в моих кочевьях, — сказал Черикчи, — раньше не было. Может быть, сейчас там укрывается.» Однако намерения ловить Хазык-Шары бий не проявил. Братьев-ходжей Черикчи обещал выдать, если они объявятся в его владениях.

Несмотря на неудачу этих попыток использовать киргизов, цинский двор не оставлял своих планов. Указ от 14 апреля 1759 г. предписывал Чжао Хуэю отправить к киргизам своего представителя и разъяснить им следующее. Цинская армия сейчас форсирует наступление. Киргизские старшины, послав ей в помощь воинов, не только проявят искреннее намерение быть в добрых отношениях с империей, но и могут рассчитывать на получение земельных угодий [146, т. 70, л. 25б]. В случае же их отказа помочь цинским войскам или, более того, их помощи ходжам киргизы должны помнить, что их кочевья недалеко от Кашгара. Последний, как и Яркенд, скоро будет занят цинской армией. Если Ходжа-Джихан укроется в киргизских кочевьях, а киргизы будут наблюдать «сложно руки», это им так не пройдет.

В июле 1759 г. цинские войска по двум направлениям развернули наступление: на Кашгар и на Яркенд. И в том же месяце командование докладывало в Пекин о бегстве братьев-ходжей из названных городов.

Как сообщал в Пекин Чжао Хуэй, после падения Яркенда к нему приезжали киргизы, чтобы заверить его в отсутствии враждебных намерений. В ответ цинский двор дал командующему следующую установку: если среди приезжающих в ставку киргизов есть достойные поощрения, то их награждать; для установления непосредственных контактов с теми или иными старшинами посылать к ним представителей; тех киргизских предводителей, которые пожелают приехать в столицу, отправлять туда [106, т. 593].

Хотя некоторые киргизские владетели заверяли цинских военачальников в том, что не будут мешать их войскам, однако в целом поведение киргизов не давало достаточных оснований уповать на их лояльность. Весьма показательно следующее обстоятельство. Когда братья-ходжи уже оставили Яркенд и Кашгар, а в качестве «хозяев» страны выступало уже цинское воинство, некие киргизы совершили налет на уйгурские селения в окрестности Кашгара. Цинское командование было вынуждено отправить в киргизские кочевья шивэя Чэн Го для оглашения соответствующего манифеста. В нем недвусмысленно говорилось, что, поскольку Яркенд и Кашгар завоеваны цинской армией, подобные вторжения будут рассматри-

ваться как сопротивление войскам империи [128, т. 16, л. 46].

Несмотря на то, что отношения между братьями-ходжами и киргизскими старшинами складывались довольно сложно, последние в ряде случаев весьма сдержанно восприняли появление в Кашгарии цинских войск. Некоторые киргизские бии явно избегали контактов с цинским командованием. Поэтому последнее посылало своих людей для оказания соответствующего воздействия. Так, например, Чжао Хуэй отправил офицера Дакэтана к главе племен адигине и монголдору Хаджибаю, который заверял посланца командующего, что в его кочевьях Ходжа-Джихан еще не появлялся. В ставку Чжао Хуэя Хаджибай направил Сары-Кучука с ответным посланием, где заверял в своей доброжелательности империи Цин [146, т. 78, л. 146; 137, т. 45, л. 36].

Добываясь более конкретных доказательств лояльности, Чжао Хуэй говорил Сары-Кучуку, что если Хаджибай хочет встречи с богдыханом, то пусть хотя сейчас едет в столицу. На худой конец, вместо себя может послать сына или младшего брата.

Пекин проявил большую заинтересованность в упрочении контактов с Хаджибаем. Богдыхан распорядился отправить ему подарки и довести до его сведения, что согласен принимать от него послов. Хун Ли даже предписал передать Хаджибаю, что хочет жить с ним в мире, но чтобы тот в свою очередь тоже «держал своих людей в узде» [146, т. 78, л. 16а—16б]. Заверениями в миролюбии богдыхан рассчитывал рассечь тревоги киргизского предводителя относительно дальнейших намерений цинских завоевателей, но в то же время, опасаясь противодействия киргизов захвату Кашгарии, предостерегал Хаджибая на сей счет.

Тот же Дакэтан встречался также с Худакули, старшим братом черикского старшины Ахмета. Худакули согласился съездить в столицу Китая.

В 1759 г. цинский двор принимал у себя

послов от черика Чормата и адигине Хаджибая [146, т. 87, л. 9а—12а], а также старшин киргизов-чонбыгаш Авала и Манура (Ман[н]ура) [136, т. 12].

Однако эти наезды не облегчили цинскому войску поимку ходжей и их сторонников. Единодушной поддержки от киргизских старшин оно отнюдь не получало. И это не удивительно: цинские войска вели себя как настоящие грабители; практика реквизиции лошадей достигла таких масштабов, что вызвала даже тревогу в Пекине, ибо отношения с киргизами крайне обострились. Последовал указ, запрещающий реквизировать у них лошадей. Разрешалось лишь производить замену: брать у киргизов хороших коней, а взамен отдавать загнанных и увечных [106, т. 592]. Подобная практика вызвала недовольство среди киргизов. Более того, нередко они противодействовали цинским войскам. Попытки командования склонить на свою сторону киргизов племени кипчак оказались безрезультатными. Они, как доносил генерал Фу Дэ, постоянно похищали у цинской армии лошадей и верблюдов, нарушали ее военные перевозки и курьерскую связь. Жестокими расправами китайское командование пыталось сделать киргизов послушными. Фу Дэ послал солдат под началом цзунгуаня Буни расправиться с киргизами Цицунь. Более 30 чел. во главе со старшиной Абасом солдаты Буни обезглавили, захватили их скот и имущество. Эти зверства богдыхан одобрил, начертав: «Предпринятое — весьма правильно». Кроме того, он распорядился наградить Буни и его людей [146, т. 78, л. 10а]. Следом же Фу Дэ доложил в Пекин, что селин Бурха убил 50 киргизов за кражу «казенных лошадей». Ответным указом Бурха был представлен к награде [146, т. 78, л. 30а]. Разумеется, подобные репрессии не способствовали распространению у киргизов симпатий к империи Цин. Несмотря на все усилия, которые предпринимали цинское командование и пекинский двор, им не удалось сделать киргизов активным союзником в войне за овладение Восточным Туркестаном.

ИМПЕРИЯ ЦИН И КИРГИЗЫ ПОСЛЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НАМЕСТНИЧЕСТВА СИНЬЦЗЯН

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ЦИНСКОГО ДВОРА С КИРГИЗСКИМИ СТАРШИНАМИ

Восточный Туркестан, или Кашгария, — недавнее владение правителей-ходжей — вошел в состав империи Цин. Наглядным олицетворением этого явились цинские гарнизоны, размещенные в основных населенных пунктах края. Подавляющую основную массу его коренного населения составляли уйгуры-земледельцы. За естественными границами Восточного Туркестана располагалась киргизская, в основном кочевая, периферия. В политико-административном отношении она отличалась от Восточного Туркестана, не являясь составной частью империи Цин. Внешне это проявлялось в том, что линия постоянных цинских караулов, расположенная на сравнительно небольшом удалении от городов-оазисов Кашгарии, отделяла ее как часть территории, находящейся под реальным военно-административным контролем Цин, от киргизских земель, где правила независимые от цинских властей старшины.

Линия кашгарских караулов (по мере ее формирования и стабилизации) фактически обозначила пределы владений империи Цин, с одной стороны, и киргизов, как ее соседей, — с другой. Именно последних мы и имеем в виду при последующем изложении, когда будем вести речь о политике цинских властей в отношении киргизов.

Итак с рагромом ойратского ханства в Джунгарии и теократического государства ходжей в Восточном Туркестане, территории которых под названием «Синьцзян» вошли в состав Цинской империи, правители ее вступили в непосредственные сношения с киргизскими старшинами. Эти внешнеполитические контакты в соответствии с китайской традицией квалифицировались в Пекине как отношения «сюзерена» (китайского двора) с «вассалами». Формальным основанием для этого служила присылка киргизскими старшинами ко двору императора послов с «данью» (кони, соколы). В действительности же имели место посольские сношения, а в качестве «дани» выступали подарки. За них давались ответные дары. Например, в 1761 г. киргизский владетель Эмур-бий направил в Пекин своих людей и прислал в подарок книжал [106, т. 985, л. 126]. Его заприходовали как «дань».

Помимо подарков богдыхан «жаловал» киргизским старшинам атрибуты чиновных званий (шарик и павлиньи перья на шапку). Почин этой практике был положен, очевидно, в 1758 г.,

когда по прибытии ко двору Нише (солту), Тореке (чагыр-саяк), Шукуру (кушчи), Черикчи (сарыбагыш-буту) дали знаки чиновного достоинства [136, т. 12].

Довольствия от цинского двора киргизы, носители чиновного звания, как правило, не получали. В этом убеждает анализ материалов «Хроники Дайцинской династии», «Уложения палаты финансов», «Высочайше утвержденных актов к своду законов Дайцинской династии» и других публикаций официальных цинских документов. Однако в сношениях с киргизской верхушкой раздаче чиновных званий цинский двор придавал большое значение. Для него этот формальный в сущности акт давал возможность наглядно продемонстрировать свои супрематистские устремления.

Прибытие киргизских послов ко двору богдыхана не только служило для последнего условным свидетельством лояльности киргизских старшин. Цинский двор рассчитывал использовать эти приезды для того, чтобы укрепить свое влияние в киргизских землях. К примеру, в 1763 г. он направил идентичные манифесты адигине Хаджибаю, черикам. Джамалат-бию и Шаджан-бию, приславшим своих людей в Китай. Указав, что они пользуются его милостями (перечислялись подарки), Хун Ли внушал им, чтобы они «блюдали законы, обуздали подчиненных, жили в мире с соседями», а во всех делах неукоснительно руководствовались указаниями кашгарского и яркендского начальства. Только при соблюдении последнего условия можно рассчитывать на благодеяния в будущем [106, т. 678]. Подобного рода директивные сентенции отнюдь не свидетельствовали о какой-то подчиненности киргизских старшин, но выступали как наглядное проявление претензий цинского богдыхана на политическую супрематию.

«Милости», о которых разглагольствовал Хун Ли, на деле сводились лишь к подаркам, обмен которыми был распространенным явлением в практике дипломатических отношений. Повсеместно то или иное посольство, направляемое к тому или иному правителю, доставляло ему дары, и он в свою очередь отдаривал их.

Что же касается самих сентенций богдыхана, в частности насчет необходимости киргизам «жить в мире с соседями», то они преследовали двоякую цель: создать правителю Поднебесной ореол такого миролюбца, который печется и о благополучии соседей империи; удержать киргизов от совершения поступков, которые шли вразрез с интересами империи Цин.

Отношения цинского двора и киргизских старшин не выходили за рамки внешнеполитических контактов двух независимых сторон, но отнюдь не равных по своему могуществу.

Кратко суммируя ход посольских отношений киргизских старшин с цинским двором, отметим следующее. Во-первых, из известных цинским властям 20 киргизских племен только представители 10 приезжали в столицу. Во-вторых, в цинских источниках, оказавшихся доступными автору, после 1763 г. не зафиксировано ни одного прибытия киргизских посольств в Пекин.

Посольские связи между киргизскими старшинами и цинским двором оказались кратковременными. Прекращение их свидетельствовало о провале расчетов Пекина держать киргизов в сфере своего политического влияния. И этот провал особенно убедителен на фоне такого явления, как установление и последующее упрочение внешнеполитических контактов киргизских предводителей с правительством России. В 1784 г. впервые на Сибирскую линию явились киргизские посланцы Абдурахман и Ширгиза, привезшие в дар русской императрице «от главного родоначальника Атки батыря» три барсовые и шесть рысых шкур. Посланцы эти были награждены в Петербурге, а родоначальнику было послано в подарок 800 руб. серебром [76, с. 136].

Синьцзянские власти пытались иметь регулярные контакты с киргизскими правителями. Они пробовали завести такой порядок, чтобы киргизские старшины ежегодно приносили визит наместнику Синьцзяна и управляющему Кашгарией. Для цинских правителей эти наезды киргизских биев являлись своеобразным контролем их намерений; неявка того или иного старшины давала основание заподозрить его, что он неоялен к империи Цин. Процедура встречи бия с властями сопровождалась обменом подарками. От киргизов в качестве подарка («белек») брали лошадей, в ответ давали шелковые ткани. «Белек» не имел определенного размера. Непосредственно в г. Кашгаре, например, поступления от «белека» составляли 30—40 лошадей в год [124, т. 7]. В общей сложности на ответные подарки киргизским старшинам кашгарский правитель ежегодно тратил 20 с лишним кусков шелка [124, т. 7].

Киргизы, размещавшиеся за пределами Синьцзяна, несмотря на поддержание сношений с цинской администрацией, оставались независимыми от империи, не приравнивались к ее подданным, проживавшим в пределах цинского государства. Показательно в этом отношении указание Хун Ли: киргизов нельзя сравнивать с «мусульманами внутренних территорий» [106, т. 1189]. Под последними имелись в виду жители Кашгарии, т. е. фактические подданные империи. Еще одним убедительным свидетельством того, что закордонные киргизы яв-

лялись для цинской администрации неподвластными ей иноземцами, является и такое обстоятельство. Чтобы приехать торговать в Кашгарию, киргизские старшины, даже те, кто имел цинские знаки отличия (как, например, Черикчи), просили выдать им официальное разрешение с печатью [147, т. 11, л. 196].

Наконец, в отличие от уйгурских хаким-беков, подданных империи Цин, которые периодически, через определенный срок, являлись ко двору богдыхана, для киргизских биев как иноземных независимых правителей не существовало регламентации, определявшей сроки их приезда в столицу империи [131, с. 72].

Киргизские старшины сохраняли свободу внешних сношений, за свои поступки не обязаны были отчитываться перед цинскими властями, в прерогативы последних не входило назначать или смещать того или иного бия или старшину — акалакчи. Избрание их происходило согласно киргизским обычаям, без вмешательства цинской администрации. Можно привести хотя бы такой пример: в 1783 г. умер чонбагышский бий Авал, имевший шарик и перо 3-го класса, его сын Бошкой, по обычному праву киргизов, стал бием. Узнав об этом, цинский двор «признал» Бошкой (как будто тот в этом нуждался!) бием и закрепил за ним право носить шарик и перо чиновника 3-го класса [106, т. 1189]. «Признание» Бошкой в достоинстве бия на деле было лишь констатацией свершившегося факта. И без «высочайшего утверждения» Бошкой оставался для соплеменников бием. Аналогичным образом обстояло дело и с Кулбаем, сыном бия племени бугу Тулибаем. Со смертью последнего Кулбай стал бием, и ему «пожаловали» знаки чиновного достоинства, которые имел отец [106, т. 1363].

Цинский богдыхан не брал на себя никаких обязательств перед киргизскими биями. К примеру, в 1760 г. кипчакский бий Эмур, имевший от цинского двора знаки чиновного достоинства, сообщил ему, что его брата Амана держат под арестом кокандский Ирдана-бий. В Пекине расценили это извещение как намерение Эмура просить содействия. Оказать таковое цинский двор вовсе не собирался. Если бы посланец Эмура стал просить кашгарского наместника, чтобы он потребовал от Коканда освобождения Амана, то ответить, инструктировал Пекин, надлежало так: в участи Амана повинны вы сами, ибо это результат вашей вражды с Кокандом. Требовать же освобождения вашего родича, когда вы не являетесь подданными империи, неудобно [106, т. 633].

Цинское правительство держалось политики невмешательства и в случаях столкновений киргизов с соседями, в частности с казахами.

В 1774 г., следом за сообщением о нападениях киргизов на казахов, синьцзянский наместник Илэту доложил в Пекин об ответном походе Аблая и Абулфеиза [106, т. 958]. В ответ

цинский двор направил следующую инструкцию Илэту (указ от 9 июня 1774 г.): «Если буруты пришлют людей, тут же им объявить: вы друг друга грабите. Дело обычное. Ранее вы ограбили казахов. Мы отнюдь не вмешивались. Ныне если за вас действовать, [то] если бы, казахи прибыли [с подобной просьбой], как надлежит [нам] быть? Отнюдь нет резона покровительствовать одной стороне. Таким образом объявить и тут же отправить обратно» [106, т. 958].

Столкновения между киргизами и казахами непосредственно не затрагивали интересов Цинской империи в том смысле, что известия о расприх киргизских и казахских старшин не находили особого резонанса среди коренного населения Восточного Туркестана. Кроме того, периодические конфликты между киргизами и казахами, когда ни одна из сторон не могла добиться решающей победы, обескровливали обе стороны, а цинский двор вполне устраивала перспектива иметь на рубежах Синьцзяна слабых в военно-политическом отношении соседей. Вот почему цинские власти занимали позицию невмешательства в отношении распри между киргизскими и казахскими предводителями.

Иначе Пекин относился к конфликтам киргизов с Кокандским ханством. Обострение обстановки непосредственно вблизи рубежей Кашгарии могло произвести нежелательный для цинских властей резонанс в настроениях местного населения. Тем более, что между жителями Кашгарии и Ферганы исторически существовало много общего, к тому же среди местного населения Восточного Туркестана община андижанцев, т. е. выходцев из Средней Азии, имела значительный вес и влияние. Главное же, Пекин из-за военного превосходства Коканда над киргизами опасался перспективы усиления Кокандского ханства за счет поглощения последних и продвижения рубежей кокандских владений в сторону Синьцзяна. С учетом этих соображений, а не ради каких-то пацифистских устремлений цинские власти пытались косвенным путем удерживать киргизских старшин от столкновений с Кокандом. В 1762 г. бий Мамуткул и Эразамат, вознамерившись пойти войной против кокандского правителя Ирданы, попытались привлечь к участию в выступлении сарыбагышских старшин Черикчи и Темурджана. Последние наотрез отказались, призвав Мамуткула и Эразамата жить в мире с соседями. Кашгарские власти в знак своего одобрения поведения Черикчи и Темурджана одарили каждого из них куском атласной ткани. Пекинский двор, которому было доложено об этом, решил, что кашгарский наместник Юнгуэй, пославший киргизам подарки, поспешил. Он приказал выдать Черикчи еще два куска атласной ткани, а Темурджану пожаловать перья на шапку.

Установка Пекина — не допускать, чтобы Кокандское ханство усиливалось, особенно посредством территориальных приобретений за счет киргизов, непосредственных соседей на юго-западных рубежах империи Цин, — наглядно проявилась во время «Ошского инцидента». В 1762 г. кокандский правитель Ирдана отнял у киргизов-адигине ошскую местность. В результате демарша, предпринятого кашгарским наместником Юнгуем, Ирдана на время вернул Ош киргизам [128, т. 16, л. 226]. Когда в 1764 г. у Ирданы возник конфликт с ходжентским Фазил-беком, бий киргизов-адигине Хаджибай в свою очередь решил не упустить случая посчитаться с правителем Коканда. Хаджибай напал на кокандские селения. Примирение Ирданы с Фазил-беком заставило Хаджибая просить кашгарские власти предупредить Коканд, чтобы тот воздержался от нападения. Юнгуэй, крайне недовольный действиями Хаджибая, о чем и уведомил последнего, все же призвал обе стороны примириться [128, т. 16, л. 126]. Предпринимая все эти демарши, он руководствовался интересами империи: цинскую администрацию тревожила перспектива усиления Коканда за счет киргизов, которые могли не выдержать противоборства с Кокандским ханством. Именно поэтому Пекин выступил в данном случае на стороне киргизов-адигине и их бия.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ИМПЕРИИ ЦИН С КИРГИЗАМИ

Одним из наиболее сложных моментов во взаимоотношениях империи Цин и киргизов являлся территориальный вопрос. Речь шла о так называемом «наследии» Джунгарского ханства.

Ликвидировав Джунгарское ханство как таковое и физически истребляя его население, цинские власти не встретили длительного и достаточно серьезного сопротивления со стороны соседей бывшего государства ойратов. Это обстоятельство в известной степени способствовало тому, что амбициозные представления пекинского двора о том, что цинский богдыхан как «Сын Неба» вправе распоряжаться судьбами «варварской периферии», получили известные материальные предпосылки. В том смысле, что Пекин не усмотрел пока на Западе такой силы, которая бы воспрепятствовала дальнейшей экспансии империи Цин. В условиях этой эйфории, захватившей, если не всю пекинскую камарилью, то по меньшей мере самого Хун Ли, Цинский дом с завидной легкостью, руководствуясь лишь собственными желаниями и не беря во внимание реальную обстановку, намеревается перекроить в свою пользу поли-

тическую карту Центральной и Средней Азии. Под предлогом поимки «бунтовщиков» и «мятежников», в данном случае братьев-ходжей, богдыхан готов был похода наложить руку и на чужие земли, не принимая во внимание их хозяев.

В июле 1759 г. в Пекине стало известно, что Бурхан ад-Дин бежал из Кашгара, а Ходжа-Джихан — из Яркенда. Уже только это известие дало основание цинскому двору посчитать район оз. Иссык-куль в сфере своей власти. В июле 1759 г. Хун Ли распорядился послать в окрестности Иссык-куля войска и расставить там караулы, чтобы перекрыть беглецам пути к казахам и в Россию, куда могли скрыться ходжи и их сторонники [106, т. 591]. Однако до размещения цинских пикетов на Иссык-куле дело не дошло. Военачальник Чэбдэнчаб, которому было поручено заняться этим вопросом, доносил в ответ, что, по расспросам проводников, на Иссык-куле очень холодно уже после 7-й луны (после августа), и размещать там караулы представлялось делом сложным [106, т. 593].

Конечно, не только климатические условия принимал во внимание Чэбдэнчаб, когда считал невозможным расставить цинские пикеты в окрестностях оз. Иссык-куль. Но, прежде всего, он не мог игнорировать проживания здесь киргизов. Попытки включить названный район в состав империи Цин, если только предпринять таковые позволяли возможности, были чреватые столкновениями с ними. Тем более командование цинских войск не могло пойти на конфликт, когда еще не завершилась война с ходжами.

Пекин отнюдь не расставался с мыслью завладеть бассейнами рек Чу, Талас, Иссыккульской котловиной, районами Притяньшанья, лежащими за естественными рубежами Кашгарии. По окончании кампании против ее бывших правителей, братьев-ходжей, когда уже цинские войска более или менее закрепились в Кашгарии, в августе 1760 г. богдыхан издал указ. В нем, в частности, говорилось: «Джунгары покорены. Все прежние [их] кочевья включены в состав нашего государства.» Иными словами, Цинская империя простерла виды на новые территории, оказавшиеся за пределами Сипьдзяпа.

Догмат об унаследовании территориального достоинства джунгарских ханов являлся отражением гегемонистских устремлений цинского двора и служил оправданием их экспансионистских поползновений. Империя Цин в одностороннем порядке объявила своей собственностью так называемые «джунгарские земли», реально не обладая ими.

Понятие «былые джунгарские земли», которым оперировали цинские чиновники и сам богдыхан, было весьма относительным. Прежде всего, следует иметь в виду, что территория Джунгарского ханства складывалась в резуль-

тате завоевательных войн ойратов с соседями, в частности с киргизами. Так, значительная часть киргизского народа была вытеснена ойратами из пынешней Северной Киргизии в Ферганскую область [9, с. 527, примеч. 3]. Однако и в пору могущества Джунгарского ханства строго очерченной и стабильной границы между ойратскими кочевьями и, в данном случае, киргизскими не существовало. Даже на территории собственно ойратского государства, во всяком случае в области р. Или и на Тянь-Шане, оставалась часть киргизских племен [9, с. 527, примеч. 3]. С упадком же Джунгарской державы в канун разгрома ее империей Цин, а также во время войны джунгаров с цинскими завоевателями отмечается бегство ойратского населения с территории бассейнов рек Чу, Талас, из окрестностей оз. Иссык-куль [74, с. 101—102]. На освободившиеся земли перемещаются киргизы. «После падения ойратской державы они (киргизы.— В. К.) вновь заняли горную местность по верховьям Нарына, Чу и по притокам Иссык-куля» [9, с. 529].

«Их (восточных киргизов.— В. К.) старые кочевья в Кегень-Харкире, у Тэмурту[-нора], были захвачены джунгарами. Киргизы переместились на запад, нашли пристанище у Андижана. Когда джунгар покорили, [киргизы] получили обратно свои кочевья», — признается в официальном цинском уложении [137, т. 45, л. 1а].

Практически граница между киргизскими владениями и пределами империи Цин складывалась по мере размещения постоянных цинских караулов и вопреки установке Пекина о принадлежности всех так называемых джунгарских земель Цинскому двору. В силу ряда причин объективного порядка Пекину приходилось констатировать, что без его санкции киргизы осваивают и в ряде случаев уже освоили часть того, что официальные круги Китая рассматривали как «джунгарское наследство».

В 1760 г. советникам богдыхана пришлось поломать голову над известием о перекочевке более тысячи киргизских кибиток в Атбаш. Относительно этой местности цинский двор располагал противоречивыми сведениями. В Атбаше, по словам офицера элита Сэбтэна, прежде кочевали ойраты. Уйгурский же бек Ходжа-Сы сделал существенное уточнение: Атбашем ранее владели киргизы, но потом здесь закрепились джунгары. С гибелью их государства в Атбаш снова вернулись киргизы и живут там, как говорил Ходжа-Сы, уже 3—4 года [106, т. 617].

Богдыхан Хун Ли, однако, не пожелал безоговорочно смириться с прецедентом. Если бы оказалось при проверке, решил Хун Ли, что Атбаш — действительно прежняя джунгарская земля, то ее падлежит забрать. Признавая, что пустыми словами не заставить киргизов уйти, богдыхан предписал в будущем году дополни-

тельно разместить цинских солдат, дружины уйгурских беков, чтобы они, воспользовавшись удобным моментом, занялись этим делом [106, т. 617].

В том же, 1760 г. синьцзянское начальство попробовало обследовать Атбаш.

Осенью 1760 г. цинский отряд через перевал Баргун прошел до р. Нарын; по ее обеим берегам располагались киргизские пашни и кочевья. При встрече со старшиной атбашинских киргизов Черикчи цинские офицеры Течжу и Дэлэкэ сказали ему, что Атбашем ранее владели джунгары, разгромленные войсками империи Цин. Поэтому киргизам нельзя занимать эту местность. Аргументы цинских офицеров на Черикчи не произвели действия. Факт возвращения киргизов на свои прежние земли уже свершился, и они, очевидно, дали ясно понять, что не намерены покидать их. В таких условиях Течжу и Дэлэкэ осталось лишь порекомендовать Черикчи подождать, когда вышестоящие власти доложат императору просьбу разрешить киргизам селиться в Атбаше [147, т. 7, л. 5а].

Докладывая в Пекин о результатах обследования зоны Атбаш — Нарын, воинский начальник Агуй признал невозможным изгнать киргизов по следующим мотивам. Во-первых, местностью Атбаш прежде владели киргизы; во-вторых, она далеко расположена от Илийского края, где размещались основные воинские силы, а от близлежащего Кашгара Атбаш отделен большими горами; в-третьих, что и являлось решающим, киргизы уже прочно освоили этот район. Для демонстрации «прав» Цинской империи на район Атбаш — Нарын воинский начальник Агуй считал необходимым ежегодно предпринимать «инспекционные» объезды [147, т. 7, л. 5б]. Со стороны трона возражений не последовало.

Так или иначе, цинским властям пришлось признать, что район Атбаш — не подвластная им территория. Когда кашгарское начальство докладывало в Пекин о прибытии в Аксу для торговли киргизов из Атбаша во второй половине 1760 г., то речь шла о них как о людях, приехавших из чужих владений, лежащих за пределами границ Синьцзяна [147, т. 7, л. 126—13а].

Богдыхану Хун Ли никак не хотелось подчеркнуть свое прежнее решение о принадлежности «былых джунгарских земель» империи Цин. Но он так или иначе подходил к пониманию того факта, что материализовать свои захватнические устремления империи Цин не под силу. Поэтому цинским сановникам дается установка такого рода, что конкретные вопросы, связанные с «былыми джунгарскими землями», синьцзянским властям надо решать самим, не запрашивая инструкций из Пекина. Так, кашгарский наместник Шухэдэ докладывал в столицу, что он столкнулся с дилеммой

такого рода: позволить ли киргизам кочевать в местности Акбаш? На карте, составленной Фу Дэ, такого названия Шухэдэ не обнаружил. После расспросов элютов выяснилось, что Акбаш — это горы западнее р. Нарын. Ныне они в киргизских пределах, а во время существования Джунгарского ханства в этих горах кочевали джунгары. Шухэдэ склонялся к такому мнению, что, занимая горы Акбаш, киргизы тем самым не нарушили границ империи Цин. Но для подстраховки наместник считал нужным справиться в столице. Богдыхан рассудил, что предпринимать ничего не стоит, ибо названная местность, хотя некогда и была захвачена джунгарами у киргизов, соответственно «принадлежит» империи, но расположена от Илий очень далеко. Впредь, предписал Хун Ли (август 1760 г.), кашгарскому наместнику нечего выискивать разные предлоги, а следует решать дела оперативно [106, т. 617].

Вместе с тем пекинский двор вовсе не отказывался от своих притязаний на те земли, которые оказались за фактическими границами Синьцзяна. В свое время смирившись с тем, что расставить свои караулы в окрестностях оз. Иссык-куль, в долинах рек Чу и Талас вне возможностей империи Цин, Хун Ли, однако, продолжал считать эти земли своими. В 1763 г. он предписал синьцзянскому наместнику Минжюю направить офицера с воинской командой на Иссык-куль, Чу и Талас, чтобы изгнать оттуда киргизов, если окажется, что они там самовольно поселились [106, т. 691, л. 25а].

Предпринятое Минжюем размещение цинских гарнизонов на северной границе, в Тарбагатае, оказалось сопряженным с большими трудностями. Прежде, чем расставить караулы и поставить воинские команды, нужно было вытеснить уже освоивших здешние кочевья казахов. В таких условиях изгнание киргизов, проживавших на землях, сопредельных с западным участком синьцзянской границы, представлялось делом весьма проблематичным. «После того, как в будущем году на северной границе разместим войска, — докладывал Минжуй императору 9 ноября 1764 г., — [тогда] в отношении зоны западной границы [надлежит поступить так]: или ежегодно один раз проверять, или строго предупредить» [106, т. 721]. Этого, убеждал Минжуй богдыхана, будет вполне достаточно. Иными словами, цинский наместник фактически признавал бессилие утвердить власть дома Цин за пределами собственно границ империи.

Начиная с 60-х годов XVIII в. цинские власти пытаются практиковать так называемые «инспекционные» объезды киргизских границ. Фактически же имеют место вторжения военных отрядов в киргизские земли, расположенные за линией постоянных цинских караулов. Цинские документы не дают точных указаний

относительно регулярности этих объездов. По свидетельству такого знатока Синьцзяна, как Ци Юньши, цинского чиновника, находившегося там в 1805—1809 гг. и написавшего ряд сочинений, отряды для «инспектирования» киргизских земель посылались через 1—2 года. Вполне вероятно, впрочем, что и эта периодичность не соблюдалась.

«Инспекционные наезды» имели многоцелевое назначение. Прежде всего, необходимо было продемонстрировать «принадлежность» обследуемых земель Цинской империи. Кроме того, на этом основании взимать «налог» с киргизов за пользование пастбищами. Так как этот «налог» не был ни оговорен каким-либо обоюдным соглашением, ни легализован, то он по существу являлся военным грабежом. Не случайно, отмечал Ци Юньши, воинские команды норовили взять побольше и получше. И наконец, необходимо было продемонстрировать военную мощь Поднебесной, чтобы держать киргизов в страхе. На деле следует говорить не об «инспекционных наездах», а о вооруженных вторжениях на территорию, занятую не подвластным империи Цин населением.

Эти наезды для киргизов являлись подлинным бедствием, поскольку цинские войска не только отнимали скот, но и вытапывали посевы [129, с. 49]. Вооруженные отряды обращались с киргизами, словно с побежденным врагом. Как отмечал уже упоминавшийся Ци Юньши, цинские офицеры и солдаты не упускали ни одного повода причинить «беспокойство» киргизам во время инспекционных объездов. Таким обращением, убеждал Ци Юньши, «никак невозможно покорить сердца иноземных варваров» [129, с. 49]. Действительно, вторжения цинских отрядов в районы, расположенные далеко за линией постоянных пикетов, не обходились без инцидентов. В 1760 г. отряд фудутуна Ичжу киргизы встретили ружейным огнем [147, т. 7, л. 46]. Весьма показательно, что это были люди бия Черикчи, получившего от цинских властей знаки чиновного достоинства. В 1764 г. кашгарскому наместнику докладывали об убийстве киргизами 7 цинских солдат и офицера, приехавших из Или [106, т. 710].

ТОРГОВЛЯ КИРГИЗОВ В КАШГАРИИ

До завоевания Восточного Туркестана Цинской империей киргизы торговали в кашгарских городах. С установлением цинского господства обмен сохранился. Уже в 1759 г. киргизы торгуют в Кашгарии.

Если при прежних правителях Кашгарии обложение при продаже иноземцами скота (он являлся основным товаром, поставляемым киргизами) составляло 1/20 дохода [146, т. 84], то с

1760 г. оно снижается до 1/30 [139, т. 41, 116]. В таком же размере взимался сбор с доставляемых киргизами кож. Снижением ставок обложения скота, продаваемого иноземцами, цинские власти стремились усилить его приток в Кашгарию, поскольку своего скота не хватало для снабжения гарнизонов. Кроме того, такой мерой новая власть рассчитывала нажать определенный политический капитал, демонстрируя иноземцам свое «великодушие». Вместе с тем уже первые торговые сделки с приезжающими киргизами цинские власти стремятся взять в свои руки, исключить свободный, без контроля администрации обмен киргизов с жителями Кашгарии. Так, осенью 1759 г. уч-турфанский воинский начальник Нашитун сообщил в Пекин о приезде киргизов с торговыми целями. Поскольку пригнанный ими скот был властям не нужен да и запросили за него киргизы дорого, Нашитун разрешил продать скот местным жителям, но под наблюдением китайского чиновника. После распродажи киргизам не позволили остаться и тут же выпроводили их за кордон [146, т. 76, л. 21а].

Вопрос о торговле с киргизами тщательно изучался при пекинском дворе. Удержать за собой Синьцзян он намеревался с минимумом затрат и буквально высчитывал каждый медяк, отпускаемый на содержание расквартированных там гарнизонов. В одном из указов специально предписывалось выяснить, сколько баранины потребно солдату в месяц.

Уведомление о том, что в Уч-Турфане власти закупили у киргизов на провиант крупных и жирных баранов по 2 лян 5 цяней серебра за голову [106, т. 633], побудило двор специально выяснить, насколько выгоднее приобретать баранов у киргизов, чем отправлять их из Халхи и провинций собственно Китая. Результаты обследования были подытожены в указе от 1761 г. Баран, доставленный в Кучу, Аксу, Яркенд, Кашгар из Нинся, обходился в среднем в 4 лян серебра. Властям Баркуля (Джунгария) на приобретение барана в Халхе требовалось до 2 лян серебра [106, т. 633]. Таким образом правительство было заинтересовано баранов на провиант гарнизоном, расквартированным в Восточном Туркестане, приобретать у киргизов.

Помимо чисто экономических соображений цинская администрация была заинтересована в поддержании торгового обмена с киргизами и по той причине, что представлялось возможным получать информацию об обстановке у зарубежных соседей. Благодаря торговле, докладывало кашгарское начальство в Пекин, «можно получать новости из всех мест» [147, т. 11, л. 196].

Если поначалу цинская администрация дала киргизам в торговле некоторое послабление, то потом уже были введены существенные ограничения. Прежде всего, это касалось предме-

тов купли. При этом местные власти руководствовались соображениями безопасности, не доверяя киргизам. Вот характерный пример. В 1762 г. кашгарский чиновник Юнцин сообщил в Пекин о закупке киргизами оружия. По приезду они имели 3 дробовика. На обратном пути после окончания торгового у них насчитали 17 дробовиков, кинжалы. Купленное киргизами в Кашгаре оружие у них тут же изъяли [106, т. 603]. В том же 1762 г. кашгарский правитель Юнгуй предложил контролировать приобретение оружия киргизами. При пограничном досмотре выдавалось удостоверение, куда записывалось количество и наименование оружия у приезжих. Уличенные в тайном приобретении оружия в большом количестве подлежали задержанию. Решение Юнгуя не было отменено правительством [106, т. 670].

Запрещалось продавать киргизам даже металлургические изделия, так как цинские власти боялись, что металл может пойти на выделку оружия [137, т. 129, л. 40а]. Таким образом, торговля киргизов с коренным населением Синьдзяна проходила в условиях строгого полицейского надзора со стороны цинской администрации.

* *
*

В официальных цинских уложениях XVIII — начала XIX в. киргизы именуются «внешней оградой» империи, защищающей ее рубежи от происков извне, а также выступающей в качестве сдерживающей силы против коренного уйгурского населения Восточного Туркестана. Утверждения эти не соответствовали действительности. Даже у самих правителей Поднебесной не было достаточной уверенности в том, что киргизы станут рьяно отстаивать интересы империи. Показательны в данном отношении суждения богдыхана в связи с антицинскими

выступлениями в Кашгаре в 1760 г. «Повстанцы,— писал Хун Ли,— непременно скроются в киргизских кочевьях, которые, если не принять мер, станут убежищем для всех беглых из Кашгарии». Такую практику, отмечал богдыхан, никак нельзя поощрять. Поэтому, если киргизы станут тянуть с выдачей беглецов, тут же нужно напасть на киргизские аилы [147, т. 4, л. 266].

Сам опыт общения киргизов с империей Цин приводил к тому, что в ряде случаев они объединялись с открытыми противниками цинского господства в Восточном Туркестане, какими являлись потомки прежней династии ходжей. Так, сын Бурхан ад-Дина хаджа Сарымсак скрывался в среднеазиатских пределах. В нем пекинский двор не без основания усматривал потенциальную угрозу цинскому господству в Восточном Туркестане. Однако, чтобы справиться с Сарымсаком, правительству империи приходилось рассчитывать только на собственные силы. Как констатировал двор, рассчитывать на содействие киргизов в деле с Сарымсаком особенно не приходится. Даже если и удастся изыскать способ привлечь на свою сторону Сарымсака, то заполучить его будет не так просто, ибо, гласил указ от 1798 г.: «Закордонные буруты (т. е. киргизы.— В. К.) тоже считают [ходжу] редким товаром, которым можно спекулировать» [105, т. 33].

В 1798 г. цинские власти в Кашгарии и пекинский двор ожидали, что Сарымсак предпримет какие-либо действия, в связи с чем в Кашгаре был усилен гарнизон. Узнав об этом, говорилось в указе 13 июля 1798 г., киргизы воздержатся выступить заодно с ходжей [111, т. 6, л. 10а]. Поэтому местным властям следовало изыскать способ оповестить закордонных киргизов о том, что в Кашгарии усилены цинские гарнизоны. Пекин посредством устрашения пытался не допустить совместных действий киргизов в вылазке Сарымсака.

СОПРЕДЕЛЬНЫЕ С КАШГАРИЕЙ ГОСУДАРСТВА И ИМПЕРИЯ ЦИН

ОТНОШЕНИЯ ИМПЕРИИ С КОКАНДОМ

Кампания цинских войск в Восточном Туркестане затронула и правителей Ферганы. В июле 1759 г. китайские военные соединения развертывали наступление против ходжей. «Братья-ходжи дружат с кокандским Ирданой-бием, и возможны их совместные действия», — отмечал тогда Хун Ли. «Необходимо, — подчеркивал богдыхан, — вступить в контакт с кокандским правителем и не допустить союза

между ним и ходжами» [106, т. 588; 162, с. 49].

В подтверждение прежних сведений о связях братьев-ходжей с Ирданой командующий Чжао Хуэй доносил, что в 1758 г. Ходжа-Джихан посылал своих людей к владельцу Коканда [106, т. 591]. Позднее несколько уйгуров из Яркенда, явившихся к военачальникам с повинной, сообщили, что по слухам Бурхан ад-Дин посылал людей в Андижан [106, т. 592].

Ферганские города: Маргелан, Наманган, Ан-

дижан, Коканд — были в числе вероятных мест, куда, по мнению цинского военного командования, могли бежать ходжи. Оно решило перекрыть «мятежникам» пути в ферганские пределы. В августе того же 1759 г. Хун Ли выражал удовлетворение по поводу известий, что якобы андижанцы намерены помочь в поимке ходжей, более того, богдыхан уже надеялся, что Андижан «склоняется к цивилизации» [106, т. 593], т. е. имеет намерение покориться Цинской империи.

Однако никаких веских оснований для подобных надежд не было, и остается лишь констатировать, что император цинского Китая после захвата Восточного Туркестана лишь продемонстрировал наличие определенных видов и на Фергану.

Ферганские же правители не торопились вступать в контакты с цинским командованием. Слухи о намерении андижанцев помочь схватить ходжей не подтверждались. Наоборот, Чжао Хуэю стало известно, что погонщики каравана у беглецов — бухарцы и андижанцы. На основании этого цинский военачальник заключил, что ходжи могут отправиться в Андижан, и докладывал трону о вероятности похода туда с целью заполучить беглецов. Намерение Чжао Хуэя вторгнуться в андижанские пределы для поимки ходжей, если они там объявятся, император полностью одобрил (указ датирован сентябрем 1759 г.). Но, как представлялось Хун Ли, поисками ходжей цинским солдатам заниматься не придется: андижанцы сами представят «беглых злодеев» [106, т. 594].

Возможности такой андижанцам не представилось, даже если бы они этого и хотели, ибо ходжи бежали в Бадахшан. Об этом уже было известно в Пекине, когда Чжао Хуэй сообщил о результатах пребывания в Фергане шивэй Дакэтана. Его послали, по словам Чжао Хуэя, перекрыть дорогу ходжам и одновременно передать манифесты кокандскому Ирдана-бию, правителям Маргелана, Андижана и Намангана, а также старшинам киргизского племени адигине [106, т. 596]. Что буквально говорилось в упомянутом манифесте, цинские источники, оказавшиеся доступными автору, не сообщают. Но, очевидно, от ферганских владетелей и вождей адигине требовали определенных свидетельств лояльного отношения.

После отправки упомянутого Дакэтана, в ставку Чжао Хуэя прибыл Сары-Кучук — посланец главы киргизов-адигине Хаджи-бия. В доставленном им письме Хаджи-бий говорил о доброжелательности в отношении Цинского дома не только от своего имени, но и кокандского бека Ирдана-бия [106, т. 596].

Сомнительно, чтобы Хаджи-бий получил какие-то полномочия от Ирданы, в том числе и сообщать от его имени ответственные заявления. Не исключено, что Чжао Хуэй выдавал желаемое за действительное,

Тем не менее император Китая тут же поспешил объявить в указе о включении Ирдана-бия в число своих «вассалов». Одновременно Хун Ли предписал сообщить кокандскому правителю, что если он пожелает прибыть ко двору, то будет награжден; вместо себя он мог послать своих родственников или подчиненных [106, т. 596].

Попросту говоря, в данный момент речь шла об установлении дипломатических отношений между Кокандом и Цинской империей. Инициатива в установлении таковых исходила от последней, и она стремилась упрочить их.

Сам Дакэтана вернулся в ставку Чжао Хуэя 30 ноября 1759 г. С ним приехали посланцы Ирданы Тохта-Мухаммед и Баймухаммед. Как говорил Дакэтана, после оглашения письма Чжао Хуэя Ирдана сказал, что ему известно о разгроме джунгар, о контактах цинского командования с киргизскими старшинами. Правитель Коканда тоже согласен вступить в сношения с цинским двором [146, т. 82, л. 5а]. Об этом же Ирдана написал в письме, доставленном его людьми.

Распросив посланцев Ирданы, Чжао Хуэй выяснил, что кокандский владетель не прочь заполучить содействие Цинского дома, чтобы «управиться с киргизами» [146, т. 82, л. 6а]. Тогда цинский военачальник прямо ответил кокандским посланцам, что рассчитывать в этом на помощь не стоит [146, т. 82, л. 6а].

Пекин проявил живейший интерес к приезду первого кокандского посольства. На почтовых станциях было приказано иметь наготове крепких лошадей и без задержек везти кокандских послов ко двору [146, т. 82, л. 16б]. В феврале 1760 г. там принимали посланцев Ирданы-бия во главе с уже упоминавшимся Тохта-Мухаммедом. Так официально было положено начало отношениям Коканда и империи Цин. Никаких особых целей отправкой этого посольства Ирдана-бий не преследовал. Подтверждение тому — содержание адресованного Ирдана-бию императорского указа. В нем отмечалось, что послание Ирдана-бия содержало одни общие фразы. «Ныне прибывшие [твой] послы отнюдь ничего не просили, поэтому и Нам нечего объявить», — писал богдыхан [106, т. 606].

Правда, Хун Ли не удержался от напоминания, что Коканду теперь не угрожают джунгары. Император недвусмысленно давал понять, что избавлением от джунгарских нападений ему обязан правитель Коканда. Объявляя Ирдана-бия «Нашим слугой», император внушал тому держать своих людей в узде, не скупясь за послушание на щедроты. Свидетельством того должны были служить вещи, подаренные правителю Коканда. По возвращении кокандских послов с ними был отправлен шивэй Соному-Чалин, которому вменялось в обязанность лично ознакомить Ирдана-бия с императорским посланием.

7 ноября 1760 г. Соному-Чэлин вернулся в Кашгар вместе с послами Ирданы Мухаммед-ходжей и Хаджи-ходжей. Они поставили перед кашгарским правителем Хаймином вопрос об освобождении кокандцев от уплаты пошлины за продажу скота. Отказать полностью Хаймин не считал целесообразным. Было достигнуто компромиссное соглашение: от уплаты пошлины будут освобождаться лишь послы правителя Коканда, прочие же его подданные будут платить пошлину как обычно [147, т. 7, л. 15а]. В силу каких соображений Хаймин сделал определенное послабление правителю Коканда, китайские источники умалчивают.

В том же 1760 г. Ирдана-бий направил к цинскому двору второе посольство. Оно привезло в подарок коней, за которых кокандского правителя соответственно наградили. Это была торговая операция на высшем уровне: контрагентами соответственно выступали кокандский и цинский дворы.

Согласие Ирдана-бия поддерживать отношения с Цинской империей открыло кокандским подданным доступ в ее пределы. Сюда их прежде всего влекла торговля. В самом начале 1760 г. кашгарский наместник Шухэдэ сообщил о постоянных наездах торговцев из Коканда, Андижана и Маргелана. Одновременно он испрашивал разрешения временно установить обложение со скота и лошадей, доставляемых иноземцами, в размере 1/30 их стоимости [106, т. 605, л. 10 аб; 162, с. 71—72]. До завоевания Кашгарии цинскими войсками эта пошлина составляла 1/20 [146, т. 84, л. 30а]. Целесообразность снизить ставку обложения за продажу скота и лошадей Шухэдэ мотивировал опасением, что при вздорожании цен на них и при сохранении прежнего размера обложения у иноземцев не будет стимула доставлять скот и лошадей в Восточный Туркестан. Предложение Шухэдэ получило силу закона [139, т. 41, л. 11 б].

Помимо причин экономического характера цинское правительство, очевидно, рассчитывало нажать и определенный политический капитал, продемонстрировав, что в отличие от прежних правителей Кашгарии оно более «благогосклонно» к торговцам-иностранным.

Активная торговая деятельность андижанцев в Восточном Туркестане не вызвала восторга у цинской администрации. Прежде всего, по соображениям политического порядка она опасалась за стабильность обстановки в недавно завоеванной стране. В 1761 г. яркендский воинский начальник Синьчжу в докладе трону акцентировал: андижанские торговцы, беспрерывно и в большом количестве приезжая, смешиваются с местным населением. «Опасаясь, — указывал в этой связи Синьчжу, — что укрывается враг внутренних и внешних» [106, т. 632]. В своем мнении Синьчжу не был одинок. В том же году генерал-губернатор провинций

Шэньси-Ганьсу Ян Инцзюй докладывал: «В будущем андижанцы, бадахшанцы, буруты и прочие мусульмане, торгуя, станут уезжать и приезжать. Безусловно, необходимо специально послать управляющего, чтобы держать их в повиновении силой и контролировать. Только тогда можно будет сохранить престиж государства и знать настроения варваров» [106, т. 633].

Синьцзянские власти исподволь собирали сведения об обстановке за кордоном. В 1761—1762 гг., к примеру, вспыхнула междоусобица среди ташкентских соправителей. Один из них, Шоди-ходжа, попытался убрать другого, Молдо-Самуша. Последний запросил помощи у кокандского Ирданы [147, т. 16, л. 196—20а]. Шоди-ходжа в свою очередь обратился за поддержкой к казахам и ходжентскому Фазил-беку. Кашгарский воинский начальник Илэту доложил в Пекин, что поручил хакиму Гэдаймоту тайно выяснить обстановку [147, т. 16, л. 20а].

Правители империи Цин с самого начала исключали общение с кокандским двором на равной основе. Богдыхан вопреки реальному положению дел смотрел на кокандского правителя как на подвластного. В манифесте Ирдана-бию Хун Ли высокомерно наставлял: «[Ты] должен с почтением блюсти законы Небесной династии... Во всех делах надлежит [тебе] руководствоваться ограничениями, исходящими от дачней Кашгара и Яркенда» [106, т. 678].

В таких условиях коллизии были неизбежны.

Первым серьезным конфликтом явился «Ошский инцидент». Это одновременно была и «проба сил» между империей Цин и Кокандом. В 1762 г. киргизы-адигине ограбили группу кокандских купцов. Ирдана-бий использовал это происшествие как повод для захвата Оша, ранее подвластного Хаджи-бию — предводителю адигине. Тот лично прибыл к кашгарскому наместнику Юнгую, ища у него управы на Ирдану. Юнгуй на первый случай ограничился письмом Ирдане, убеждая его оставить Ош. Послание это должен был переслать сам Хаджи-бий. О своих действиях Юнгуй информировал Пекин, где «заступничество» Юнгую одобрили. Усиление Коканда за счет сопредельных с Кашгарией киргизов отнюдь не устраивало Китай. Но, по мнению пекинских властей, Юнгуй не проявил нужной решимости. Выражались опасения, что письмо Ирдане составлено в слишком мягких выражениях и поэтому не окажет на него желаемого воздействия.

В случае неуступчивости кокандского бека к нему надлежало направить представителя цинских властей с решительным предупреждением, что о «самоуправстве» будет доложено императору. Хотя для Хун Ли, как лицемерно заявлял он, «притеснение слабых силой есть то, что наиболее ненавистно» [106, т. 666], однако необходимость может заставить богдыхана пойти на крайние меры. Словом, гневить

повелителя Поднебесной не следовало — это Юнгуя надлежало довести до сознания Ирданы.

Тот в свою очередь прислал Юнгуя письмо, где доказывал, что Ош издавна принадлежит Коканду [106, т. 676].

Тогда кашгарский наместник, подстегнутый неудовольствием, которое его осторожность вызвала в Пекине, решил направить в Коканд своего представителя с требованием Ирдане вернуть Ош киргизам. Если бы и на этот раз Ирдана продолжал упорствовать, Юнгуй испрашивал у трона разрешения предпринять против него «карательную экспедицию». Пекин в принципе согласился на посылку войск против Коканда, но предупреждал Юнгуя против поспешности и предписывал ему ждать результатов направленного к Ирдане посольства [106, т. 676].

Пока известий от Юнгуя не поступало, цинский двор в начале 1763 г. направил через находившегося в Пекине кокандского посла Баба-Шика послание Ирдане. Увещевая его оставить Ош, император лично грозил ему в случае неповиновения послать свои войска [106, т. 678].

Позиция цинского двора во время «ошского инцидента» определялась отнюдь не намерением «защитить» Хаджи-бия. Определяющим было стремление продемонстрировать, что империя распоряжается судьбами сопредельных государств и народов. Сохранение статус-кво на прилегающих к Восточному Туркестану территориях в тех условиях отвечало интересам пекинского правительства, опасавшегося усиления Коканда.

Неуступчивость Ирданы в определенной степени, очевидно, объяснялась и поддержкой со стороны кашгарского ишик ага-бека Абд ар-Рахима. В бытность он был близким человеком Ходжа-Джихана. С приходом китайцев стал служить им. Как потом объясняли цинские власти, Абд ар-Рахим оказался недовольным, что не получил должности кашгарского хакима и потому «стал лелеять мятежные намерения». Как бы там ни было, но Абд ар-Рахим действительно помышлял о ниспровержении цинского господства и рассчитывал в этом на помощь Ирдана-бия. Они тайно сносились друг с другом.

Когда Юнгуй отправил в Коканд шивэя Томуциту с решительным требованием покинуть Ош, его уже опередили посланные к Ирдане люди Абд ар-Рахима — Молла Гопа-ходжа и Карамат. В письме, которое они передали кокандскому правителю, говорилось, чтобы он не отдавал Оша, ибо в действительности на военную экспедицию цинские власти не решатся; почтения посланцу цинской администрации оказывать не надо; кокандскому войску надлежит двинуться на Кашгар, где гарнизон малочислен, а местное население готово выступить

против поработителей-иноверцев [106, т. 715; 128, т. 16, л. 226].

Не торопясь выполнять требование Юнгуя о возврате Оша, Ирдана предпринял такой ответный демарш, что привел Хун Ли в неистовство. В своем письме Юнгуя Ирдана указал, что император якобы признает его ханом, а границей между кокандскими владениями и империей — Кашгарские горы [130, с. 175].

До этого Ирдана титуловался беком и в качестве такового воспринимался Пекином. Заявляя о своем ханском достоинстве, кокандский правитель, очевидно, рассчитывал повысить свой престиж в глазах кашгарской администрации и заставить ее соответственно с ним обращаться.

Кашгарские горы, о которых вел речь Ирдана-бий, — это, очевидно, горы Кашкар-Диван, сопредельные с Ошем.

Таким образом, Ирдана-бий отклонял требование Юнгуя о возврате ошской местности как необоснованное, ссылаясь на согласие императора считать территорию к западу от Кашгарских гор принадлежащей Коканду.

Хун Ли обязал Юнгуя направить Ирдане специальное послание. В нем, в частности, говорилось: «Прежде в посылаемых тобой грамотах [ты] всегда именовал себя беком, почему теперь, безрассудствуя, самовольно смог называться ханом? Притом [ты] разве удостоился указа о том, что Кашгарские горы являются границей?» [106, т. 676, л. 236; 162, с. 54].

Претендуя на политическую супрематию, император Хун Ли считал себя в праве утверждать в том или ином звании иноземных правителей. Показательно, например, что принятие кокандским владельцем Ирданой ханского титула он расценивал как узурпацию присвоенного себе «права сюзерена».

Демарш, предпринятый цинскими властями, по заверению Юнгуя, возымел действие на Ирдану. В начале 1763 г. Юнгуй доложил в Пекин, что по прибытии в Коканд его посланца Томуциту Ирдана вернул Ош Хаджи-бию [106, т. 683]. Правда, тогда Юнгуй умалчал о недостаточно почтительном приеме, который правитель Коканда оказал шивэю Томуциту. Как потом показал последний, бек не выехал загодя к нему навстречу [106, т. 707]. Пока же богдыхан из-за неведения был удовлетворен результатами миссии Томуциту и поведением кокандского владельца. «Ирдана-бек весьма почтителен и благонамерен», — специально отмечалось в императорском указе, где предписывалось передать Ирдане, что, если он и впредь станет всегда выполнять предписания цинских властей, «милостями не будет обойден». После разрешения «Ошского инцидента» Цинский дом еще более укрепился во мнении, что во взаимоотношениях с соседями следует последовательно проводить политику кнута и пряника: «Естественно надлежит употреблять как мило-

сердце, так и силу, дабы загодя знали, чего страшиться, тогда они еще глубже растрогаются и можно будет заблаговременно устранить повод затевать ссоры» [106, т. 683].

На деле же события развивались не так, как мыслилось богдыхану и его савовникам. Реальной власти над Ирданой богдыхан не имел, а предпринять военную кампанию представлялось делом сложным по ряду причин. В частности, предстояло еще закрепить господство Цинского дома в недавно завоеванной Кашгарии.

В 1764 г. в Пекине стало известно, что Ирдана-бий держит под арестом Хаджи-бия и взимает налоги с населения Оша [106, т. 710; 162, с. 63]. В ответ на запрос цинского двора Ирдана отправил с письмом к кашгарскому наместнику Нашитуну своего посла Нурмамед-бия. В письме Ирдана просил наместника не верить домыслам киргизов и подробно информировал о происшедшем. В изложении Ирданы дело обстояло так. Хаджи-бий враждовал с ошскими киргизами, у которых вообще не было старшины. Поэтому наводить спокойствие пришлось Ирдане. Ни одного медяка с ошских жителей он не брал. Это подтверждалось и письмом самого Хаджи-бия. Правда, Ирдана направил в Ош 50 семей кокандских поселенцев для возделывания риса, но в данный момент эти колонисты отведены обратно, а угодья для возделывания риса оставлены киргизам [106, т. 710; 162, с. 63]. Этими разъяснениями Пекин временно удовлетворился, предписав Нашитуну не предпринимать пока дальнейших расследований. [106, т. 710].

Ошская история дала цинскому правительству определенные основания усомниться в искренности Ирданы-бия. Уже тот факт, что он умалчивал о тайных контактах с ишик ага-беком Абд ар-Рахимом, о рекомендациях последнего не уступать Оша, говорил сам за себя. Присылку Нурмамед-бия с разъяснительным письмом цинский двор расценил как тактический прием со стороны Ирданы и только. Соблюдать показную лояльность кокандского бека, по мнению Пекина, заставляли два обстоятельства. Во-первых, кокандский бек не мог рассчитывать на помощь афганского Ахмад-шаха, поставленного в затруднительное положение «кызыл-башским» Дайинь-шахом. Во-вторых, Ирдана боится цинской армии [106, т. 710]. «Однако, — говорилось в указе (июнь 1764 г.), — натура [у Ирдан-бия] коварная, день спустя трудно избежать того, что снова проявит себя» [106, т. 710].

Расследование по делу Абд ар-Рахима дало новые основания богдыхану питать подозрения в отношении Ирданы, который не только, как выяснилось, умалчивал о рекомендациях не уступать Оша, но, более того, не информировал о предложении прийти с войском в Кашгар. Цинский двор и на этот раз решил ограничиться

отправкой Ирдане специального послания. Содержание его вкратце сводилось к следующему. Если бы Ирдана-бий сообщил в Пекин о «происках» Абд ар-Рахима, то получил бы большую награду. Если бы он и атаковал Кашгар, то все равно не удержал бы его: цинские гарнизоны стоят в Яркенде, Аксу, Хотане, а также в Или. Зато цинская армия в состоянии сходу «полностью стереть с лица земли Коканд и Андижан». Это было предостережением на будущее. Но поскольку прямых враждебных действий Ирдана не предпринимал, вторжение цинских войск ему не грозит. В конце послания император Хун Ли рекомендовал Ирдане сообщать о смутянах, подобных Абд ар-Рахиму, которые станут подбивать на выступление против империи [106, т. 715].

Еще до получения этого манифеста Ирдана-бия встревожил тот факт, что его связь с Абд ар-Рахимом получила огласку. Кокандский правитель стал готовиться к отражению возможного вторжения цинских войск. По показаниям ойратов Болоци и других, бежавших из Маргелана, весной 1764 г. Ирдана-бий выступил было в поход против ходжентского правителя Фазыл-бия, но с полпути возвратился обратно. Опасаясь, что с прибытием цинских войск ойраты, которых проживало в Фергане несколько тысяч, перейдут на их сторону, Ирдана будто бы решил всех их вырезать [106, т. 718]. Почти то же самое, что Болоци, показали кокандские торговцы, прибывшие в Кашгар. Они сказали, что в кокандских владениях из уст в уста передается весть о предстоящем вторжении войск богдыхана. Перебить всех ойратов Ирдана не решился, но отнял у них оружие и лошадей [106, т. 719].

Если Ирдана действительно опасался нападения цинской армии, то и синьцзянские сатрапы не чувствовали себя вполне уверенно. Характерно, например, следующее обстоятельство. Сообщая в Пекин о прибытии в Кашгар семи торговцев из Коканда, наместник Нашитун специально отмечал, что у них очень мало вещей и поэтому выражал опасения, что купцы эти приехали выведать обстановку [106, т. 719]. Забил тревогу и синьцзянский наместник Минжуй. Как ему стало известно от ойратов, бежавших из казахских кочевий, имел место обмен послами между Ирданой и Аблаем. На этом основании Минжуй не исключал возможности «сговора» между ними против империи.

В Пекине держались того мнения, что страшиться Ирданы нечего. Если бы он действительно помышлял о вторжении, то предпринял бы его до того, как стало известно о связях с Абд ар-Рахимом. Союз Ирданы и Аблая против империи цинский двор считал маловероятным. Минжуй и Нашитуну предписывалось не паниковать, ибо поспешные военные приготовления, рассылка лазутчиков были нецелесообразны и только произвели бы нежелательный ре-

зонах среди коренного населения Джунгарии и Восточного Туркестана [106, т. 719].

В конце 1764 г. для вручения вышеупомянутого послания Ирдане Нашитун отправил вайлани Сышици. В дар кокандскому владельцу последний вез атласные ткани и чай. Однако за предпринятое посольство кашгарский наместник получил из Пекина нагоняй. Цинский двор считал, что Сышици и сопровождавшие его люди «несведущи» в такого рода делах и станут объектом насмешек со стороны иностранцев, а посылка подарков Ирдане и вовсе неуместна. Его надлежало «суровыми словами бранить», а не одаривать, тем более, что никакой опасности империи он собой не представляет [106, т. 721].

Сышици кокандский правитель принял довольно почтительно: лично выехал из города для встречи. Приняв императорское послание, не замедлил на него ответить. Но свое письмо Ирдана-бий отправил с Сышици. Это вызвало крайнее неудовольствие Хун Ли: повелителю Поднебесной не выразили должного уважения. Как внушал в своем указе богдыхан, если сам Ирдана не смог приехать со своим посланием, то надлежало ему направить какое-либо должностное лицо. Это следовало сообщить Нашитуну, а также высказать Ирдане порицание [106, т. 723].

Хотя Сышици по возвращении и докладывал, что поведение Ирданы произвело благоприятное впечатление, однако последний не удосужился прислать наместнику никаких подарков. Объяснил это Ирдана зимними условиями, пообещав отправить кое-что в подарок Нашитуну будущей весной.

Каяться, очевидно, Ирдана не считал нужным, раз Коканду не грозило вторжение цинских войск. Наоборот, он встал в позу незаслуженно обвиненного. В письме Нашитуну бек писал, что у него много врагов, и просил прислать к нему для допроса тех, кто клеветает [106, т. 724].

Короче говоря, Ирдана пытался отмежеваться от Абд ар-Рахима и ликвидировать тех, кто еще располагал сведениями об их связях. Пекин на это не мог не прореагировать. Нашитуну в ответном письме предписывалось привести все свидетельства о контактах Абд ар-Рахима с Ирданой, напомнить беку, что цинские власти намеревались двинуть войска на Коканд, но император соизволил милостиво простить его «вину» [106, т. 724].

В результате поездки Сышици Пекин заполучил еще одно наглядное свидетельство «лояльности» среднеазиатских правителей. В Маргелане Сышици встретил китайского солдата Лю Вэя. Во время взятия войсками Чжао Хуэя Яркенда его увели в плен подданные Ирданы. Все попытки Лю Вэя бежать из Ферганы заканчивались безрезультатно: его не пропускали через кокандские пикеты. «Как же посмели держать

под арестом и стереж [Лю Вэя]?» — писал в бессильном гнев цинский император [106, т. 724]. В случае повторения подобных инцидентов они будут подлежать строгому расследованию — это Нашитуну надлежало объявить посланцам Ирданы.

Вопреки заверениям Сышици об отсутствии у Ирданы каких-либо враждебных намерений, Минжуй, синьцзянский наместник, опасался совместного выступления кокандцев, киргизов и казахов. Минжуй насторожился тот факт, что киргизские старшины после взаимных столкновений с казаками решили было лично встретиться с казахскими султанами Аблаем и Абулфеизом. Последний же в свое время дружил с Ирданой. В связи с этим Минжуй допускал возможность сговора между Ирданой, казахскими и киргизскими владельцами против Цинской империи [106, т. 724]. В Пекине абсолютно не исключали такой перспективы. Указом от 23 декабря 1764 г. синьцзянским властям предписывалось быть начеку и в случае, если «сговор» действительно имеет место, «воспользоваться тем, что они не подготовились» [106, т. 724].

Пример с ишик ага-беком Абд ар-Рахимом наглядно проиллюстрировал то обстоятельство, что на Коканд как на опору или место прибежища смотрели коренные жители Кашгарии, совершая выступления против цинских властей.

В 1760 г. группа уйгур напала на военную станцию. Один из участников нападения Мосы-Ходжа бежал в Коканд. Кашгарский воинский начальник Хаймин в начале 1761 г. направил Ирдана-бию письмо, требуя от него поимки и выдачи беглеца [106, т. 628]. Чем закончилось дело с Мосы-ходжей, неизвестно. Но сам по себе тот факт, что именно в Коканде ищет прибежища преследуемый цинскими властями предводитель уйгуров, весьма показателен. Не имея никаких оснований, злосчастный Абд ар-Рахим не рискнул бы звать Ирдану с войском в Кашгар. Обещая поддержку местного населения, он в определенной степени был убежден, что Коканд — государство единоверцев — не останется безучастным, когда в Кашгарии начнется борьба с поработителями — «неверными».

Это достаточно убедительно показало восстание жителей Уч-Турфана в 1765 г. Они отправили казначея-бека Ша-Зия-ад-Дина просить помощи у кокандского Ирданы-бия [106, т. 730]. Когда об этом стало известно в официальных кругах империи, то там вновь остро встал вопрос о кокандском правителе. Пока не располагая точной информацией, в Пекине мыслили двояким образом: или Ша-Зия-ад-Дин и его спутники были близки к казненному Абд ар-Рахиму и потому замыслили отомстить, или же Ирдана имел связи с вожаками повстанцев. Выяснить все это возлагалось на синьцзянского наместника Минжуя, двигавшегося с карательной армией на Уч-Турфан. В случае

непосредственной причастности Ирдана-бия к восстанию уч-турфанцев цинское правительство намеревалось обойтись без устных внушений. Без промедления «перебросив войска, наступать и истреблять,—гласил императорский указ (март 1765 г.).—После наведения порядка ставить в Коканде [нашего] дачэня не следует, [но], разумеется, стоит поручить управление другому беку» [106, т. 730]. Таким образом, речь шла о вторжении цинских войск в Ферганскую долину и ниспровержении Ирдана-бия. Вместо него цинское начальство намеревалось посадить на кокандский трон более приемлемую личность.

Некоторое время спустя, в другом указе Хун Ли вновь вернулся к этому вопросу. В Пекин пришло известие о посылке восставшими, уч-турфанами андижанцев просить помощи у Ирдана-бия. При дворе сочли необходимым до подхода карательных сил Минжуй к Уч-Турфану потребовать у Ирданы выдачи посланных из Уч-Турфана людей. Если бы Ирдана стал упорствовать, то, снова предписывал богдыхан, «на его место надлежит поставить другого бека» [106, т. 732].

Требовать выдачи братьев-андижанцев Бахауддина и Карамана, посланных из Уч-Турфана к Ирдане, цинскому командованию не довелось. Обоих их перехватили по пути в Коканд и выдали цинским властям.

Ирдана-бий пытался в какой-то мере сгладить наслоения, возникшие во взаимоотношениях с Поднебесной. Уйгур Долишутэмот, посланный на разведку в Коканд, доставил письмо Ирданы цинскому чиновнику Бокуню. Тот в свою очередь передал его Минжуй. На проверку оказалось, что это ответ кокандского бека воинским начальникам Яркенда и Капгара. Минжуй, занятый руководством операцией против Уч-Турфана, не стал вдаваться в подробности дела, тем более, что письмо было адресовано не ему, и отправил его обратно Бокуню, переславшему эту бумагу. Беглое ознакомление последнего с ее содержанием показало, что Ирдана вел речь относительно обвинений в связях с Абд ар-Рахимом и рекомендовал яркендскому и кашгарскому начальникам не верить словам «подлого людя» [106, т. 741]. Тот факт, что ни Минжуй, ни чиновник Бокунь, к которому первому попало это письмо, не придали делу никакого значения, вызвал крайнее неудовольствие богдыхана. Однако в силу ряда обстоятельств вопрос этот был оставлен без последствий.

* * *

Стремление Цинского дома диктовать свою волю Ирдана-бию являлось одним из факторов, создававших напряженность во взаимоотношениях Коканда с Цинской империей. Едва пош-

ли на спад разговоры о возможной причастности Ирданы к восстанию в Уч-Турфане, как всплыло дело со старшиной киргизского племени кушчи Нарбутой. Подвергаясь притеснениям со стороны Ирданы, в 1762 г. он прибыл к кашгарским властям с изъявлением покорности и просил отвести места для кочевания. В том же году ходатайство Нарбуты удовлетворили [106, т. 674]. Но не прошло и трех лет, как Нарбута, пренебрегши полученными от цинских властей наградами, счел за благо откочевать в Ферганскую долину. Во исполнение императорского указа синьцзянские власти в конце 1765 г. направили Ирдане требование выслать Нарбуту, грозясь в случае непослушания «навести порядок» [106, т. 748]. Но добиться от него выдачи Нарбуты не удалось. Цинским властям пришлось удовлетвориться известием о смерти бия.

Таким образом, хотя Цинский дом и именовал Ирдана-бия своим вассалом, тот держался независимо. Больше того, в ряде случаев его действия объективно были направлены против империи Цин. Попытка властителя Поднебесной диктовать ему свою волю, с другой стороны, негативное отношение Ирданы к цинскому господству в Кашгарии — все это вместе взятое создало определенную напряженность во взаимоотношениях империи Цин и Коканда.

Преемник Ирданы Нарбута по вступлении на престол решил смягчить эти наслоения. В 1770 г. его посол Баймат прибыл ко двору богдыхана. Передавая ему наилучшие пожелания, Нарбута обещал превзойти своего предшественника в стремлении жить в мире и дружбе с империей Цин [106, т. 866]. Хун Ли пожаловал Нарбуте атласные ткани с изображением драконов, взамен же потребовал от кокандского правителя быть в мире с соседями, «не притеснять слабых» (подчинение Коканду киргизских племен отнюдь не устраивало цинский двор) и во всем руководствоваться предписаниями кашгарского и яркендского начальников [106, т. 866; 162, с. 50]. Иными словами, Хун Ли хотел видеть в лице правителя Коканда исполнителя своей воли. Нарбута же побуждений к тому вовсе не испытывал.

Вторично он отправил посольство в Пекин лишь спустя 12 лет. Кокандский посол Абул-Касим прибыл в столицу империи в 1782 г. не ради того, чтобы засвидетельствовать почтение богдыхану. Речь шла о судьбе андижанца Абдулы, схваченного в Яркенде за торговлю яшмой. Последняя являлась в Китае предметом казенной монополии. Заготавливать яшму могли только власти, купле-продаже она не подлежала. Абдулу, хотя он и не являлся подданным империи, отправили в Пекин и посадили в тюрьму. Нарбута через своего посла просил богдыхана помиловать Абдулу. Цинский двор, очевидно, решил не обострять отношений с новым правителем Коканда. Абдулу

освободили и отпустили вместе в Абул-Касимом [106, т. 1172, 1173].

Однако попытки пекинского двора диктовать свою волю Нарбуте, правителю независимого Кокандского государства, оказались безрезультатными. Он пропустил мимо ушей требование Хун Ли следовать указаниям кашгарской администрации. Это наглядно показали события, связанные с делом киргизского бия Борки. С известием о его откочевке из синьцзянских пределов кашгарские власти составили послание кокандскому беку, предупреждая его, чтобы он не укрывал Борку [106, т. 1189]. Отправить это письмо сразу в ставку Нарбуты кашгарский начальник Чэн Бао в силу каких-то причин не решился. Он сначала послал офицера цаньлина Юннина и представителя местной администрации казначея-бека на кокандскую границу с целью ознакомить чинов кокандской караульной службы с содержанием послания кашгарского начальства, чтобы они в свою очередь информировали о нем Нарбуту.

Если бы это не дало результата, тогда непосредственно уже к Нарбуте предполагалось послать объединенное посольство в лице одного гвардейского офицера, одного кашгарского бека, одного киргизского бия. Демонстрируя таким образом мнимое «единство» цинской армии, жителей Кашгарии и киргизов, посольство должно было предостеречь Нарбуту относительно последствий, которые он навлекает на себя своим непослушанием [106, т. 1189].

Нарбута не стал отрицать, что Борка находится в пределах его владений. Через направленного в Кашгар дугуань-бека Ходжа-Рахима Нарбута передал, что Борка ему враждебен и потому укрывать его нет резона. Однако кокандский правитель никак не выразил намерения выдать Борку цинским властям. Последнее обстоятельство насторожило советников Хун Ли, объяснивших его «слишком мягкими выражениями», в которых было составлено послание Нарбуте. Последнего заподозрили в стремлении испытать намерения цинского двора, проверить, насколько далеко он пойдет, чтобы заполучить Борку.

Словом, отношения нового кокандского правителя с Пекином складывались вопреки установкам властителя Поднебесной. Нарбута держался независимо. В складывающейся ситуации Цинский дом направил в Синьцзян следующие инструкции (указ 1784 г.). В случае высылки Борки из Коканда инцидент считать исчерпанным. Если же прибудет только посол от Нарбуты, то его отправить в Или и оставить там в качестве заложника. Нарбуту предупредить, что его посла продержат в заложниках до тех пор, пока тот не вышлет Борку.

Не будучи уверенным, что кокандский правитель пойдет на попятный из-за своего посла, цинский двор даже согласился оставить беку людей Борки и имущество. Речь шла о том,

чтобы убедить Нарбуту выдать лишь одного Борку — «мучителя» соплеменников. Сделать это кокандскому правителю, по мнению цинского двора, выгодно, ибо в противном случае Нарбута «провинится» перед правителем Поднебесной. «Если бы опять [Нарбута] не повиновался указу или, в конце концов, во главе толпы прибыл требовать [освобождения заложника], то великая армия [расквартированная] в Или... в состоянии расправиться [с ними]. Они разве смогут попытаться удачи?» — говорилось в указе Хун Ли [106, т. 1199].

Тем не менее после инцидента с Абд ар-Рахимом, восстания в Уч-Турфане, когда Пекину стало очевидным, что все антицинские силы в Кашгарии считают Коканд своим оплотом, предпринимать серьезные военные акции против него цинский двор не решался. С прибывшим из Коканда послом Байматом главноуправляющий делами Восточного Туркестана Чокэто сделать ничего не отважился, сославшись на то, что еще не вернулся ранее посланный илийским цзянцзюнем (синьцзянским заместителем) Илэту чиновник Дэ Лу. За допущенную нерешительность Чокэто получил взыскание от Хун Ли. «Нужно было, — указывал богдыхан, — допросить Баймата и без всяких промедлений сделать его заложником» [106, т. 1203].

Вскоре дело с Боркой отошло на второй план, а вопрос о доброжелательности Нарбуты встал еще острее. Причиной тому явился ходжа Сарымсак — сын Бурхан ад-Дина. Посланцы ходжи, который якобы обретался в Самарканде, объявились в Кашгаре. Известие это вызвало переполох не у одних синьцзянских чиновников, но и в Пекине. Цинский дом пришел к выводу, что только физическая расправа с Сарымсаком может внести успокоение в умы значительной части населения Кашгарии. «В конечном счете надлежит поступить так, как ранее докладывали они (кашгарские власти. — В. К.), имея в виду уничтожить его [Сарымсак], — говорилось в указе Хун Ли (1784 г.). — Только тогда удастся навечно рассеять сумасбродные помыслы невежественных мусульман» [106, т. 1203].

Заманить Сарымсака к себе цинским властям не удалось. Поэтому они решили обратиться к Нарбуте. Первым делом его наградили. Поводом к тому послужил такой факт. Подвластные Нарбуте киргизы совершили грабительский налет на Каратегин. Нарбута выявил виновных и вернул пострадавшим их имущество. В 1788 г. специальным указом Хун Ли предписал наградить Нарбуту за это несколькими кусками атласа, бархата и пр. Считаю, очевидно, что от такого дара Нарбута станет более податлив, богдыхан в том же указе попытался убедить кокандского правителя схватить и выдать Сарымсака. В упомянутом указе говорилось буквально следующее: «Ныне Сарымсак нашел приют у ходжентского бека

Худаяра. Неоднократно грабил купцов. Эти преступления в избытке. Сам навлекает на себя беду. Ты [Нарбута] хочешь (?! — В. К.) послать войска для его поимки. Если сможешь схватить [Сарымсака] и представить [его нам], мы, естественно, пожалуем тебе милости [106, т. 1307; 162, с. 41].

Хлопоты оказались напрасными. Пекин уведомили, что Нарбута якобы арестовал Сарымсака, но потом отпустил его [106, т. 1374]. В ответ цинский двор приказал кашгарским властям не пропускать кокандские посольства в столицу. В 1791 г. в Пекине стало известно об отправке Нарбутой послов в Или, откуда они рассчитывали уже выехать к цинскому двору. Там усмотрели «глубокое раскаяние» Нарбуты и приказали Баонину, наместнику Синьцзяна в случае прибытия послов из Коканда пропустить их, объявив, что это временная уступка. Если же Нарбута схватит Сарымсака, находившегося, по предположению, в Ура-Тюбе, и вышлет его, то кокандские посольства получают постоянный доступ ко двору, а сам бек будет щедро награжден [106, т. 1374].

Неизвестно, приезжали ли после этого кокандские послы в Или. Кашгарский же наместник Мин Лян получил письмо от Нарбуты, который сообщал о своем намерении направить посла в Пекин. Цинский двор согласился принять его, поскольку письмо Нарбуты было, по его мнению, выдержано в «почтительном духе». Объясняя мотивы такого решения Мин Ляну, Хун Ли писал: «Вспоминаем, что он [Нарбута] глупый бек, и [поэтому] еще можно простить ему, что не смог схватить и выслать Сарымсака» [106, т. 1404]. Скидкой на «тупость» Нарбуты богдыхан пытался прикрыть свое бессилие добиться от кокандского бека выдачи ходжи.

В императорском манифесте, адресованном Нарбуте, прямо говорилось, что, отпустив пойманного Сарымсака, он провинился перед Поднебесной: «По сути дела тебя надлежало наказать, [но] помнишь, что ты в конечном счете — иноземный варвар, не сведущий в этикете» [106, т. 1420; 113, т. 117, л. 2а]. Поэтому для острастки тогда и было запрещено пропускать кокандские посольства в Пекин.

Кокандское государство, как явствует из упомянутого манифеста, было совершенно независимым государством, и спросить с его правителя за совершаемые поступки Пекин не мог. Там, очевидно, заключили, что разжигать понапрасну страсти из-за Сарымсака не стоит, лучше жить с Кокандом в мире. Решение Нарбуты отправить очередное посольство цинский двор в послании кокандскому правителю квалифицировал как акт «раскаяния». За то, что он «осознал» свой «проступок», его послов решено было допустить ко двору, а самому ему преподнести подарки. Богдыхан, заверяя Нарбуту в своем стремлении жить в мире и согла-

сии с соседними «варварами», призывал его не порождать инцидентов, держать в узде своих подчиненных [112, т. 117, л. 26].

Обстоятельства складывались так, что Пекину приходилось афишировать свое миролюбие и призывать соседних правителей не вмешиваться в кашгарские дела. Цинский двор рассчитывал было сам управиться с Сарымсаком и нейтрализовать возможные акции со стороны среднеазиатских правителей против интересов империи. Кашгарскому наместнику специально предписывалось отправить группу местных мусульман в Коканд и другие районы, чтобы «навести порядок» в тех событиях, которые происходят за кордоном. О чем конкретно шла речь, неизвестно. Очевидно, цинским лазутчикам надлежало выкрасть Сарымсака или совершить какие-то террористические акты. Предписания этого, как явствует из указа от 26 апреля 1793 г., кашгарский наместник Мин не выполнил, за что был снят с должности. На его пост поставили Юн Бао [113, с. 210].

В начале 1793 г. кокандские послы Мярза-Маим-Раим, Силибу и другие были приняты цинским двором.

Маловероятно, чтобы в Пекине полностью предали забвению позицию кокандского двора в вопросе с Сарымсаком. Очевидно, цинские министры сочли более целесообразным не разжигать понапрасну страстей, чтобы лишить кокандскую верхушку возможности набивать себе цену. Но, если бы они даже хотели забыть о Сарымсаке, он снова напомнил о себе.

В конце 1796 — начале 1797 г. кашгарским властям стало известно о намерении Сарымсака при поддержке каратегинских киргизов напасть на Кашгар. Цинское пограничное начальство срочно усилило караульную службу. Но тут вновь заявил о себе Нарбута. Он якобы воспрепятствовал Сарымсаку проникнуть в Кашгарию и послал своего сына Мухаммед-Эмина на поимку Юсуфа, отпрыска Сарымсака. Однако, по уверению Нарбуты, Сарымак с Юсуфом сумели бежать, очевидно в Шахрисяба, к тестю Сарымсака. В Пекине усомнились в правдивости сообщения Нарбуты, но предпринимать ничего не решились, раз «Сарымсак бежал так далеко» [105, т. 24]. Не подавая виду насчет своих сомнений, Хун Ли якобы за проявленное рвение распорядился наградить Нарбуту титулом «бэйле» (князь), с вручением ему соответствующих чиновных знаков — шарика на шапку и пера. Но тут вышла неувязка. Как сообщил двору кашгарский правитель Чан Линь, Нарбута якобы сам провозгласил себя ахуном, т. е. принял духовный сан. Ахуну же не подобает носить чиновное звание. В этой связи Чан Линь и запрашивал императора, посылать ли Нарбуте грамоту о пожаловании титула и знаков чиновного достоинства. Богдыхан пошел на попятную. В 1797 г. он направил письмо Нарбуте, где извещал о сво-

ем прежнем намерении и о причине отказа от него: «Мы намеревались дать тебе чиновную должность, но узнали, что ты стал ахуном, а по мусульманскому обычаю ахуну не следует занимать бекскую (?! — В. К.) должность» [105, т. 24]. Взамен чиновных знаков богдыхан презентовал Нарбуте ожерелье, два куска парчи, отрез атласа с изображением четырехпалого дракона, два куска муара. Как бы там ни было, но от цинского двора правитель Коканда добился признания того, что от него в немалой степени зависит, быть или не быть Сарымсаку и его близким в Кашгарии.

Поддерживать с Цинской империей хотя бы внешние нормальные отношения Нарбуту заставляли причины чисто материального свойства. Торговля в Синьцзяне имела немаловажное значение для Коканда, и бек стремился обеспечить твердые позиции андижанцев на синьцзянском рынке.

На время правления Нарбуты пришлось ограничение торговой деятельности андижанцев в Синьцзяне. Первопричиной тому было прекращение русско-китайской торговли в Кяхте, предпринятое по инициативе цинского правительства. Соответственно оно взяло под контроль торговлю ревенем и русскими товарами, осуществлявшуюся в Синьцзяне андижанцами. «Ревень — основной продукт, необходимый России, — гласил указ от 1788 г. — Или, Кашгар и другие местности Синьцзяна граничат с бурутами и местностями Андижана. Из тех мест после того, как запретили торговлю в Кяхте, можно сноситься с Россией... Если не повелеть, дабы строго пресекли [торговлю андижанцев ревенем], то русские смогут по-прежнему получать ремень. Какая тогда разница с тем, что в Кяхте не запретили торговлю?» [106, т. 1320]. Годом позже вышел еще один указ, обязавший власти Или, Тарбагатай, Кашгара и Яркенда усилить таможенный досмотр, чтобы воспрепятствовать вывозу ревеня и привозу изделий русского производства [106, т. 1321]. В сравнении с приезжающими для торговли казахами и киргизами наибольшие опасения у цинского двора вызывали именно андижанцы. «Часто [они] у русских торгуют. Русские совращают их приезжать в Или, — говорилось в указе богдыхана. — Казахи и буруты еще простых нравов, вряд ли отправятся в Россию... Андижанцы, однако, лукавы. Опасаемся, что русские настраивают их, [андижанцев] следует строго проверять» [106, т. 1325].

Вопреки запрету андижанцы действительно скупали для перепродажи много ревеня, привозили русские изделия. Большие барыши заставляли их порой идти на риск. Как докладывал чиновник Фу Сун, у 9 андижанцев в Аксу обнаружили 7080 цзиней* ревеня. Фу Сун решил наказать их, конфисковав 80% то-

вара. Хун Ли считал наказание недостаточным и приказал изъять в казну весь ремень.

Несколько позднее кашгарский наместник Мин Лян докладывал в Пекин о присылке из Или под конвоем андижанцев Шахалиндара и др. По прибытии в Кашгар изъятые у них русские товары власти опечатали, а самих их выставили за кордон. Тот же Мин Лян просил санкции двора, чтобы посадить в колодки на месяц андижанца Шичонкула и еще четырех человек. Богдыхан не только одобрил предложение Мин Ляна, но и распорядился дать арестованным по 40 палок и изгнать их за кордон.

В порядке борьбы с продажей русских товаров андижанцам запретили проезд через Мурзартский перевал, связывавший Кашгарию с Илийским краем. Относительно этого запрета в указе от 1790 г. специально говорилось: «Они [андижанцы] — люди удела, расположенного вне линии караулов. Раз идут из внешней территории, то разве дело не доходит до того, что тайно проносят для перепродажи товары русского производства?» [106, т. 1365].

Андижанцев рассматривали не только как посредников русской торговли, но и как связанных Сарымсака. Так, чиновник Юй Ци докладывал в Пекин, что помимо русских товаров у андижанцев, приезжающих в Кашгарию, искали письма Сарымсака, для чего раздевали торговцев догола [106, т. 1365].

Полицейские меры цинских властей распространялись и на личную жизнь андижанцев в Кашгарии. Вышедший в 1795 г. указ запрещал девушкам, уроженкам Кашгарии, из-за замужества уезжать в Андижан [106, т. 1488].

Конец XVIII в. ознаменовался разрывом дипломатических отношений между Кокандом и Пекином. В 1799 г. новый кокандский правитель Алим намеревался направить посольство в столицу Цинской империи, но оттуда в Кашгар пришло уведомление о временном прекращении допуска ко двору кокандских послов [135, т. 4, л. 5а].

Таким образом, проявив инициативу в установлении дипломатических контактов с Кокандом, Цинская империя сама же их и прервала. Разрыв дипломатических отношений Пекин рассчитывал использовать как средство нажима на кокандский двор, чтобы он держался лояльно в отношении империи Цин.

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ И БАДАХШАН

Кампания в Восточном Туркестане непосредственно затронула и памирские уделы.

Оказавшись не в состоянии сдержать наступление цинских войск, братья-хожди сумели ускользнуть от преследователей. Куда бежали «главари мятежников»? Этот вопрос не давал покоя ни богдыхану, ни его полковод-

* Цз и н ь — китайская мера веса, равная 596,816 г.

цам. Вероятным, в частности, было бегство ходжей в Бадахшан. Цинское командование располагало информацией об этом их намерении. «Если беглецы действительно уйдут в Бадахшан, то войска вторгнутся туда», — докладывал трону командующий Чжао Хуэй в июле 1759 года [106, т. 591].

Соединение Фу Дэ, преследуя отряд ходжей, разгромило его в Аличуре и вышло к оз. Япиль-куль. Произведенная разведка показала — это уже граница Бадахшана. Ходжи бежали туда [106, т. 595]. Фу Дэ не отважился преследовать их, мотивируя тем, что далее вела единственная дорога, по которой в состоянии проехать лишь один всадник. Он решил объявить бадахшанцам, чтобы те сами схватили и выслали «мятежных разбойников». По получении известий от Фу Дэ император один за другим спустил несколько указов министрам Цзюньцзичу. В первом говорилось: «Если Бадахшан свяжет и представит главарей разбойников, то на этом и конец. Возможно, [у бадахшанского правителя] будут колебания, тогда на будущий год двинуть войска» [106, т. 595]. Следом же Хун Ли предписал отправить 1 тыс. коней, закупленных у казахов, в лагерь Фу Дэ, имея в виду возможность похода в Бадахшан. Тем временем часть войск Фу Дэ под командованием Минжуя и Хадаха оседлала дороги на севере Бадахшана с целью воспрепятствовать бегству ходжей.

Ситуация складывалась довольно сложная, о чем свидетельствует очередной указ Хун Ли. Фу Дэ, памятуя об ошибке Цэрэна, промедлившего направить требование Аблаю о выдаче Амурсаны, проявил оперативность с отправкой посланца к бадахшанскому правителю. Богдыхан одобрил этот шаг, но в то же время указал, что схватить беглецов можно было бы через каких-то пару дней погони. Однако цель китайского вторжения в Бадахшан не ограничивалась поимкой ходжей. «Может быть считать Бадахшан внешней оградой [империи]?» — вопрошал богдыхан [106, т. 595]. Иными словами, он поднимал вопрос о возможности включения Бадахшана в сферу влияния Цинской империи, имея в виду превратить его в своеобразный буфер на западных рубежах Поднебесной. Военные же действия цинских войск на бадахшанской территории могли произвести нежелательное впечатление на местное население. Вот почему богдыхан и писал, что «неудобно стращать» жителей Бадахшана.

Новое донесение Фу Дэ дало основание цинскому двору заподозрить бадахшанцев в сговоре с ходжами. Фу Дэ докладывал о показаниях неких бадахшанцев, согласно которым Ходжа-Джихан намеревался бежать в другую страну. Свидетельства эти Фу Дэ поставил под сомнение. В Пекине тоже расценивали упомя-

нутые показания как уловку, призванную прекратить преследование. В подтверждение привели пример с Амурсаной, когда он укрылся в Семипалатинской крепости. Цинские министры пока решили, что Фу Дэ следует продолжить преследование. Если бадахшанский правитель вопреки требованию немедленно не выдаст ходжей, тогда будет послана требовать их выдачи армия, «чтобы выкорчевать корни» [106, т. 595].

Очередной доклад Фу Дэ укрепил мнение Хун Ли, что бадахшанцы укрывают ходжей. Как сообщил Фу Дэ, к нему прибыли люди от Ша-Мансура, бека бадахшанского селения Гуньду. По их словам, бадахшанцы преследуют ходжей за совершенный грабеж. В своем указе (октябрь 1759 г.) Хун Ли расценил эти показания как подвох со стороны бадахшанцев, имеющий целью снять с себя ответственность за укрывательство ходжей.

Все попытки Фу Дэ установить контакты с бадахшанским правителем пока оставались безрезультатными. К нему неоднократно направлялись представители цинского командования, но вестей не было. Наконец, Фу Дэ послал к бадахшанскому владельцу уйгурского бека Ходжа-Сы, а вместе с ним батуру-шивзя Элэдэна с сотней солдат с требованием выдать Ходжа-Джихана и его людей.

За проявленную инициативу Фу Дэ получил из Пекина выговор, так как он не поставил о ней в известность своего непосредственного начальника Чжао Хуэя, вызывал сомнения в исходе этого предприятия: «К тому же из-за того, что один Ходжа-Сы скажет, разве Бадахшан тут же схватит разбойников и представит их?» [106, т. 597].

Пока из Пекина везли этот указ, в ставку Фу Дэ вернулся посланный им элут Адаши. С ним были уже упоминавшийся Ша-Мансур и Мирза-Мирхонд, посланец некоего бека Алима. Оба они заверяли Фу Дэ в лояльности, говорили, что принимают меры к задержанию ходжей, и все это они делают исключительно из-за стремления обеспечить себе «спокойную жизнь» [146, т. 78, л. 66]. Иными словами, оба бадахшанца стремились предотвратить вторжение цинских войск.

Заверения Ша-Мансура и Мирза-Мирхонда Фу Дэ на веру не принял, заподозрив в них лазутчиков, выведывающих обстановку [146, т. 78, л. 66]. Этим бадахшанцам Фу Дэ сделал внушение такого рода: поскольку ранее отправленные им люди еще не вернулись, то, очевидно, Султан-шах заодно с ходжами; если по прошествии 12 дней не будет ответа на письмо, которое они сейчас получают, цинские войска пойдут в наступление [146, т. 78, л. 66].

Но тут возвратился сарыколец Ша-Мамут, которого Фу Дэ посылал в Бадахшан. С Ша-Мамутом приехали Саид-Даулет, посланец шугнан-

ского бека Шамура, и представитель правителя селенья Чочун Ванджара Санджин. По словам Саид-Даулета, письмо цинского командующего с требованием выдать ходжей было переслано бадахшанскому правителю. Он вместе с Шамуром сражается с ходжами. Но местность, где сейчас разместились Ходжа-Джихан, соседствует с Бухарой, Самаркандом и Коканом, поэтому не исключено, что схватить ходжей бадахшанцам не удастся [146, т. 78, л. 76, 8а].

Ко всему сказанному Фу Дэ отнесся с недоверием, заподозрив бадахшанцев в намерении спасти ходжей. Цинский военачальник отправил обратно вместе с Саид-Даулетом и Санджином офицеров Сайиньту, Кэшикэту и уйгурского бека. Одновременно Фу Дэ пригрозил, что цинские войска по нескольким направлениям идут в бадахшанские пределы.

В действительности, не отваживаясь углубиться туда, Фу Дэ усиливает дозоры. Он специально выдвигает вперед отряд под командованием фудутуна Ичжу и Бату-Цэйргэра.

В Пекине, ознакомившись с донесением Фу Дэ, решили, что если Султан-шах еще не выдал ходжей, то Фу Дэ следует временно отвести войска, а новое наступление предпринять в будущем году [146, т. 78, л. 9а].

Но тут Фу Дэ сообщил о возвращении ранее посланных в Бадахшан шивзя-элюта Самутаня и Бек-Султан-ходжи. С ними приехал и посол Султан-шаха Омурбай.

Самутань вкратце доложил следующее. Он информировал Султан-шаха, что Ходжа-Джихан — «бунтовщик», убивший сановника китайского императора. Его войска, если бы углубились в бадахшанские пределы, давно бы уже схватили ходжу. Но правитель Китая вовсе не хотел тревожить ни в чем не повинное население. Поэтому послали его, Самутаня, уведомить о необходимости срочно выдать ходжей [146, т. 78, л. 176, 18а]. На это Султан-шах ответил, что ничего не знал о «проступках» Ходжа-Джихана. После встречи с его представителями Султан-шах пригласил обоих ходжей в свою ставку. Бурхан ад-Дин приехал в город. Ходжа-Джихан, находясь вне городских стен, требовал у Султан-шаха выдать ему цинских представителей, обещая взамен свою покорность [146, т. 78, л. 186]. Когда Султан-шах ему отказал, Ходжа-Джихан взялся за оружие. В ответ правитель Бадахшана арестовал Бурхан ад-Дина, а потом окружил отряд Ходжа-Джихана. В завязавшейся борьбе ходжа был схвачен.

Заполучить ходжей Самутаню не удалось. Султан-шах советовался со своими старшинами и ахунами. После этого Самутаню было сказано, что потомков пророка нельзя выдавать. В противном случае соседние уделы нападут на Бадахшан, а помощь от Китая не подоспешет [125, т. 78, л. 19а].

На прощанье правитель Бадахшана просил Самутаня, чтобы тот сообщил цинскому командованию о близкой смерти Ходжа-Джихана. Бурхан ад-Дипа, как Самутань узнал по слухам, якобы отправили в Бухару.

Самутань с Омурбаем были еще в пути, когда Султан-шах им вдогонку отправил человека с известием о кончине Ходжа-Джихана.

Фу Дэ всячески запугивал бадахшанского посла Омурбая, чтобы тот убедил Султан-шаха выслать Бурхан ад-Дина и разрешить освидетельствовать останки Ходжа-Джихана. Сделать это, как еще внушалось Омурбаю, надлежало и в порядке благодарности. Ходжа-Джихан, говорил Фу Дэ, намеревался было захватить Бадахшан, но цинская армия помешала ему. Бадахшанский правитель не только сохранил целостность своего владения, но и поживился имуществом ходжей.

В защиту Султан-шаха Омурбай сказал, что духовенство не одобряло действий против ходжей. Но если командующий пошлет своего представителя, Султан-шах не посмеет не выполнить требования [146, т. 78, л. 20а]. На вопрос относительно отправки ходжи в Бухару Омурбай ответил, что речь об этом шла, но из-за враждебных отношений с Бухарой это невозможно. В двух днях пути от Бадахшана, сказал Омурбай, есть место, где содержат преступников, возможно, ходжу и держат там [146, т. 78, л. 20б].

В конечном счете Омурбая отправили обратно с наказом в назначенный срок выслать живого ходжу и его близких и голову погибшего. Если они не придут в определенный срок, тогда цинская армия идет на Бадахшан [146, т. 78, л. 20б]. Вместе с Омурбаем снова был послан Самутань. В целях обеспечить его безопасность Фу Дэ тайно отрядил офицеров Эрдэнэ, Удаю, Чэн Го с отрядом солдат.

Следом же Фу Дэ отправил отряды под командованием Ичжу, Бату-Цэйргэра и бека Ходжа-Сы в сопредельную с Ваханом местность. Решился на это цинский командующий лишь после того, как удостоверился, что это безопасно. Правитель Вахана Мир-Мансур, напуганный известиями о передвижениях цинских войск, счел за благо заверить Фу Дэ, что никаких помех не станет чинить империи Цин. Но ехать в его ставку Мир-Мансур все же не отважился, а прислал сына [146, т. 78, л. 21а; 132, т. 103, л. 5а].

Богдыхан Хун Ли выразил недовольство действиями Фу Дэ. Если бы он сразу вторгся в бадахшанские пределы, говорилось в указе от 7 ноября 1758 г., то давно бы уже схватил ходжей. Однако, сидя сложа руки, упустил удобный момент [146, т. 78, л. 21б]. Богдыхан не был полностью уверен, что Султан-шах поспешит выслать ходжу. В этом случае на будущий год надлежало пойти войной на Бадахшан [146, т. 78, л. 21б].

Пока же Хун Ли счел нужным направить Султан-шаху специальное послание. В нем богдыхан первым делом объявил бадахшанского мира своим вассалом: «Мы — единый владыка Поднебесной, в равной мере как в ней, так и за ее пределами, всех утешаем и кормим. К тому же ты, почитая цивилизацию, [нам] покорился» [106, т. 597]. Свидетельством этой «покорности» в глазах цинского двора, очевидно, послужил факт убийства одного и пленение другого ходжи. Далее император объяснил Султан-шаху, почему была предпринята кампания против ходжей. Прежде всего потому, что они «оказались неблагодарными» за освобождение из джунгарского плена и вознамерились стать независимыми правителями Восточного Туркестана [106, т. 597]. Ходжи показали себя насильниками, нарушителями предписаний мусульманской веры, внушал Хун Ли, так что покровительства они не заслуживали. Опасения мира, что в случае выдачи ходжи и его близких, которые считались потомками пророка, от него отвернется духовенство и, возможно, даже нападут соседние владетели, богдыхан счел простой отговоркой. Зато он нарисовал Султан-шаху такую перспективу: «Ныне великая армия угрожает безопасности [твоих границ], временно сделала передышку. На будущий год конники непременно соберутся тучей. И тогда кто сможет помочь тебе?» [106, т. 597].

«Что касается военной мощи моего великого государства, — продолжал Хун Ли, — то вам должно быть [о ней] известно. О покорении Джунгарии — по слухам, что же касается подчинения Яркенда, Кашгара и о беспорядочном бегстве многотысячных толп „разбойников“, то это происходило на ваших глазах. Тебе, Султан-шах... не надо обращать внимания на слова людей, вышли тело Ходжа-Джихана с Бурхан ад-Дином» [106, т. 597]. Для поощрения Хун Ли пожаловал миру 4 куска атласа.

Главкомандующий Чжао Хуэй полагал, что сам бадахшанский правитель не рискнет, «безрассудствуя», доводить дело до конфликта, но вот подчиненные Султан-шаха «решили посмеяться» и сваливают один на другого [146, т. 79, л. 36]. Если войска двинутся, резюмировал Чжао Хуэй, бадахшанцы очень быстро выдадут требуемое [146, т. 79, л. 36].

Срок присылки Бурхан ад-Дина и головы Ходжа-Джихана, установленный Фу Дэ, очевидно, истек. Почему он и докладывал, что разворачивает наступление, «чтобы поднять авторитет» [146, т. 80] и требовать выдачи «разбойников». В ответ на просьбу Фу Дэ о присылке провианта Чжао Хуэй в дополнение к ранее отправленной 1 тыс. даней* зерна дополнительно послал 500 даней из запасов в Янги-Гиссаре [146, т. 80, л. 26а].

* Дань — китайская мера веса, равная 59,6816 кг.

Пока шли эти приготовления батур-шивэй Элэдэнэ доставил бадахшанскому миру послание и подарки богдыхана. При встрече с послом Султан-шах заявил ему, что оба брата-ходжи убиты.

По словам мира, ходжи и их близкие содержались под арестом. Однако правитель Купдуза потребовал выдать ему ходжей. К тому же еще Ходжа-Джихан намеревался тайно вступить в сношения с враждебным Бадахшану Дарвазом. Во избежание будущих бед и было решено покончить с ходжами [146, т. 81, л. 16]. Из этих объяснений правителя Бадахшана отнюдь не явствует, что, решая судьбу ходжей, он принимал во внимание цинский двор.

На это бадахшанскому миру указал Элэдэнэ, выразив неудовольствие тем, что Султан-шах не выдал ходжей, а убил их сам [146, т. 81, л. 16 — 2а]. Выдать головы убитых, как этого требовал цинский представитель, мир упорно отказывался, ссылаясь на тексты канонических книг. В конечном счете Султан-шах сказал, что если он сам их выдаст, то народ его выйдет из повиновения.

В подтверждение своей лояльности богдыхану Султан-шах соглашался на освидетельствование останков представителями цинского командования.

Первыми освидетельствовали тело Ходжа-Джихана ювэй Надаци (будучи в плену у джунгар, он хорошо знал обоих ходжей) и мусульмане Султан-ходжа и Минзапар. Все они подтвердили, что это Ходжа-Джихан [146, т. 81, л. 2а]. Останков же Бурхан ад-Дина обнаружить не удалось.

С головой Ходжа-Джихана и людьми из окружения ходжей, очевидцами их гибели, Элэдэнэ возвратился из Бадахшана в ставку Фу Дэ. Голову ходжи осмотрели лица, знавшие его (бек Ходжа-Сы, Мола Гопо-ходжа, дядька Ходжа-Джихана Нияз-сопи), и все они признали, что это — голова Ходжа-Джихана [146, т. 81, л. 46 — 5а].

Если так или иначе Фу Дэ удостоверился в гибели Ходжа-Джихана, то он сомневался в смерти Бурхан ад-Дина. Сначала правитель Бадахшана информировал, что Ходжа-Джихан умер, тогда как Бурхан ад-Дин был под арестом. А потом мир сказал, что обоих ходжей убили одновременно. Указав бадахшанскому посланцу Дуван-беку на это противоречие, Фу Дэ обвинил бадахшанцев в том, что они словчили: укрыли Бурхан ад-Дина, а выслали лишь тело Ходжа-Джихана [146, т. 81, л. 5а].

Разъяснения Дуван-бека свелись к следующему. Действительно, оба ходжи были схвачены. Однако тут же соседние владетели стали требовать у бадахшанского мира их выдачи. Если бы их отпустили, то они потом непременно стали бы мстить. Поэтому было объявлено, что Ходжа-Джихан умер, но мир хотел, чтобы цин-

ское командование удостоверилось, что ходжи под арестом. После отъезда Самутаня на Бадахшан напал правитель Кундуза, требуя освободить ходжей. Тогда-то и решили убить их. Не зная, что тела ходжей так важны, охрапели их не придали значения [146, т. 81, л. 6а].

С учетом показаний очевидцев гибели ходжей Фу Дэ принял на веру объяснения Дуванбека. На этом западная кампания закончилась. Во главе армии Фу Дэ вернулся в Яркенд. Посла бадахшанского мира Султан-шаха Эмурбека он отправил в столицу империи.

Убийство ходжей и присылку головы одного из них Пекин расценил как проявление лояльности со стороны правителя Бадахшана. В порядке поощрения ее богдыхан распорядился послать Султан-шаху 4 куска атласа с изображением четырехпалого дракона, обещая награждать его еще по прибытии посла [146, т. 81, л. 21а].

В этом же послании Хун Ли поднял вопрос о судьбе Абухайра и Османа, доверенных лиц ходжей. Имена их были хорошо известны жителям Яркенда и Кашгара. Богдыхан соглашался, чтобы Абухайр и Осман остались в Бадахшане, но при условии, что мир не позволит им проникнуть в Кашгарию [146, т. 81, л. 126]. Иными словами, цинский двор, не имея возможности заставить бадахшанского мира беспрекословно выполнять свои требования, тем более, что Пекину предстояло еще закрепиться в собственно Кашгарии, сознательно шел на компромисс. При этом Пекин не имел возможности проверить, в какой степени мир Бадахшана как независимый правитель мог контролировать действия ходжей и их людей.

Гибелью ходжей Пекин вроде бы удовлетворился, и напряженность во взаимоотношениях с Бадахшаном на время спала. «Ныне мятежник и разбойник (т. е. Ходжа-Джихан — В. К.) лишился головы. Отныне граница спокойна. Все уделы навечно удостоились мира», — гласил императорский указ от ноября 1759 г. [106, т. 599].

В свою очередь Султан-шах предпринял дальнейшие шаги к нормализации отношений с Цинской империей, в частности направил посольство в Пекин [106, т. 599]. Богдыхан согласился приять посольство бадахшанского мира. Не упуская случая пустить пыль в глаза «варварам», Хун Ли распорядился, чтобы на всех станциях были наготове свежие лошади для смены. Забегая вперед, отметим, что на проводы бадахшанских послов Хун Ли не расщедрился. В Хами им дали верблюдов только для перевозки императорских подарков. Везти купленное послам надлежало за свой счет [147, т. 3, л. 1а].

В церемониал приема император предписал включить и парад восьмизнаменных войск, чтобы знали боевую готовность Небесной династии [106, т. 599].

В феврале 1760 г. цинский двор принимал послов из Бадахшана Эмурбека, Багурбека.

Направляя посольство к цинскому императору, Султан-шах прежде всего стремился заручиться его поддержкой в случае нападения соседей. Послы бадахшанского мира изложили его опасения относительно возможного вторжения соседнего удела из-за гибели Ходжа-Джихана. Как же реагировал на это цинский двор? Признавая заслугу Султан-шаха в деле с ходжами, император пожаловал ему одежду с драконами. Воевать из-за Ходжа-Джихана, говорилось в императорском послании, никто не станет, ибо всем известно, что Ходжа-Джихан всего-навсего «неблагодарный смутьян».

«Если у тебя, — говорилось в этом же послании, — с соседними владениями прежде были раздоры, тогда надлежит тебе самому управляться. Возможно, действительно из-за Ходжа-Джихана начнется война, [тогда] можно представить рапорт находящемуся в Яркенде начальнику» [106, т. 606]. Хун Ли не хотел расхолаживать бадахшанского мира прямым отказом в помощи, почему и рекомендовал обратиться в случае нападения к яркендскому начальству.

Воздерживаясь от каких-либо конкретных обязательств в отношении Бадахшана, Хун Ли в то же время не преминул напомнить Султан-шаху, что благодаря войскам Цинской империи Бадахшан избавился от нападений джунгар. Бадахшанскому правителю ясно давалось понять, что ему следует смотреть на Поднебесную как на спасительницу. А чтобы спокойно жить в дальнейшем, Султан-шаху надлежало обуздать своих подчиненных, дабы они «не покушались на интересы империи».

Императорское послание бадахшанскому миру отвоз шивэй Минжэнь (прибыл 15 октября 1760 г.). Султан-шах пожаловался Минжэню на частые нападения соседей и попросил совета, как управиться с врагами. «В послании богдыхана все растолковано», — ответил цинский посланец [147, т. 8, л. 30а]. Этим мир Бадахшана, однако, не удовлетворился и спросил, не пришлют ли цинские власти ему на подмогу 10 тыс. солдат [147, т. 8, л. 30а]. Никаких надежд на этот счет Минжэнь не оставил. Как он выяснил, Султан-шах сам не упускает случая напасть на соседей. Поэтому и сообщать императору о просьбе мира нет оснований. Кроме того, снабжать членов прибывшего посольства Султан-шаху и то трудно, а если речь пойдет об обеспечении провиантом 10 тыс. солдат? «Живи в мире с соседями, — закончил свои сентенции Минжэнь, — и соседи оставят тебя в покое» [147, т. 8, л. 306]. Опасения глубоко увязнуть в конфликтах, возникавших между соседними государствами, побуждали цинский двор ограничиться лишь лицемерными наставлениями бадахшанскому миру, в то же время не оказывая ему никакой помо-

щи. Выступить на стороне правителя Бадахшана значило ввязаться в распря, которая для цинского господства в Восточном Туркестане была чревата непредсказуемыми последствиями.

Таким образом, в 1760 г. имели место официальные контакты между бадахшанским миром и цинским двором. Следом бадахшанцы налаживают торговлю в городах Кашгарии.

Драгоценные камни составляли одну из основных статей привоза из Бадахшана в пределы Цинской империи. В «Уложении палаты финансов» был специально зафиксирован размер торгового сбора за продажу самоцветов из Бадахшана [139, т. 42, л. 20 а].

Установление контактов с Бадахшаном цинский двор рассчитывал использовать для того, чтобы оказывать определенное влияние на ход событий на Памире, преследуя цель обезопасить рубежи империи и упрочить устой своего господства в Кашгарии.

* * *

Вопреки заверению Хун Ли, что с убийством Ходжа-Джихана (его голова была выставлена для обозрения в Пекине) сопредельные с Кашгарией владения обретут покой, этого не произошло. И «нарушителем спокойствия» выступил сам богдыхан. Некий яркендец Талип-ходжа, выкупленный из рабства в Бадахшане, сообщил кашгарским властям, что там находятся три сына Бурхан ад-Дина: Ходжа-Ашим, Абдухалик, Ходжа-Бахауддин [106, т. 637]. Их малолетними увел в Бадахшан отец при бегстве из Кашгарии. Наместник Восточного Туркестана Шухэдэ и его советник Эмин-ходжа, посоветовавшись, в июне 1761 г. представили свои соображения трону. Требовать у Султан-шаха выдачи упомянутой троицы нецелесообразно, решили в Пекине, мир станет набивать себе цену [106, т. 637]. Лучше поступить так: несколько яркендцев во главе с верным человеком по имени Шипи якобы для торговли отправятся в Бадахшан. Там они установят контакты с прислугой сыновей Бурхан ад-Дина и уговорят ее со своими питомцами прибыть в Китай. Проезд через кокандскую территорию должен был обеспечить агалыкчи Мир-Мансур, заранее уведомленный о предприятии [106, т. 637].

По ряду причин план этот остался лишь на бумаге. Яркендский начальник Синьчжу предложил прямо потребовать, чтобы бадахшанский мир Султан-шах вывез и выслал всех трех отпрысков Бурхан ад-Дина. В феврале 1762 г. император предписал передать Султан-шаху через бадахшанских посланцев специальное послание. Первым делом напомнив о пожалованных ему «милостях», Хун Ли, в частности, писал: «Ныне слышно, что все три сына

Бурхан ад-Дина находятся в твоей местности. Бурхан ад-Дин — твой враг. [Когда] три его сына в будущем хоть немного подрастут, как гарантировать, что не возникнет новых осложнений? Чем оставлять их [у себя и] в то же время усиливать меры предосторожности, не лучше ли представить их великому императору? Непременно усмотрит вашу искренность и особо наградит» [106, т. 653].

Пока новых послов из Бадахшана не приезжало и упомянутое послание богдыхана не было передано, со специальным письмом к Султан-шаху обратился как единоверец к единоверцу уже упоминавшийся Эмин-ходжа. Он рассчитывал убедить мира выслать ходжей, тем более, что некий Мирза-Садык, доверенное лицо Эмин-ходжи, дружил с Султан-шахом [106, т. 676].

Проинформировав двор об отправке письма Эмин-ходжей, кашгарские власти сообщили новые данные о близких Бурхан ад-Дина. По словам возвратившихся с повинной из Бадахшана уйгуров Абд ар-Рахима и других, жена и сын Бурхан ад-Дина живут в обществе двух мулл: Моллы Болата и Моллы Минли. Цинский двор принял на веру известие о наличии в Бадахшане лишь одного сына Бурхан ад-Дина. Добиться высылки этого юнца и его матери было возложено на цинского чиновника Султан-ходжу, отправлявшегося в качестве императорского посла в Афганистан. По пути ему и надлежало заняться близкими Бурхан ад-Дина [106, т. 676].

Пока Султан-ходжа получал инструкции в Пекине относительно афганских дел, кашгарские власти в конце 1762 г. предприняли демарши перед бадахшанским миром. Прибывший от него посланец Хабаняр получил выговор от яркендского начальника Синьчжу за укрывательство близких Бурхан ад-Дина. Но если это Синьчжу сделал по собственной инициативе, то к моменту отъезда Хабаняра пришло предписание из Пекина требовать выдачи жены и отпрыска Бурхан ад-Дина. Об этом Синьчжу уведомил бадахшанского посла. С ним за близкими убитого ходжи яркендский наместник направил бека Сали с наказом, чтобы ему не подсунили кого-нибудь другого вместо жены и сына Бурхан ад-Дина. В свою очередь, беку Сали надлежало предостеречь Султан-шаха от совершения подвоха. Если бы на проверку оказалось, что мир выдал не вдову и сына Бурхан ад-Дина, то он только «усугубил бы свою вину» и понес за нее наказание [106, т. 677].

Вопрос о выдаче правителем Бадахшана близких Бурхан ад-Дина еще стоял на повестке дня в Пекине, как проблема политики Султан-шаха предстала перед цинским двором в более сложном виде. В самом начале 1763 г. яркендский воинский начальник Синьчжу доложил в Пекин о вторжении Султан-шаха в Читрал. Завоевав его, бадахшанский мир поста-

вил своего младшего брата Шабдургу правителем Читрала.

Поскольку цинский двор имел виды на Читрал, Синьчжу решил действовать по известной схеме: сначала направить посла с требованием, чтобы бадахшанский мир покинул захваченную землю и освободил людей, а в случае непослушания выслать войска. Однако Пекин несколько умерил пыл Синьчжу. В принципе соглашаясь «взяться за Бадахшан», богдыхан рекомендовал подождать результатов посольства уже упоминавшегося бека Сали [106, т. 678]. В случае же неуспеха его миссии надлежало тщательно подготовиться, так, чтобы «с одного захода покончить с делом». Но с началом кампании богдыхан предписал не спешить, а ждать специального указания. Если бы одно посольство к бадахшанскому миру окончилось безрезультатно, следовало направить другое [106, т. 678].

Некоторая сдержанность цинского двора была, вероятно, вызвана немногочисленностью войск в Кашгарии. Притом помимо бадахшанского мира «проявлял самоуправство» в отношении киргизов и кокандский Ирдана-бий. «Призвать к порядку» сразу обоих: и Султан-шаха, и Ирдану — представлялось делом проблематичным. И наконец, военные акции были нежелательны в данный момент еще и потому что в самом начале 1763 г. в Китай прибыло первое афганское посольство во главе с Ходжа-Мирха [106, т. 677]. Вместе с послами Афганистана приехали также: посланец Бадахшана Абдул-Амучи, Коканда — Бабашик, Ургенча — Сайди-Керей казахского Младшего жуза — Укбаш-Болат. В таких условиях кампания против бадахшанского или кокандского правителя могла иметь неблагоприятный для Цинской империи резонанс в других сопредельных мусульманских владениях, многие из которых вообще без восторга восприняли утверждение власти «неверных» в Восточном Туркестане. Не подавая пока виду, посланцев Бадахшана и Коканда наравне с афганским, ургенчским и казахским послами цинские царедворцы угощали на торжественном обеде.

Не поскупился цинский двор и на подарки. Султан-шаху были пожалованы атлас с изображением четырехпалого дракона; шелка, уварь, послу и сопровождавшим его лицам — атласы, меха, серебро. Но в своих щедротах богдыхан был вовсе не бескорыстен. В направленном Султан-шаху манифесте от него требовалось соблюдать ряд условий: «Надлежит [тебе] с почтением блюсти законы Небесной династии... Во всех делах надлежит руководствоваться ограничениями, исходящими от правителей Кашгара и Яркенда». В частности, Султан-шаху следовало отказаться от самостоятельности в проведении внешней политики. В случае непослушания богдыхан грозил Султан-шаху войной [106, т. 678]. Правда, ос-

тается открытым вопрос: действительно ли цинский двор был готов развязать войну против Бадахшана?

Тем не менее правительство Цинской империи не намеревалось довольствоваться тем, что именovalo Бадахшан своим «вассальным владением». Оно без размещения там своих войск добивалось реального подчинения себе этого государства.

Как сообщал в апреле 1763 г. яркендский наместник Синьчжу, миссия бека Сали увенчалась определенными результатами: бадахшанский мир выслал останки Бурхан ад-Дина, его жену и сына [106, т. 689]. Сыграл, очевидно, свою роль нажим, оказанный на Султан-шаха. Повлияло на него и другое, не менее важное обстоятельство: Бадахшан подвергся нападению бухарского Узбека. Поводом к тому, по словам Султан-шаха, послужило убийство кашгарских ходжей [106, т. 682]. Удовлетворяя требованию цинских властей в отношении останков Бурхан ад-Дина и его близких, бадахшанский мир рассчитывал заполучить поддержку цинской администрации. В письме Султан-шаха, в частности, говорилось: «Я хотя упорно держусь, однако, с другой стороны, не на что опереться» [106, т. 682]. Разжалобить Хун Ли, однако, не удалось. У него и мысли не было заступаться за Султан-шаха. Богдыхан потребовал, чтобы тот оставил Читрал [106, т. 682]. Послание для бадахшанского мира Хун Ли предписал составить в весьма сильных выражениях. Бадахшанского посла Мирза-Андалиба, намеревавшегося приехать в Пекин, оттуда приказали отослать из Яркенда обратно. Однако никаких военных демонстраций в отношении Бадахшана Хун Ли приказал не предпринимать до особого указания.

В порядке некоторого утешения следом же богдыхан издал указ о награждении Султан-шаха 8 кусками атласа за выдачу останков Бурхан ад-Дина и высылку его близких [106, т. 683].

В том же 1763 г. Султан-шах оставил занятые районы Читрала, освободил захваченных людей. Сделал он это весьма неохотно, в ответ на послание цинских властей «выдвигал необоснованные аргументы, препирался» [106, т. 690]. За это яркендский правитель Синьчжу задержал бадахшанского посла и запросил инструкций из Пекина, как с ним быть. Оттуда пришел такой ответ: «Султан-шах недавно только вступил в сношения с империей, нормы этикета ему неведомы, и в конечном счете не стоит особо заниматься рабировательством» [106, т. 690].

Император даже счел, что бадахшанский мир высылкой останков Бурхан ад-Дина, уходом из Читрала проявил послушание, достойное поощрения. Таковым явилось предписание пожаловать Султан-шаху 12 кусков атласа из запасов яркендского казначейства.

Этим мир вовсе не удовлетворился. В 1764 г. из Бадахшана в Яркенд прибыл посол Хаджи-Калап. Пространный перечень просьб, изложенный им, встретил отповедь со стороны яркендского правителя Эрцаинз. Действия его Пекин признал правильными, но осудил за недостаточную резкость выражений в ответном письме Султан-шаху. Для вразумления ему специально направили манифест из Пекина.

Бадахшанский правитель добивался в основном следующего: во-первых, империя Цин не должна возражать против занятия им Читрала, так как последний принадлежал еще его предкам; во-вторых, подданные мира намерены получать довольствие от цинской казны; в-третьих, пусть цинские власти присылают мастеровых в Бадахшан [106, т. 713].

Помимо этих ходатайств Султан-шах писал, что представил он голову Ходжа-Джихана в расчете на большую награду, но, не получив таковой, обижен. Сообщал также мир о частных нападениях афганцев, давая понять, что не мешало бы цинской администрации помочь ему [106, т. 713].

В ответном манифесте богдыхана относительно награды за убийство Ходжа-Джихана говорилось: «Ты устранился моей великой армии, к тому же поживился их (ходжей.— В. К.) имуществом. Только тогда решился преподнести уши убитых врагов. Мы уже щедро [тебя] наградили, но не потребовали еще выдачи имущества мятежных разбойников. Однако [ведь] и [не подарили] его тебе?» [106, т. 713]. Султан-шаху недвусмысленно дали понять: претендовать на особые заслуги ему нечего, а нужно быть довольным, что не отняли захваченного им достоинства ходжей.

Претензии бадахшанского мира на Читрал в манифесте богдыхана квалифицировались как лишние основания, за безосновательность притязаний на Читрал Султан-шах, по его мнению, «подлежал осуждению» [106, т. 713].

Жалобы на происки афганцев цинский двор оставил по существу без внимания под тем предлогом, что он одинаково относится ко всем. «Потворствовать в одностороннем порядке» Султан-шаху перед лицом возможного нападения афганцев Пекин отказался [106, т. 713].

Таким образом, предостерегая мира Бадахшана, чтобы он не предпринимал внешнеполитических акций, шедших вразрез с интересами цинского двора, последний со своей стороны категорически отказывал Султан-шаху, когда тот просил поддержки перед лицом внешней угрозы.

Добиваясь от цинской казны натурального и денежного довольствия, бадахшанский мир указывал: «Столь Небесная династия велика [по своему могуществу], так чего [ей] же скучиться?» В ответ манифест гласил: «Твои подчиненные никогда не старались [ради нас] как одно целое с туркестанцами Яркенда и дру-

гих мест. Разве возможно, не трудясь, получать награду?» [106, т. 713]. Заканчивался манифест поучением: «Не порождать неудовлетворимых стремлений, а за это „милостями своими богдыхан не обойдет“».

Послание это вручил бадахшанскому миру пшивай Янсань в ноябре 1764 г. С ним Султан-шах отправил своего близкого человека Осман-бека для передачи грамоты, в которой мир полностью пошел на попятную. То, что он доложил императору свои пожелания, Султан-шах объяснял «несдержанностью натуры» и отрекался от всего ранее изложенного. Афганистан, как говорилось в послании мира, прежде совершал враждебные действия, но «ныне вроде бы вторжений не ожидается» [106, т. 725]. Собственные домогательства в отношении Читрала Султан-шах называл «глупыми» [106, т. 725]. Ходатайство же о выдаче довольствия его людям мир объяснил своей неосведомленностью: не знал, что у цинской империи «нет такого правила» [106, т. 725].

Афганский же Ахмад-шах действительно напал на Бадахшан. Цинские власти ограничились отправкой туда лазутчиков для выяснения обстановки. Во второй половине 1768 г. в Пекин доносили, что афганские войска отведены, Султан-шах вернул Файзабад и другие города. Капгарский наместник Юнгуй послал на разведку еще одного лазутчика, которому надлежало выявить местопребывание сына Бурхан ад-Дина Сарымсака.

В Пекине решили не вмешиваться в бадахшанские дела. «У Султан-шаха натура такова, что всякий раз склонен отхватить [чужую] территорию. После того, как в этот раз вернулся обратно кочевья, еще не известно, удовлетворится ли», — говорилось в очередном указе богдыхана (1768 г.) [106, т. 819]. Считая весьма вероятной просьбу бадахшанского правителя относительно присылки на помощь войск для завоевательных походов, Юнгую предписывалось отвергнуть ее в самой категоричной форме. По мнению двора, посылать лазутчиков в Бадахшан не следовало, раз афганские войска ушли. Выяснить местонахождение Сарымсака тоже не имело смысла. Мотивировалось это следующим: если даже Сарымсак и окажется в Бадахшане, то не объявится ни в Капгаре, ни в Яркенде; если же он рискнет туда прибыть, то его нетрудно своевременно схватить [106, т. 819]. Вряд ли в действительности Пекин так оптимистично взирал на перспективу появления Сарымсака в Капгарии. Вероятнее всего, цинский двор исходил из следующего: проявлять интерес к Сарымсаку, значит, давать возможность бадахшанскому правителю набивать себе цену, добиваться от Пекина различных льгот.

В Пекине оказались правы насчет «вероятной просьбы» Султан-шаха. Он направил к цинскому двору посла с ходатайством при-

слать на помощь 10 тыс. солдат, ибо ему не сдержать совместного выступления афганского Ахмад-шаха и сына Бурхан ад-Дина, ожидаемого в 1770 г. Цинский двор подтвердил свою прежнюю инструкцию — отвергать подобные просьбы Султан-шаха. «Если бы Султан-шах раньше схватил и представил сына Бурхан ад-Дина, с какой бы тогда стати дело дошло до того, что снова придут афганцы затеять ссору. [Султан-шах] сам навлек на себя заботы. У Небесной династии разве есть резон помогать [ему] войсками?» — говорилось в указе (июнь 1769 г.) [106, т. 835]. Но, чтобы окончательно не расколачивать Султан-шаха, его послу поручили передать запрос такого рода: сможет ли мир обеспечить походным снаряжением и провиантом 10 тыс. солдат, если ему их дадут? [106, т. 835].

Султан-шах использовал любую возможность заверить Пекин в своей лояльности и соответственно извлечь определенные выгоды. В 1764 г. уже упоминавшийся бадахшанский посол Хаджи-Калан информировал яркендского начальника Эрцзинэ о заявлении бухарцев Ноуруз-бека и Даяр-бека. По прибытии в Бадахшан они сказали, что бухарский хан Абул-Гази намерен вступить в сношения с империей Цин, о чем он специально написал Султан-шаху, а тот порекомендовал Абул-Гази непосредственно обратиться к яркендскому начальству [106, т. 713].

Попытка бухарского двора наладить контакты с империей Цин, если только упомянутые бухарцы действительно говорили от имени своего хана, очевидно, явилась ответом на инициативу Пекина. В самом начале 1760 г. Хун Ли приказал группе чиновников отправиться в Бухару, чтобы вручить бухарским старшинам послание и подарки [106, т. 605]. О результатах этой миссии в цинских источниках сведений нет. Все же, видимо, в Бухаре знали о намерении Цинской империи вступить с нею в сношения.

Однако кашгарские власти сдержанно восприняли изложенное посланцем Султан-шаха. Его заподозрили в намерении погреть руки на этом деле, тем более, что цинские власти не были убеждены в искренности намерения бухарского хана [106, т. 713]. Высказывалось предположение и такого рода, что бадахшанский мир, возможно, оказывает давление на бухарский двор, ссылаясь на могущество империи Цин, с которой Султан-шах имел связи [106, т. 713]. В конечном счете цинские власти не хотели, чтобы бадахшанский мир, спекулируя мощью Китая, запугивал бухарского хана и склонял его вступить в сношения с Цинской империей. Манифест с соответствующими разъяснениями Эрцзинэ направил бухарским представителям, чтобы «глупые люди иноземного удела» не поддались на уловку Султан-шаха [106, т. 713]. Если от бухарского прави-

теля придут послы с намерением установить контакты с цинским двором, докладывал Эрцзинэ, об этом во всех подробностях будет сообщено в Пекин [106, т. 713]. Больше о бухарских послах администрация Восточного Туркестана не сообщала.

Позиция цинского двора не способствовала развитию политических связей между Китайской империей и Бадахшаном. Общности политических интересов между ними не было. С начала 60-х годов XVIII в. до начала XIX в. в Пекин приезжало лишь два бадахшанских посольства (1760, 1763 гг.). В основном между Бадахшаном и империей Цин имели место торговые сношения.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИМПЕРИИ ЦИН С ПРИГИНДУКУШСКИМИ КНЯЖЕСТВАМИ И ДУРРАНИЙСКОЙ ДЕРЖАВОЙ

Вслед за завоеванием Восточного Туркестана и установлением сношений с Кокандом, Бадахшаном и Болором цинский двор обратил внимание и на Индостан. В начале 1760 г. Хун Ли предписал отправиться туда группе чиновников (Мин Жэнь, Элэдэнь, Баран, Султанходжа) с посланием и подарками [106, т. 605]. Точно не известно, было ли выполнено это предписание. Тем не менее, по свидетельству современника, купцы из Индостана в конце XVIII в. вели оживленную торговлю с Яркендом [121, т. 2, л. 12а]. Цинские власти, проявляя к ней интерес, а также по политическим соображениям установили для кашмирских купцов меньшее обложение, чем для торговцев из близлежащих владений. Купцы из Кашмира и Балтистана должны были платить пошлину в размере 1/40 стоимости ввозимых товаров.

В 60-х годах XVIII в. у Цинской империи налаживаются контакты с некоторыми пригиндукушскими княжествами, сопредельными с Индостаном владениями.

В 1760 г. Яркенд неоднократно посещали представители балтистанского владетеля Усуваня. Целью этих наездов, очевидно, было выяснить возможности торговли при новом режиме. В 1761 г. торговать в Яркенд приезжал посланец Усуваня Ахмет. Яркендский начальник Синьчжу в порядке поощрения лояльности правителя Балтистана послал ему подарки [106, т. 641].

Вступил в сношения с Цинским домом и канжутский бек Хосров. В 1761 г. его сын прибыл в Яркенд и привез «дань» — золото. За эту «дань» яркендский начальник Синьчжу сделал ответные подарки [106, т. 641].

В целом Пекин весьма сдержанно воспринял попытки некоторых правителей памирских

и пригидукушских владений вступить в сношения с империей. Во избежание каких-либо подвохов Хун Ли выразил пожелание, чтобы с «данью» ко двору приезжали либо сами правители или же их сыновья, либо братья [106, т. 641]. Только это, указывал Хун Ли, может служить подтверждением искреннего намерения поддерживать отношения с империей. Эта установка — свидетельство гегемонистских устремлений цинского двора, его намерения навязать иноземным владениям свои условия поддержания контактов.

Сын канжутского бека Хосрова по приезде в 1761 г. в Яркенд сообщил также о желании некоего владетеля Нагэра поддерживать отношения с Цинской империей и от имени его вручил подарки. Хун Ли осудил правителя Нагэра за плохие «манеры», поскольку тот препоручил доставку «дани» другим. Отныне, распорядился цинский богдыхан, «дань» от посредников не принимать, а пославшему ее ничего не давать [106, т. 641].

Надобности в ежегодных приездах посланцев из Канжута Пекин не усмотрел. Цинская администрация согласилась принимать послов из Канжута один раз в три года. В качестве подарка («дань»), за который выдавалось ответное вознаграждение (шелк, серебро, чай), принимались 1 лян 5 цзянь золотого песку [127, с. 260].

Завоевание в 1759 г. цинскими войсками Восточного Туркестана не оставило безучастным и афганского Ахмад-шаха. Осенью 1762 г. прибывший в Яркенд по торговым делам бадахшанец Мурат-бек известил местного начальника Синьчжу, о том, что Ахмад-шах направляет посла и в подарок посылает лошадь [106, т. 670].

Афганистан под властью Ахмад-шаха Дуррани находился в зените могущества. Отношение к этой обширной империи со стороны цинского правительства было значительно более предупредительным, чем к другим соседям Китая вдоль его западной границы.

Синьчжу уведомлял пекинский двор, что Ахмад-шах настаивает, чтобы его послов в пути сопровождали надлежащим образом и оказывали соответствующий прием. В Пекине решили не упускать случая пустить пыль в глаза афганским послам: «Афганистан — большое владение. Его посол впервые проезжает внутренние территории страны, — говорилось в указе богдыхана, — еще не полностью узрел все сторонние способности Небесной династии. В каждом главном городе провинции, через который будет проезжать [афганское посольство], надлежит заблаговременно приготовить угощение, расставить театральные принадлежности, чтобы показать процветание и величие» [106, т. 672].

Поскольку это было первое афганское посольство, эскортировать его специально назна-

чили высокопоставленного чиновника жэхэского фудутуна Элэдэнэ. Яркендский начальник Синьчжу ходатайствовал еще о том, чтобы афганскому посольству выделили на обратном пути казенных верблюдов для перевозки багажа (в том числе подарков императора) из Яркенда до афганских пределов. Этому цинский двор воспротивился: «Их (афганцев. — В. К.) натура алчная», и, если первый раз сделать так, как просил Синьчжу, а потом поступать иначе, у афганцев «возникнут подозрения». Казенное тягло, решили в Пекине, будет предоставлено афганскому посольству при переезде из Хами до Яркенда и от Яркенда — до пункта на границе империи [106, т. 672].

Афганский посол Ходжа-Мирха прибыл к цинскому двору в начале 1763 г. [106, т. 677]. В подарок богдыхану он доставил четырех коней и меч.

В соответствии с протоколом цинского двора посланцу Ахмад-шаха, как и другим послам, позволили встретить императорский экипаж перед воротами дворца. Ходжа-Мирха присутствовал на обеде, устроенном для группы послов из других иноземных владений. Помимо этого, Хун Ли отдельно принял афганских представителей во дворце Чжунхуагун, где было устроено чаепитие.

Ахмад-шаху богдыхан подарил парчу с изображением четырехпалого дракона, атласы, шелка, утварь. Посол и сопровождающие его лица получили атласы, меха, серебро, различную утварь, а также чиновничьи шапки и одежду. Пожалование атрибутов чиновного достоинства, в представлении пекинского двора, символизировало причисление афганцев к числу вассалов Цинской империи.

В ответ на послание Ахмад-шаха цинский двор направил императорский манифест. В нем выражалось удовлетворение по поводу стремления афганского правителя приблизиться к «добродетельной цивилизации», подтверждением чего, по мнению богдыхана, служит прибытие посольства в столицу Поднебесной.

Цинское правительство сочло необходимым разъяснить, почему оно предприняло военную кампанию в Джунгарии и Восточном Туркестане. Никакой корысти, внушал богдыхан, он там не имел. Посылкой своих войск якобы стремился лишь «выручить из беды» тамошнее население, страдавшее «от взаимных свар». А Дабачи мол самовольно занял трон, за что его и схватили императорские солдаты. Амурсану пришлось преследовать как бунтовщика и в поисках его, подчеркивал Хун Ли, войска достигли российских пределов. Укрыться там ему не удалось, и он был, как уверял богдыхан, казнен. Заведомой ложью Хун Ли рассчитывал укрепить представление о необычайном могуществе Цинской империи.

Что касается Восточного Туркестана, то тут дело обстояло, как излагалось в манифесте,

так: братья-ходжи, оказавшись «неблагодарными», взбунтовались; потерпев поражение, они бежали в Бадахшан и были убиты Султан-шахом.

В настоящее время, доводил до сведения Ахмад-шаха цинский двор, империи покорны Бадахшан, Коканд, киргизы, а Илийский край, Яркенд и другие районы Кашгарии вошли в ее состав [106, т. 678]. Уверяя Ахмад-шаха, что ему, Хун Ли, покорны Бадахшан, Коканд, киргизы, богдыхан попросту выдавал желаемое за действительное. Опять же стремясь выставить себя в глазах афганского владетеля этаким милосердным и великодушным правителем, который печется о благе своих подданных и рад принимать у себя иноземных послов, Хун Ли специально обращал внимание Ахмад-шаха на то, что признавшим его власть он оказалнисхождение относительно уплаты дани и налогов, щедро одаряет приезжающих к нему иноземных послов.

Завоевательные походы Ахмад-шаха, о которых он поведал в своем послании, у Хун Ли не могли вызвать восторгов. Соседство могущественной державы таило потенциальную угрозу не очень крепким устоям цинского господства в недавно аннексированных районах. Отдавая отчет в том, что Ахмад-шах не ровня казахскому Аблаю или киргизскому бию Черикчи, и потому тут приказной тон неуместен, Хун Ли лицемерно порекомендовал Ахмад-шаху отказаться от войн с соседями, чтобы «дать отдых» своим людям [106, т. 678].

Отправляя посольство к цинскому двору, Ахмад-шах, очевидно, намеревался разведать обстановку в империи, заполучить определенное представление о неожиданно объявившемся соседстве. В 1763 г. кашгарские власти сообщили в Пекин, что афганский двор якобы направил Саид-бека (Сайтэ-бек) к кокандскому Ирдана-бию выяснить, каковы отношения у Коканда с Китаем. Ирдана-бий в свою очередь отправил послов к Ахмад-шаху с разъяснениями. Кашгарскому наместнику Юнгуя это показалось подозрительным, и он счел необходимым тщательно расследовать указанные обстоятельства. В Пекине не одобрили намерения Юнгуя. В самом факте посольских сношений Коканда и Афганистана не было усмотрено ничего предосудительного. Если даже действительно кокандский бек, «стакнувшись» с афганским правителем, разведывает обстановку в Восточном Туркестане, то этого, как рассуждали с наигранным оптимизмом в Пекине, скрыть не удастся [106, т. 684].

Таким образом, посольство Ходжа-Мирха не устранило полностью подозрений у богдыхана и его сановников относительно истинных намерений Ахмад-шаха.

Для правителей империи Цин Афганистан оставался фактором, который им приходилось учитывать при решении конкретных вопросов

внешней политики на Западе. Примером может служить «кашмирский вопрос».

В 1762 г. в Яркенде объявился некий Курбан-бек. Он назвался посланцем кашмирского Нияз-бека и вручил письмо последнего. Как выяснилось, Нияз-бек оказался выходцем из Кашгарии (жил в с. Джанабад), во время смут бежал в Кашмир, который находился в то время под властью афганского Ахмад-шаха. В Кашмире, писал Нияз-бек, находится 400—500 семей беженцев из Восточного Туркестана. Все они желали вернуться на родину. Нияз-бек со своей стороны просил еще аудиенции в Пекине, после чего вызывался «взять» Кашмир и передать его Цинскому дому [106, т. 676]. Яркендский начальник Синьчжу скептически расценил возможности Нияз-бека завладеть Кашмиром. Нецелесообразность поощрять намерение Нияз-бека захватить Кашмир Синьчжу мотивировал его отдаленностью и принадлежностью афганскому Ахмад-шаху. Последнее обстоятельство, очевидно, было решающим. Пойти на столкновение с афганским правителем не решился и Хун Ли. Он даже проявил большую осторожность, чем Синьчжу. Последний в ответном письме Нияз-беку указал, что после аудиенции у богдыхана будет вынесено решение о Кашмире. Такого заверения, отметил Хун Ли, не следовало делать. Богдыхан специально указал, что, уведомляя Нияз-бека о разрешении прибыть в столицу империи, одновременно следует обойти обойти молчанием вопрос о Кашмире [107, т. 676].

Приемом одного афганского посольства в Пекине и ограничились официальные контакты империи Цин с Дурранийской державой во второй половине XVIII в. Однако гоминьдановские авторы представили дело так, что якобы Афганистан был покорен империей Цин и стал от нее зависим [122, с. 119; 119, с. 150].

ПОГРАНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ С РОССИЕЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Кампания цинских войск в Джунгарии имела своей целью продвижение рубежей империи Цин на запад. Это в перспективе расширяло район конфронтации между ней и Россией. Ниспровержением Дабачи Пекин показал Петербургу, что он намерен единолично вершить джунгарскими делами.

Хотя правительство России внешне не реагировало на захват Джунгарии, Цинский двор тем не менее усматривал в России потенциальную помеху осуществлению своих захватнических планов. Когда в 1756 г. Амуурсана, спасаясь от цинских войск, бежал к казахам, с ним, по словам пленных, был русский посол Полохэр (Прохор?) [106, т. 510, л. 9а]. Известие о

присутствии русского представителя у Амурсаны, когда тот боролся против цинского господства, давало Пекину определенные основания подозревать русские власти в содействии Амурсане. Позже цинский двор получил документальные свидетельства о контактах Амурсаны с русскими властями. В руки цинского командования попали письма русского пограничного начальства, в которых оно предлагало Амурсане перейти в российское подданство [34, с. 459]. Это дало повод пекинскому двору обвинить русские власти в поддержке ойратских «бунтовщиков».

В конце 1756 г. русское правительство получило специальное уведомление от цинского двора, в котором сообщалось, что джунгары приняты в его подданство. Если Амурсана убежит в Россию, говорилось в этом послании, его, а равно и других джунгарских предводителей, следует выдать [38, с. 185].

Соседство России, по мнению пекинского двора, угрожало его господству и в Монголии. Вспыхнувшее здесь летом 1756 г. восстание под руководством Цэньгуньчаба Хотогойского непосредственно отразилось на китайско-русских отношениях. Группа повстанцев, спасаясь от расправы, ушла в российские пределы. Сановник Шухэдэ тут же отправил к русским властям гонца с требованием выдать этих беглецов. Богдыхан полностью одобрил действия Шухэдэ [132, т. 100, л. 106]. Санкционируя практику ультиматумов относительно выдачи перебежчиков, цинский двор способствовал возникновению новых наслоений во взаимоотношениях с русской администрацией.

Окончательно потерпев поражение, Амурсана бежал в 1757 г. в Россию. Узнав об этом, цинские власти послали за ним отряд шивэя Шуньдэна. 31 июля 1757 г. он появился перед русской крепостью Кангэртула. На встречу с Шуньдэном явился капитан. Беседа проходила на равных: русский офицер, не преклоняя колен, спрашивал о здоровье цинского богдыхана. Не посмев умолчать об этом, Шуньдэна доложил в Пекин, что он де «освободил» русских от необходимости преклонять колени при имени повелителя Поднебесной [106, т. 543, л. 30а]. Шуньдэна заявил, что, по всей видимости, «вор» Амурсана укрылся в российских пределах, и потребовал его выдачи. Русский капитан отвечал, что ранее приезжавший посол Амурсаны сейчас отправлен к русской императрице. Что касается самого Амурсаны, то капитан якобы заверил, что если тот объявится, то в соответствии с соглашением о выдаче преступников будет выдан цинским властям [106, т. 543, л. 30а]. С этим Шуньдэна отбыл восвояси.

Известие о бегстве Амурсаны в Россию крайне встревожило Пекин. Там, очевидно, не исключали вероятности нового выступления непокорного князя. Не случайно военачальникам Танкалу и Хэшоци было приказано палатить

патрульную службу на Иртыше и принять меры к обороне [132, т. 102, л. 36].

Пекин рассчитывал добиться у Петербурга выдачи Амурсаны дипломатическим путем. Воевать с Россией из-за Амурсаны, подчеркивалось в указе богдыхана членам Военного совета, империя не станет [146, т. 44, л. 21а].

Русское правительство не выдало Амурсаны, но после его смерти дважды предоставляло китайским властям возможность освидетельствовать его останки. Не довольствуясь этим, Пекин из-за соображений престижа требовал выдачи, если уж не тела, то хотя бы костей Амурсаны. Но и их не получил. Грубый тон, в котором китайская Палата внешних сношений составляла свои письма Российскому сенату, получил с его стороны достойную отповедь.

Помимо Амурсаны цинский двор требовал у правительства России выдачи и других вожаков ойратских повстанцев, в частности князя Шэрэна.

Командующий одной из армий Цэньгуньчаб, узнав о бегстве Шэрэна в русские пределы, испрашивал у Пекина разрешения требовать у русских властей выдачи князя. В ответ Хун Ли первым делом учинил разнос Цэньгуньчабу. Ему еще раньше было предписано в случае бегства Шэрэна в Россию тотчас же требовать его выдачи, между тем Цэньгуньчаб «еще только просит разрешения», т. е. фактически нарушил предписание. Если теперь потребовать выдачи беглеца, говорилось в указе, то русские уже имели время подготовиться. Поэтому Цэньгуньчабу предлагалось скрытно с войском подойти к Семипалатинску и расправиться на месте с Шэрэном. Если того уже переправили в другое место, следует настойчиво требовать его выдачи [146, т. 57, л. 146]. Таким образом, цинский император санкционировал вторжение своих войск в российские пределы. Судя по опыту прошлых наездов цинских отрядов к русским крепостям, Хун Ли, видимо, рассчитывал, что до столкновения дело не дойдет.

Принципиальный отказ русского правительства выдавать ойратских беженцев, спасавших свою жизнь на территории России, ослепил китайско-русские отношения. Со своей стороны Пекин по собственному почину предпринимал действия, которые усугубляли эту напряженность. Представители цинского командования под предлогом поисков Амурсаны приезжали в русские пределы и требовали у местных жителей, чтобы они продавали им скот и другие товары [38, с. 186].

Соседство России с западными окраинами империи Цин являлось важным фактором, который Пекину приходилось учитывать и во время кампании в Джунгарии и Кашгарии. То, что русские власти открыли границу для ойратских беженцев и отказывались выдавать их, усиливало опасения цинского двора за стабильность своей власти в Джунгарии.

Цинский двор боялся, что аналогичным образом правительство России поведет себя и во время кампании в Восточном Туркестане. В указе Хун Ли от 17 марта 1759 г. отмечалось, что кашгарский правитель Ходжа-Джихан из-за прежних свар с киргизами и казахами не станет искать у них убежища, более вероятно, что он убежит в Россию, так как раньше жил в Илийском крае [146, т. 68, л. 346—35а]. Поэтому богдыхан приказал расставить дозоры на всех дорогах и тропах, ведущих в российские пределы, чтобы воспрепятствовать бегству ходжей и их людей [146, т. 68, л. 35а; 132, т. 103, л. 36].

Пекин вообще усматривал в России возможную помеху упрочению своих позиций в Центральной Азии. Показательно в данном отношении совещание высших сановников и военачальников, созванное Хун Ли в 1760 г. Речь шла о том, как быть с вновь завоеванными территориями, и в этой связи особо отмечалось, что они соседствуют с Россией [132, т. 105, л. 16].

Среди проблем, создававших осложнения в китайско-русских отношениях, отметим «казахский вопрос», запрет торговать русским в Синьцзяне, территориальные притязания цинских властей.

Факт российского подданства казахов, который вначале не принимался во внимание цинским двором из-за его неосведомленности, впервые нашел отражение в указе императора мипиштрам Цзюньцзичу от 3 марта 1758 г. В нем говорилось: «То, что они (казахи.— В. К.) поддерживают дружественные отношения с Россией, естественно подходяще» [106, т. 555, л. 166]. В данном случае император исходил из того, что «Россия тоже может поддерживать мир и согласие» с Китаем [106, т. 555, л. 16а].

Цинские власти, однако, пытались мешать упрочению связей казахских владетелей с российской администрацией. Так, генерал Штрандман, начальник Сибирской линии, сообщил в 1791 г. в Петербург о попытках синьцзянской администрации склонить хана Вали к разрыву с Россией [4, с. 914]. Подобные действия, разумеется, не способствовали налаживанию добрососедских отношений между Россией и Китаем.

Джунгарский хан Галдан-Церин не усматривал в русских купцах и их товарах угрозу своей власти. Наоборот, всемерно поощрял русских торговцев. Их тогда можно было застать в разных городах Восточного Туркестана [51]. Совершенно иначе повели себя цинские завоеватели. Русских купцов из Кашгарии они изгнали с применением воинской силы [120, с. 58].

С завоеванием Джунгарии и Восточного Туркестана империей Цин Пекин не только за-

претил приезд в Синьцзян русских торговцев, но и продажу российских товаров. Маньчжурский двор опасался проникновения в Синьцзян русского влияния, усматривая в нем опасность своему господству в крае.

По окончании «западной кампании» богдыхан было решился даже пойти на открытое столкновение с Россией, оспаривая ее права на некоторые районы. Русские для размежевания границы размещают войска, отмечалось в указе от августа 1760 г., на хребте Хэнинлин, на реках Катунь и Иртыш, на Телецком озере (Алтан-пор). Военачальникам Агую и Чэбдэнчабу было приказано в 1761 г. силой оружия изгнать русских из упомянутых районов [130, с. 171]. Однако до столкновения дело не дошло, и, очевидно, цинское правительство отступило, распорядившись обследовать, где соприкасаются владения Китая и России. Факт весьма показательный: цинский двор не имел представления, где действительно проходят западные рубежи Поднебесной!

Цинская администрация весьма ревниво следила за действиями русских властей в пограничных районах, не упуская случая выступать с протестами. Показателен в этом отношении спор о нарымском пикете.

В ущельях по берегам рек Бухтармы, Белой, Тихой и Нарыму жили беглые русские солдаты и раскольники. Китайские власти из политических соображений покровительствовали им, даже снабжали хлебом в неурожайные годы. В 1792 г. эти беглые согласились признать власть российской администрации. После этого здесь была заложена крепость Бухтарминская (в трех верстах выше от места впадения Бухтармы в Иртыш), и пограничные посты продвинуты по правому берегу Нарыма до впадения Малой Нарымки. Цинское начальство запротестовало против закладки Нарымского пикета, и генерал Штрандман приказал перенести пикет на две версты назад. Уступка лишь распалила амбициозность китайской стороны: цинские власти писали уже иркутскому губернатору генералу Нагелю, будто русские офицеры пытались захватить часть китайской территории. О результатах этого демарша цинские источники умалчивают.

Итак, насильственное поглощение Цинской империей Джунгарии и Восточного Туркестана сопровождалось обострением отношений между Китаем и Россией. В противовес русскому правительству цинский двор, хотя и безуспешно, пытался упрочить свое влияние в Казахстане. Одновременно препятствовал русской торговле в Синьцзяне, руководствуясь при этом сугубо политическими соображениями. Общий курс политики Пекина не способствовал улучшению взаимоотношений Цинской империи с Россией и на центральноазиатском театре.

ИМПЕРИЯ ЦИН, ЦЕНТРАЛЬНАЯ И СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

XVIII век — зенит завоевательной политики империи Цин. В XIX в. она вступает в период прогрессирующего упадка. Усугубляющееся экономическое и внутривластное положение ослабляет Поднебесную перед нажимом внешних сил. Агрессивные происки капиталистических держав в отношении собственно Китая, которые развязывают так называемые «опиумные войны», требуют концентрации военных и экономических усилий на восточных, юго-восточных рубежах империи. Ведя оборонительную политику на восточных рубежах, цинскому двору приходилось одновременно держаться довольно-таки пассивно на западе. И, прежде всего, потому, что Синьцзян оказался довольно хлопотным и дорогостоящим приобретением. В начале XIX в. там одно за другим происходят антицинские выступления коренного населения. Подавление этих восстаний и удержание края под своей властью требовало от цинского двора огромных затрат, использования значительных воинских сил, что в целом ослабляло военный потенциал страны. Хроническая неустойчивость внутривластного положения в Синьцзяне сковывала инициативу цинского двора на западных рубежах империи. Он оказывался подчас в положении праздного свидетеля тех важнейших политических процессов, имевших общеисторическое значение, которые свершались за пределами империи Цин, в Центральной и Средней Азии.

Прежде всего, здесь прогрессирует процесс добровольного присоединения казахских земель к России, начавшийся еще в 30-х годах XVIII в. Те казахи, которые приняли российское подданство, были избавлены от постоянных нападений извне, получили доступ к российскому рынку, в определенной мере расширили площадь кочевий. Пример казахов — российских подданных — имел немалую притягательную силу для их соплеменников. Так, один из старшин Среднего жуза, ходатайствуя в 1820 г. перед западносибирским генерал-губернатором о принятии в подданство России, говорил: «Имея в виду, что однородцы наши ...будучи приняты под милостивое покровительство российского престола, могут лучше устроить свое состояние, я и однородцы мои... приняли намерение вступить в вечное российское подданство... я надеюсь, что и другие многие из заграничных киргизцев (казахов.—В. К.) последуют нам, кои ожидают только того, какое последует на просьбу наше разрешение» [42, 185—186].

В 30-х годах XIX в. очень остро встал вопрос о российском подданстве и перед казахами

Старшего жуза. В 1831 г. султан Старшего жуза Суюк Аблайханов настоятельно просит генерал-губернатора Западной Сибири открыть на территории жуза специальный округ, «построить дом и мечеть и командировать воинский отряд» для защиты от Кокандского ханства.

В 1839 г. султан Байджигит-Наймановской волости Старшего жуза Турсун Сюков, кочевавший на юго-западной стороне оз. Балхаш, также изъявил желание вступить в подданство России.

В 1845 г. часть казахов Старшего жуза уже фактически переходит в подданство России, а в 1847 г. в русское подданство перешли и остальные казахи Старшего жуза. Таким образом, в основном завершился процесс добровольного присоединения Казахстана к России.

Русское правительство осуществляет теперь суверенитет на обширной территории Казахстана, где вводится российская система управления, на казахов распространяются судебные нормы России. Власть ханов и султанов ликвидируется, что объективно имело прогрессивное значение. Изменение веками бытовавшей у казахов общественной организации означало изживание родового устройства и родовых обычаев. Постепенно сходят на нет такие элементы родового строя, как кровная месть и грабежи. «Междоусобные баранты..., доводя киргиз (т. е. казахов.—В. К.) до крайней бедности, угрожают неминуемым падением благосостояния ордынцев...» [42, с. 164]. Русская администрация, стремясь обеспечить внутреннее спокойствие в крае, принимает ряд решительных мер к пресечению грабежей, что соответствовало сокращению кровных чужби казахов.

Важные по значимости явления происходят в первой половине XIX в. и в Средней Азии. На ее политической карте вместо бесчисленных мелких феодальных владений, игравших видную роль еще в первой половине XVIII в., появляются три значительных государственных образования. Это — среднеазиатские, или узбекские ханства — Бухарское, Хивинское и Кокандское.

Наряду с ними продолжали существовать и небольшие феодальные уделы, правители которых стремились сохранить свою независимость от посягательств более могущественных соседей — ханств. Среди независимых владений к началу XIX в. значились Шахрисябз (возле Бухары), Арал (на севере Хивинского ханства), Ташкент, а на территории нынешнего Таджикистана — Каратегин, Дарваз, Шутнан.

Процессы политической консолидации, составлявшие примечательную особенность жизни Средней Азии первой половины XIX в., проходили сложно и немирно. Правители среднеазиатских ханств вели постоянные войны, стремясь округлить свои владения. Столкновения шли как между самими ханствами, так и между ними и кочевой периферией (казахи, киргизы).

На протяжении первой половины XIX в. с переменным успехом шла борьба между Бухарой и Кокандом. Более удачливыми были походы кокандских войск против казахов. Часть владений казахского Старшего и отчасти Среднего жузов вошли в Кокандское ханство.

Распространяют свою власть кокандские ханы и на сопредельных киргизов. Верховья Нарыма, долина Алая, бассейн Иссык-Куля подпадают под кокандское господство. На какое-то время власть Коканда распространяется на Сарыкол. Кокандские ханы продвигают рубежи своих владений до Кашгарии, т. е. до границ империи Цин.

Стремясь обеспечить внутренний мир и защиту от нападения извне, киргизы ищут покровительства у России. В 1812, 1825 гг. киргизы племени бугу обращались к русским властям с просьбой принять их в подданство России. В 1825 г. бугинцы торжественно встречали отряд хорунжего Нюхалова. Это был первый русский отряд, прибывший в Северную Киргизию. В

1848 г. манап племени бугу Боромбай Бекмуратов, ходатайствуя перед западносибирским генерал-губернатором о постройке города, писал: «Здесь живут 10 тысяч бугу (имеется в виду количество юрт.— В. К.), несколько тысяч солто, саяк. Все эти роды безначальственны, и поэтому существует между ними вражда и междоусобные войны. Если бы здесь был учрежден диван (округ.— В. К.), то этого не было бы, и все они находились бы в тишине и спокойствии. В здешних местах ни со стороны кокандцев, ни со стороны китайцев, никто, прибыв сюда, ничего не в силах сделать» [26, с. 137]. Когда у бугинцев вспыхнула кровопролитная распря с сары-багишами, манап Боромбай Бекмуратов, ища поддержки у соседей, поневоле обратился за помощью к синьцзянскому начальству. Но оно воздержалось от военной поддержки киргизов-бугу. Последнее обстоятельство окончательно утвердило Боромбай Бекмуратова в решении вступить в русское подданство [81, с. 208].

17 января 1855 г. депутаты бугинцев присягнули на «вечное подданство России». Так было положено начало добровольному присоединению киргизов к северному соседу.

Итак, судьбы Казахстана и Средней Азии в первой половине XIX в. определяет политика двух государств — России и Кокандского ханства. Рассмотрим, какого курса держалась империя Цин в отношении своих западных соседей.

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ И КИРГИЗЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

ВОССТАНИЕ ЗИЯ АД-ДИНА И КАЗНЬ БИЯ ТУРДЫМАМЕТА

Если со времени завоевания Кашгарии поведение киргизских старшин в целом не вызывало особых опасений цинской администрации, то положение меняется в самом начале XIX в. Поворотным моментом явилось выступление Зия ад-Дина.

В 1814 г. в Кашгарии против властей выступил ахун из селения Ташмалык Зия ад-Дин. Поводом послужил отказ хаким-бека Юсуфа разрешить Зия ад-Дину перевезти к себе жену. Ничего не добившись просьбами, ахун решил действовать силой. Помимо односельчан уйгур он заручился помощью окрестных неимущих киргизов. Обещал Зия ад-Дину помощь в перевозке жены и его поборам, бий киргизов племени кипчак Турдымаммет.

Однако вся эта затея приняла серьезный оборот. Ахун отказался от намерения только увезти жену в свое селение. Он уже вознаме-

рился захватить Кашгар. Возглавляемые Зия ад-Дином повстанцы атаковали цинский пикет и, перебив солдат, уничтожили конный завод в окрестностях Кашгара.

Известие об участии киргизов в беспорядках было весьма серьезно воспринято в Пекине. «Если буруты в душе лелеют непослушание,— гласил императорский указ членам Военного совета,— то это не мелочь, а вопрос государственной важности» [105, т. 312, л. 33а].

Ведя следствие по делу Зия ад-Дина, синьцзянский наместник Сун Юнь действовал решительно. Для него главным было не допустить повторения подобных событий впредь. Вместе с Зия ад-Дином поплатился жизнью и киргизский бий Турдымаммет. Его не спасли некогда полученные от цинского двора знаки чиновного достоинства 2-го класса. Сун Юнь знал, что участие Турдымаммета в беспорядках не было весьма доказано. В частности, подчиненный Сун Юня, кашгарский наместник Чэн Нин, узнал, что нападение людей Турдымаммета на цинский пикет — наговор [105, т. 312, л. 29б—

30а]. Тем не менее Сун Юнь доложил трону о необходимости казнить Турдымамета, а сам, не дожидаясь санкции, приказал четвертовать бия.

Противоречия в показаниях относительно участия Турдымамета в выступлении Зия ад-Дина побудили цинский двор произвести дополнительное расследование. Проводил его сановник Чан Лин. Хотя он тоже признал, что участие Турдымамета не совсем доказано, но счел казнь его оправданной, ибо бий замыслил помочь мятежнику Зия ад-Дину.

Двор лицемерно пожурил Сун Юня за спешку с казнью Турдымамета, но в принципе счел эту меру оправданной, ибо бий, говорилось в указе от 7 апреля 1816 г., ничем не отличается от Зия ад-Дина [105, т. 317, л. 9а—10а]. В указе выражалось недовольство, что избежали расправы родственники Турдымамета. Восстание Зия ад-Дина и гибель Турдымамета явились поворотным моментом во взаимоотношениях цинских властей с киргизами. Расправа с влиятельным бием произвела большое психологическое воздействие на киргизов. Сгибель Турдымамета резко усилилась неприязнь киргизских старшин к цинским властям в Кашгарии в частности, и империи Цин вообще. На это обстоятельство специально обратил внимание видный царедворец На Яньчэн, неоднократно занимавшийся делами Восточного Туркестана [115, т. 80, л. 9а]. И ранее отношения между цинской администрацией и киргизами были далеко не идиллическими. Враждебные действия со стороны последних носили больше частный характер, они не были направлены против самого цинского господства в Синьцзяне. В 20-х годах XIX в. положение меняется. Киргизы активно поддерживают уйгурских ходжей, пытавшихся свергнуть цинскую власть в Кашгарии. Это достаточно наглядно показало восстание под руководством Джахангира.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЖАХАНГИРА

В начале XIX в. синьцзянский наместник Сунь Юнь разработал специальную памятку для вступающих в должность кашгарских правителей. Сунь Юнь, в частности, обращал особое внимание на Суранчи, бия киргизов племени чун-багыш, кочевавших за пределами кашгарских караулов. Суранчи доводился внуком бию Авалу, отличившемуся при подавлении восстания в Уч-Турфане и награжденному цинским двором знаками чиновного достоинства 3-го класса. Суранчи по духу таков же, как его дед, писал незадачливый цзянцзюнь, на него можно всецело полагаться, и не нужно верить тем наветам, которые на него могут сделать из-за зависти [136, т. 3, л. 22а, б]. Едва просохла тушь этих строк, как обнаружилась беспочвенность подобных суждений.

Летом 1820 г. Джахангир, сын ходжи Са-

рымсака, потомка ранее правившего в Кашгарии дома, с десятком приверженцев прибыл из коканских пределов в кочевья киргизов племени саяк с целью вернуть достойные предков. Помочь ему освободить от китайского господства Кашгар согласились саякские старшины Джанкарачи, Байбакас, Мендылак, Тайлак, родственники казненного Турдымамета и уже упоминавшийся Суранчи. Примкнул к Джахангиру также и бий киргизов-монголдор Мамедкул. Он тоже не был обойден «милостями» цинского двора: носил на шапке золотой шарик.

Факт поддержки Джахангира киргизскими биями, которых цинский двор за проявленную лояльность удостоил почестями, весьма показателен: даже среди этих представителей киргизской верхушки цинский режим не имел прочных симпатий.

Осенью 1820 г. Джахангир с несколькими сотнями киргизов пересек границу и устремился к Кашгару. Одновременно Суранчи поднял в с. Устун-Артыш своих людей. Он загодя приезжал в Кашгар якобы по торговому делу, но, очевидно, просто выжидать обстановку. В этой связи следует отметить следующий анекдотический момент. Почти одновременно с поступлением в Пекин доклада синьцзянского наместника Цин Сяна о выступлении Джахангира в союзе с Суранчи богдыхан собственноручно написал предисловие к представленному Сун Юнем сочинению «Синьцзян шилюэ», где Суранчи выставлялся как верноподданный империи Цин, на которого «можно всецело положиться» [136, т. 3, л. 1а—2а].

На этот раз выступление Джахангира и Суранчи провалилось: подоспевшие цинские войска рассеяли повстанцев. Следом помощник кашгарского наместника Сэгуэйа с отрядом солдат выступил за кордон для «наведения спокойствия» среди окрестных киргизов. В местности Кэншибай, где раньше жили соплеменники Суранчи, каратели нашли лишь неубранные хлеба и более 30 юрт. Все это, как рапортовал Сэгуэйа, было предано огню [135, т. 1, л. 11а]. Три дня спустя его отряд настиг группу киргизов. Взятые в плен показали, что последовали за Суранчи с целью захвата Кашгара [135, т. 1, л. 11б]. Более 20 пленных киргизов было казнено цинскими солдатами.

Одновременно кашгарские власти распространили воззвание, призывая киргизов оставаться в своих кочевьях и не поддаваться панике; тем, кто заявит о прибытии Суранчи или схватит его, была обещана щедрая награда.

Как реагировал Пекин, узнав о выступлении киргизов на стороне Джахангира? Двор обязал синьцзянского наместника Цин Сяна изыскать способ схватить Суранчи и «выветрить мятежный дух» [135, т. 1, л. 14а]. По мнению Цин Сяна, киргизам следовало объявить, что власти не намерены ловить Суранчи, и со своей стороны ждать, когда условия жизни за-

ставят его вернуться в прежние кочевья. Вот тут-то, указывая Цин Сян, нужно его заманить и схватить, не останавливаясь перед применением силы [135, т. 3, л. 246]. Однако углубляться в киргизские кочевья наместник считал делом рискованным.

Судьба Суранчи и других старшин, помогавших Джахангиру, в случае поимки была predetermined: они подлежали казни.

Однако Суранчи никак не давал о себе знать. Джахангир же бежал в Коканд, откуда летом 1821 г. совершил попытку прорваться в Кашгарию вместе с братом Бахаудином. Эта попытка не удалась, и Джахангир вынужден был укрываться в сопредельных с Кашгарией районах. Вскоре поступило известие, что он объявился в предгорьях Алая. Кашгарский наместник Юн Цинь распорядился заслат лазутчиков в киргизские кочевья. Первые же донесения гласили, что Джахангир подбивает киргизов пересечь границу и проникнуть в Кашгарию. Потом поступила информация о том, что Джахангир с братом Бахаудином и 200 киргизами замыслил прорваться к Кашгару через караулы Тумушук и Улуг [135, т. 4, л. 226].

Однако действий Джахангира долго не предпринимал, но и не покидал киргизских кочевий. На рубежах Кашгарии в течение 2—3 лет сохранилось обманчивое спокойствие.

Выступление Суранчи и некоторых родственников Турдыамета на стороне Джахангира поначалу в Пекине восприняли как частное явление. Там считали, что широкой поддержки среди киргизов ходжа не имеет. Такое мнение со временем пришлось изменить. В императорском указе от 15 ноября 1824 г. уже содержится признание, что Джахангир созвал много киргизов, желающих идти на Кашгар [108, т. 73, л. 306]. Это обстоятельство побудило цинский двор осторожно проводить операции за линией караулов. Инструкция кашгарскому наместнику на сей счет гласила: войскам не углубляться за пределы пикетов, если местонахождение Джахангира не определено [108, т. 73, л. 316—32а].

Зимой 1824 г. отряд Джахангира спустился с Алая и атаковал караул Улуг. Вылазку цинские войска отбили и устремились за кордон, преследуя бежавших. От карателей пострадали в основном айлы киргизов, располагавшиеся вблизи цинских караулов. Погибли несколько десятков человек, в том числе старшина киргизов ямантеит Сергаджи, сподвижник Турдыамета. В ответ на докладную об этом происшествии богдыхан начертал: «Весьма одобряем» [108, т. 74, л. 236]. Правда, цинские власти не спешили рубить головы всем пленным. Так, Ислама, младшего брата найманского бия Айсы, обезглавить повременили, но зато сочли целесообразным уведомить Айсу, что он спасет жизнь брату, если действительно поможет в поимке Джахангира [108, т. 74, л. 236].

В Пекине решили, что «утруждать войска» поисками участников налета не стоит, а следует поручить это «надежному» киргизскому бию Байназару [108, т. 74, л. 24а]. Для поощрения рвения тех киргизских старшин и их людей, которые помогали в отражении нападения на караул Улуг, двор распорядился наградить их. Рядовому киргизу, в частности, причиталось 2 лян серебра [108, т. 74, л. 246].

После этой вылазки за линию пикетов цинские войска были отведены на свои квартиры.

По поручению Юн Циня кашгарский хаким Мухаммед-Саид направил своих людей к найманскому бию Айсе, чтобы убедить его не помогать Джахангиру. Результаты оказались, видимо, довольно скромные. Бий якобы убеждал своих соплеменников не присоединяться к Джахангиру [135, т. 5, л. 256]. Никаких гарантий, что Айса поможет изловить Джахангира, власти не получили.

Кашгарская администрация исподволь собирала сведения о местонахождении ходжи. Юн Цинь сообщал в Пекин, что ходжа бежал в Каратегин [108, т. 74, л. 23а; т. 78, л. 15а]. Уточняя, наместник позднее доносил, что Джахангир в местности Кара-курган, в нескольких днях пути от цинского пикета. Однако Пекин продолжал держаться прежней позиции: раз ходжа находится за пределами империи и местопребывание его не определено, углубляться войскам в чужие пределы не стоит [108, т. 78, л. 156]. Юн Циню рекомендовалось сообщить киргизам, что если смогут схватить Джахангира и его приверженцев, то это «очень хорошо» [108, т. 78, л. 156]. Особых милостей за поимку ходжи в этот раз Пекин не сулил. Очевидно, здесь был свой расчет. Правители Поднебесной, вероятно, пытались внушить киргизам, что особого интереса теперь к личности Джахангира не проявляют. Не следует впадать в те или иные крайности, гласила инструкция Юн Циню (указ от 3 марта 1825 г.), в конечном счете надлежит «успокоить и умиротворить [закордонных киргизов]. Это самое главное» [108, т. 78, л. 156].

Лицемерными рассуждениями о миролюбии цинские правители пытались скрыть свою боязнь перед киргизами. Поддержание с ними мира отвечало интересам дома Цин: способствовало внутривосточной стабильности в Кашгарии.

Несколько позднее (указ от 12 июля 1825 г.) двор вновь наставлял Юн Циня обходиться с закордонными киргизами «ласково и миролюбиво», чтобы их можно было легко использовать для получения сведений о Джахангире [108, т. 82, л. 26а].

Цинские власти не упускали ни малейшей возможности показать киргизам свое расположение. В 1823 г. из Коканда откочевал бий Жанболат, примкнувший было в Джахангиру. Кашгарский наместник распорядился отвести

ему кочевья, а двор пожаловал бию знаки отличия [108, т. 58, л. 20а—20б].

Неустойчивое положение на границе с киргизами заставило цинские власти внимательно относиться к каждому случаю нарушений ее своими же военнослужащими. В конце 1824 — начале 1825 г. на уровне центральных ведомств разбирались два таких случая. В первом речь шла о том, что караульный офицер с отрядом, преследуя грабителей, укравших лошадей у андижанцев, углубился в чужие пределы [108, т. 75, л. 12а—12б]. Ему инкриминировалось нарушение запрета выходить за линию пикетов. Во втором случае унтер-офицер, стремясь получить награду, арестовал за кордоном ни в чем не повинного киргиза [108, т. 76, л. 176]. Распространение такой практики вело лишь к дальнейшему нагнетанию напряженности на границе, и Пекин распорядился наказать не в меру ретивого унтер-офицера и покрывшего его проступок начальника [108, т. 76, л. 176—18а].

Обстановка в киргизских кочевьях продолжала оставаться очень сложной. Киргизы, как сообщал в начале 1825 г. кашгарский наместник Юн Цинь, пребывали в состоянии страха и нерешительности, опасаясь возможного выступления цинских войск. А после того, как стало известно, что старшины киргизов-найман не поддержали предложение Джахангира пойти на Кашгар, Юн Цинь уже более оптимистично доносил: «Действительно настроения у варваров по внешней сторону караулов надежные, ...можно использовать этих людей» [135, т. 6, л. 86].

Однако длительное пребывание Джахангира у киргизов убедительно свидетельствовало, что они никак не на стороне империи Цин. В Пекине были вынуждены признать, что киргизские старшины не поймали Джахангира [108, т. 82, л. 266]. Тем не менее указом от 12 июля 1825 г. император распорядился наградить несколько киргизских биев, которые не примкнули к Джахангиру или сообщили о нем сведения [108, т. 82, 266—27а].

Пока поддерживавшие Джахангира киргизы держались в стороне от цинских пикетов, кашгарский наместник Юн Цинь получил донесение, что Джахангир живет у саякского старшины Тайлака и у него не более двух десятков людей. Юн Цинь решил не упускать столь благоприятного момента и тут же отправил за кордон более 200 солдат со своим помощником Баянбату. Не найдя Джахангира, отряд Баянбату вырезал свыше 100 беззащитных детей и женщин в айле Тайлака [135, т. 8, л. 4а]. В отместку саякский старшина во главе ополчения уничтожил цинский отряд вместе с командиром. Произошло это осенью 1825 г.

К этому времени в Пекине все больше и больше приходят к мнению, что киргизы ведут

себя не столь лояльно по отношению к империи, как это выглядело в реляциях Юн Циня. Показателем в этом отношении указ от 7 ноября 1825 г. Уйдя из Каратегина, хаджа беспрепятственно действовал в сопредельной с Кашгарией местности. Найманские бии позволили ему уйти к саякам. Там он сейчас подбивает кочевников идти на Кашгар. «Почему очень много примкнувших к нему бурутов?» — вопрошал указ [108, т. 89, л. 326].

Гибель отряда Баянбату вызвала очень болезненную реакцию в Пекине. Сам Баянбату, отличившийся расправой над беззащитными людьми, был объявлен героем, «отдавшим жизнь за государство» [108, т. 89, л. 29а]. Юн Цинь же правительство заклеило, обвинив его в причастности к разгрому соединения Баянбату: во власти наместника было послать ему подкрепление [108, т. 89, л. 336].

Катастрофа с отрядом Баянбату, как признавали в Пекине, нанесла ущерб авторитету Поднебесной [95, т. 89, 346]. Повысить его следовало, как гласил очередной указ, «беспощадной резней киргизов» [95, т. 89, 346]. Но с походом в киргизские пределы правители Поднебесной решили не спешить. При этом ссылались на льды и снега, которые сильно затруднят действия войск за кордоном, а также на необходимость получения более достоверных сведений о Джахангире [108, т. 89, л. 35а].

Карательная экспедиция против киргизов затрудняла цинскому двору решение более важной для них задачи — поимку Джахангира. Вероятность того, что он станет укрываться в киргизских аилах, вполне допускали министры богдыхана. В то же время поиск и поимка его собственными силами для правителей империи Цин представлялось делом не очень желательным по ряду причин. Прежде всего, не последнюю роль играли при этом непроизводительные расходы на экспедиционные силы. Об этом прямо говорится в указе от 15 ноября 1825 г. [108, т. 90, л. 11а]. Более привлекательным для цинского двора был иной выход. «Мы думаем, — писал император, — что, руками варваров покоряя варваров, можно будет добиться успеха без труда» [108, т. 90, л. 10а]. Конкретно Пекин хотел, чтобы бывший кашгарский хаким Юнус, некогда наказанный по представлению синьцзянского наместника Сун Юня, уговорил закордонных киргизов изловить Джахангира и его брата Бахауддина [108, т. 90, л. 10б]. Если бы это оказалось Юнусу не по плечу, можно было поручить такую миссию другому способному беку [108, т. 90, л. 11а].

Цинские власти пытались не упустить ни малейшей возможности использовать разлады между киргизскими старшинами, натравить одного на другого, чтобы ликвидировать Джахангира и его приверженцев. Предметом особого внимания цинского начальства стали, например, старшины Напас, Тёрёши, Ильяс-Менды,

Они не проявили особого желания поддерживать Джахангира [108, т. 90, л. 326]. Притом Ильяс-Менды, спасаясь от Тайлака, был вынужден оставить прежние кочевья. Вот эту тройцу Пекин и рекомендовал кашгарскому наместнику Юн Циню склонить к сотрудничеству и «угрозами, и посулами» [108, т. 90, л. 326]. За то, что они не пошли за Джахангиром, их следовало наградить и пообещать еще большую награду за убийство или выдачу Джахангира и Тайлака [108, т. 90, л. 33а]. Ильяс-Менды, почуял цинский двор, следовало особо внушать, что Тайлак — причина его бедствий, а за расправу с ходжей и Тайлаком империя Цин обеспечит Ильяс-Менды и его сородичам спокойную жизнь и не оставит своими милостями [108, т. 90, л. 33а—33б].

Все эти рецепты из Пекина пока оставались на бумаге. Синьцзянский наместник Цин Сян докладывал, что ему известно очередное местонахождение Джахангира: он укрылся в местности Шила, в 500—600 ли пути [108, т. 90, л. 40а]. Схватить его там, писал Цин Сян, не удастся. Если пошлем большой отряд, ходжа убежит в Коканд [108, т. 90, л. 40а]. Судьба Баяньбату и его солдат отрезвляюще подействовала на синьцзянское начальство: Син Цян признавал, что на киргизов в поимке ходжи рассчитывать нечего, притом и казахи на илийской границе неспокойны [108, т. 90, л. 40б]. «Лучше всего сейчас довременить, усилив охрану караулов», — резюмировал наместник.

В Пекине доводы Цин Сяна, скрепя сердце, признали верными. Но тот факт, что Джахангир и Тайлак остались безнаказанными и не сложили оружие, приводил в смятение придворные круги. Представление о могуществе Поднебесной было серьезно поколеблено, а это было чревато нежелательными для правителей империи последствиями как внутри ее, в частности в Кашгарии, так и за ее пределами.

В порядке первоочередной меры правительство решило произвести перестановку в синьцзянской администрации. Цин Сяна на посту синьцзянского наместника сменил Чан Лин, а самого Цин Сяна направили в Кашгар для принятия совместных действий с Юн Цинем. Во что бы то ни стало, гласил указ (6 декабря 1825 г.), нужно расправиться с Джахангиром, Тайлаком и примкнувшим к ним бием саяков Байбакасом, «чтобы повысить авторитет [нашей] державы и водворить спокойствие на границе» [108, т. 90, л. 41а—41б].

Практически же цинские власти смогли осуществить лишь несколько вылазок против некоторых враждебных старшин или их близких. На эти действия цинское начальство решилось потому, что ему помогали киргизские же старшины. Родо-племенные междоусобицы у киргизов играли на руку цинскому командованию. Так, при содействии чагар-саякского бия Напаса удалось схватить Хаербаша, брата

Байбакаса, стараниями чонбагышского бия Жанболата был убит бассызский бий Чебылды, участник нападения на отряд Баяньбату, и захвачены его сын и племянник.

В целом же летом 1826 г. обстановка у киргизов не давала цинским властям причин для особого оптимизма. Обосновавшись в Куртке (севернее р. Нарын). Джахангир с Тайлаком, Атаньтаем и Байбакасом вознамерились построить здесь укрепленный лагерь. И тем не менее цинские власти не отваживались на вылазку за кордон с целью поимки Джахангира. По сведениям кашгарского начальства, он со своими сподвижниками Атаньтаем и Байбакасом еще в начале 1826 г. находился в саякских аилах в Тогуз-тороо. Непелесообразность отправки туда войск для поимки ходжи новый кашгарский наместник Цин Сян мотивировал тем, что это может вызвать ненужный переполох среди киргизов. «За караулами всюду кочуют буруты. Дороги там очень запутанные, — писал Цин Сян в Пекин. — Не следует войскам далеко заходить, чтобы [иноземные] племена, увидев и испугавшись, стали [к нам] подозрительны» [135, т. 7, л. 106]. Иными словами, киргизы отнюдь не внушали уверенности цинскому сатрапу.

По ознакомлении с положением на месте Цин Сян был вынужден констатировать, что многие киргизские бии «бездействовали», т. е. не совершали нападений, только опасаясь «мощи армии» [135, т. 12, л. 86]. Возможности нападения киргизов наместник вовсе не исключал и заверял Пекин, что лично возглавит войска и истребит налетчиков. Пока же Цин Сян приказал объявить киргизским старшинам, дабы они не предпринимали ничего такого, что может вызвать сомнения относительно их намерений.

Цин Сян не успел получить ответных инструкций из Пекина, как Джахангир с 500 андижанцами и киргизами в Куртке переправился через реку, прошел Ак-меит и прибыл в местность Тоюнъ. Затем он прошел между караулами Ислык и Тушукташ и устремился к Кашгару.

С появлением Джахангира в Восточном Туркестане летом 1826 г. здесь вспыхнуло антицинское восстание.

Возникновению его в определенной степени способствовали киргизы. С момента ухода из Коканда в 1821 г. Джахангир, по его собственному признанию, жил тем, что помимо подношений его адептов из Кашгарии ему давали киргизы [135, т. 63, л. 136]. Благодаря Тайлаку, Атаньтаю и Байбакасу Джахангир появился в Кашгарии и возглавил здесь антицинское восстание. Акцентируя ту роль, которую киргизы сыграли в успехе выступления Джахангира, правитель Синьцзяна докладывал в Пекин: «Джахангир поднял мятеж, войдя в сговор с бурутами» [135, т. 28, л. 126].

После столкновения с цинскими войсками у мазара Аппак-ходжи (в окрестностях Кашгара), что фактически явилось началом восстания в Кашгарии, Джахангир направил киргизов для захвата Уч-Турфана.

Повсеместного выступления киргизов с началом восстания, однако, не последовало. И цинское правительство спешит если не привлечь на свою сторону, то по меньшей мере нейтрализовать тех, кто еще не выступил на стороне Джахангира. Из Пекина специальным указом предписывалось направить за кордон «способных чиновников» для оглашения императорского манифеста. В нем признавалось, что Баянбаты «безрассудно» вырезал семью саякского бия Тайлака. Это явилось причиной его враждебности к цинским властям. Но теперь убийство Баянбаты богдыхан Тайлаку прощает. Хун Ли призывал киргизов к покорности и сулил щедрые награды тем, кто сохранит лояльность [135, т. 28, л. 166].

Командующий карательными силами Чан Лин, предвидя бегство Джахангира за кордон, не исключал возможности его поимки киргизами, которые могут прельститься на обещанные награды. «Хотя Тайлак и иже с ним — иноземные варвары, у них человеческое сердце. Естественно будут признательны, станут изво всех сил стараться, надеясь получить щедрую награду», — доказывал Чан Лин [135, т. 32, л. 196]. Если бы киргизы пропустили Джахангира и дали ему возможность скрыться, то их ожидала поголовная резня. Об этом должны были известить киргизских старшин посланцы цинского командования.

В ответ (указ от 4 января 1827 г.) Пекин инструктировал Чан Лина, чтобы он привлеч киргизов блокировать выходы из Кашгарии, воспрепятствовать бегству Джахангира. Добиваться этого следовало обещанием награды [108, т. 109, л. 186]. В складывавшейся обстановке, когда повстанцы брали верх, цинское правительство не считало уместным грозить киргизам. За поимку ходжи оно сулило почетный титул и 100 тыс. лян серебра [135, т. 24, л. 226; 108, т. 109, л. 256].

Однако оглашение воззваний к киргизам особой отдачи не давало. Многие бии, с которыми встречались представители цинского командования, заверяли в своей лояльности империи, а потом выяснилось, что они помогают Джахангиру. Вот характерный пример. В конце 1826 г. Чан Лин и его помощники сообщали в Пекин, что все киргизы племени черик согласны выполнять указания цинского командования. А пару месяцев спустя Чан Лин и его генералы были вынуждены признать, что киргизы-черик всемерно помогают Джахангиру [135, т. 38, л. 126].

С конца 1826 г. карательные войска форсируют наступление на занятые повстанцами районы. Цинское командование делало ставку

на то, что теперь киргизы не станут оказывать сопротивления и уйдут. Помощник командующего Улуна, докладывая в Пекин, подчеркивал, что киргизы не сродни уйгурам. Разжившись добычей, они покинут Кашгарию, так как «не могут от начала и до конца помогать мятежным туркестанским массам» [135, т. 24, л. 266]. Последующий ход событий внес определенные коррективы в этот прогноз. По донесениям цинских лазутчиков, в марте 1827 г. в Хотане отмечалось большое скопление повстанцев: киргизов и уйгуров. Тайлак и Атаньтай, заняв караул Барчан, призывали киргизов всех племен оказывать сопротивление цинским войскам [135, т. 41, л. 10а]. На Уч-Турфанской дороге действовали киргизские отряды, убивая цинских солдат [135, т. 41, л. 16]. Командование карательными силами империи всемерно стремилось разобщить киргизов и уйгуров. Оно выказывает первым более снисходительное, порою даже участливое отношение. Командующий Чан Ли пресекал действия кашгарской администрации, которые провоцировали киргизов. Показателен в этом отношении случай с правителем Уч-Турфана Цин Лянем. Когда у местных жителей пропали кони, он распорядился изловить и посадить под арест бия соседних киргизов Гэрча-Кутлука. Лошади нашлись, к их пропаже бий оказался не причастным и его отпустили. Потом уч-турфанский начальник послал за ним местного хакима Мусу. Заподозрив неладное, Гэрча-Кутлук не поехал в Уч-Турфан и убил Мусу. По рекомендации Чан Лина правительство (указом от 6 декабря 1826 г. сняло Цин Ляня с должности [108, т. 109, л. 21а]. При дворе рассудили, что хорошие отношения с киргизами важнее, чем гибель одного уйгурского хакима. За убийство Мусы решили не взыскивать. Император распорядился даже наградить Гэрча-Кутлука [108, т. 100, л. 24а].

После первого же значительного успеха своих войск цинское правительство дало новую установку в отношении киргизов. Обещания наград остались. В то же время в адресованных им манифестах отчетливо зазвучала угроза. «Непременно нужно, чтобы иноземные варвары в душе осознали последствия послушания мятежнику [Джахангиру]», — гласил указ от 9 декабря 1826 г. [108, т. 109, л. 326].

Перед развертыванием наступления на Кашгар и Яркенд — опорные центры повстанцев — цинское командование отправило представителя с воззванием к киргизам племен черик и саяк, распорядилось распространить воззвания среди людей Тайлака и Атаньтая.

После того как было подавлено сопротивление повстанцев в Кашгаре, Янги-Гиссаре, Хотане и Яркенде, в поисках Джахангира цинские отряды по приказу Пекина на некоторых участках переходят границу империи с киргизами. При дворе, однако, весьма скептически расценивали возможности собственными силами

схватить Джахангира, если даже известно будет его местонахождение. «Мы думаем,— писал богдыхан в указе от 9 июня 1827 г.,— что варвары, несомненно, лукавы. Может быть, Чан Лину и другим уже известно местонахождение Джахангира. Так как за пределами караулов дороги разветвляются, к тому же эта территория иноземных варваров, то в конечном счете окажемся беспомощными. Опасаюсь, что [Джахангира] не сможем тут же схватить» [108, т. 117, л. 236]. Иными словами, цинский двор признавал, что в поимке ходжи на поддержку киргизов особенно рассчитывать не приходится. Поэтому Пекин рекомендовал командирам задобрить киргизских старшин прежде, чем вернуть поиски Джахангира. Особое внимание следовало обратить на Тайлака и Атаньтай, давних и активных помощников Джахангира. Хотя они, как считали в Пекине, и не соглашались тут же выложить сведения о ходже, однако не исключено, что их отношение к империи изменилось.

Однако на деле «умиротворение» киргизов зачастую сводилось к беспощадной резне. Так, в частности, вырезал киргизов отряд Цаяньбао. Известие об этом в Пекине восприняли как должное [108, т. 118, л. 46]. Памятуя об участии отряда Баянбату, министры богдыхана, правда, порекомендовали кашгарским военачальникам не вторгаться «легкомысленно» в киргизские пределы, если киргизы ведут себя спокойно [108, т. 118, л. 56]. Решали это цинские военачальники по своему усмотрению и не упускали случая разделаться с киргизами для наказания на будущее. Тем более, что Пекин предоставил своим генералам полную свободу рук. Указ от 29 июня 1827 г. предписывал рубить головы и тем киргизам, которые оказались косвенно причастными к гибели цинских солдат в киргизских пределах. Это, как резюмировал указ, «вполне показывает законы [нашего] государства и радует сердце [наших] людей» [108, т. 118, л. 116].

Айлы «мятежных» киргизов, оказавшиеся досягаемыми для цинских отрядов, искоренялись полностью. Уцелевших от резни женщин и детей император распорядился отправить в Или и отдавать в рабство чахарам и элютам [108, т. 118, л. 116].

Налетами на близлежащие айлы киргизов цинское командование сделало лишь более недоступными для своих войск глубинные киргизские районы. Потому ничего не оставалось, как опять обращаться к киргизам же за содействием в поимке Джахангира. Узнав о пребывании его в урочище Мужи, Пекин тут же в указе (от 28 июня 1827 г.) распорядился привлечь к его поимке биев племени найман [108, т. 118, л. 11а].

Указ этот остался благим пожеланием. Джахангир из Мужи беспрепятственно ушел в Лакэша. Эта местность соседствовала с айлами

каратегинских киргизов. Не имея с ними контактов, Чин Лин тем не менее отправил их старшинам послание, чтобы они помогли поймать ходжу [108, т. 119, л. 96].

Поиски Джахангира за линией пикетов оказались безрезультатными. Ни посулы, ни угрозы не подействовали на киргизских старшин. «Войска вышли за линию караулов преследовать и схватить мятежника Джахангира. Уже много дней прошло, а [его] еще не поймали,— гласил указ от 25 октября 1827 г.— Давно следовало отвести войска на свои квартиры, чтобы сократить бесполезные расходы» [108, т. 125, л. 6а—6б]. Очевидно, дело ограничивалось не только излишними расходами. Военные демонстрации за пределами империи были чреватые внешнеполитическими осложнениями. Брать на себя ответственность за это Чан Лин вовсе не хотел.

Поведение иноземных правителей убеждало пекинский двор, что они вовсе не заинтересованы в поимке Джахангира. Больше того, ниспровержение цинского господства в Синьцзяне отвечало интересам правителей сопредельных владений, в том числе и киргизских биев.

«Уделы иноземных варваров извлекают выгоды из того, что он (Джахангир.— В. К.) вызвал смуту... Трудно гарантировать, что они снова не сговорятся подстрекать к выступлению население Кашгарии»,— говорилось в указе Хун Ли от 26 ноября 1827 г. [108, т. 127, л. 20а—20б].

Реляции в Пекин о состоянии дел у Джахангира в киргизских кочевьях и ответные указы не поспевали за ходом событий — подлинных и мнимых. Только Чан Лин доложил о действиях, предпринимаемых для поимки Джахангира в Лакэша, как стало известно, что ходжу укрыл небезызвестный Атаньтай. Больше того, Джахангир якобы уже подбивает киргизов снова идти на Кашгар [108, т. 129, л. 14а].

Бий киргизов-черик Садибек, докладывая Чан Лин, вызвался отправиться в Тогуз-То-роо и изыскать способ схватить Джахангира. В Пекине заверения Садибека восприняли настороженно: он, вероятно, просто выведывает обстановку [108, т. 129, л. 14б]. Тем не менее было решено дать ему серебра и другие подарки на тот случай, если он действительно захочет помочь цинскому командованию.

В свою очередь Чан Лин направил за линию караулов лазутчиков. Кроме того, Атаньтай и уч-турфанским киргизам были адресованы суровые предупреждения, чтобы они воспрепятствовали бегству Джахангира и схватили его [108, т. 129, л. 14б].

Джахангир, сообщал Атаньтай, уже как месяц с лишним покинул его айлы. Схватить же его он, Атаньтай, не решился: с ходжей было свыше 200 человек. Сейчас ходжа в ко-

чевьях Ильяс-Менды, на расстоянии 800—900 ли от цинских пикетов. Присылку Атаньтаем парочных с этим уведомлением цинское командование восприняло как уловку с целью вызвать о действиях войск [108, т. 131, л. 37а]. И буквально следом же Чан Лин докладывал в Пекин, что Джахангир вновь укрывается у Атаньтая (108, т. 131, л. 40а). Чан Лин считал более подходящим заманить ходжу в пределы Кашгарии и там с ним покончить. В Пекине скептически оценивали сведения лазутчиков и показания киргизов о Джахангире, и потому держались двойкой установки: «Не следует легкомысленно выходить за кордон и не следует, сидя сложа руки, упускать подходящего момента» [108, т. 131, л. 40б].

Джахангир в конечном счете попал в руки цинских властей. Но киргизские старшины не были причастны к его поимке. Не случайно в списках лиц, представляемых к награде, нет имен киргизских биев.

Узнав о поимке Джахангира, небезызвестный Атаньтай откочевал как можно дальше. Чан Лин все же не терял надежды использовать этого бия. Командующий отправил послание уже упоминавшемуся Тайлаку, чтобы он убедил Атаньтая вылавливать сторонников Джахангира. Так Атаньтай, говорилось в послании Чап Лина, сможет искупить свою прежнюю вину перед империей Цин [108, г. 133, л. 9а—9б].

От преследования Атаньтая двор отказался, дабы «не утруждать войска» [135, т. 59, л. 8б]. Иными словами, предприятие с поимкой Атаньтая в тот момент представлялось делом сомнительным и рискованным.

С поимкой и казнью Джахангира Кашгарию на время уладили. Но для цинского двора восстание оставило целый комплекс внешнеполитических проблем. Одной из них был вопрос о политике в отношении киргизов.

Выступление Джахангира со всей наглядностью показало цинскому правительству, что киргизы вовсе не являются его «внешней оградой» на западных рубежах империи. Препятствовать факт содействия киргизов Джахангире было нельзя, предпринять же карательные акции в широких масштабах не представлялось возможным.

Специальный уполномоченный «по ликвидации последствий восстания» На Яньчэн, в определенной степени сгущая краски, писал: «В действительности мятеж Джахангира [возник] из-за того, что [мы] утратили сердца буртов...» [135, т. 62, л. 11а]. Значит, чтобы не допускать повторения подобных событий впредь, надлежало, по мнению На Яньчэна, исподволь завоевывать симпатии киргизских предводителей. От репрессий за содействие Джахангире следовало отказаться. Исходя из

того, что после поимки Джахангира и «умиротворения» Кашгарии, некоторые киргизские старшины выражают свою лояльность империи, На Яньчэн предлагал упрочить с ними отношения. В перспективе это открывало возможность подчинить их власти Цинского дома и облегчало задачу обеспечения безопасности границ империи. Киргизским старшинам, как рекомендовал На Яньчэн, следовало давать не только знаки чиновного достоинства (шарик и перья на шапку), но и выплачивать ежемесячно своего рода жалование серебром, атласами. При этом, подчеркивал На Яньчэн, надо придерживаться принципа полного невмешательства во взаимоотношения киргизских общин между собой, а равно и в их отношения с другими иноземными владениями [135, т. 80, л. 10б].

Последнее соображение совпало с мнением трона. «[Если] иноземные варвары, своевольничая, сталкиваются лбами и дерутся друг с другом, [то] Небесная династия не вмешивается», — говорилось в императорском указе министрам Цзюньдичу от 1829 г. [135, т. 80, л. 10б]. В отношении киргизов, указывал император, не следует бросаться в крайности, выказывая заинтересованность в поддержании контактов с ними, или, наоборот, нежелание их. «Бесспорно, зачем непременно приглашать их (киргизов.— В. К.), чтобы пришли, и зачем непременно приказывать им, чтобы ушли» [135, т. 80, л. 11а]. Богдыхан решительно выступил против раздачи киргизским старшинам знаков чиновного достоинства и выплаты им ежемесячного жалованья. В отличие от На Яньчэна он не считал нужным нести какие-либо расходы по оказанию вспомоществования киргизам. «Средство обуздания иноземных варваров, — указывал богдыхан, — как раз и заключается в том, чтобы заставить их самих обеспечивать себя средствами к существованию» [135, т. 80, л. 11а]. За пышными фразами о стремлении «обуздать» независимых от империи Цин киргизов на деле крылось признание того факта, что она была бессильна оказывать сколько-нибудь существенное влияние на состояние дел в киргизских землях, лежавших за пределами ее границ.

Вместе с тем само именование «варварами» всех некайтацев весьма наглядно иллюстрирует критерии политического мышления, свойственного правящей элите императорского Китая, которые оказались довольно живучи и в последующем.

В конечном счете позиция Пекина в отношении киргизов после восстания Джахангира не претерпела принципиальных изменений. Цинский двор не смог обеспечить доброжелательного отношения к империи со стороны соседивших киргизов. В этом убеждают последующие события.

КИРГИЗЫ И ВЫСТУПЛЕНИЕ ЮСУФ-ХОДЖИ

Летом 1830 г. синьцзянский наместник Юй Линь докладывал в Пекин, что киргизы скапливаются на Нарыне и замышляют якобы вторжение в Кашгарию. Хотя сведения о том были противоречивы [108, т. 170, л. 18а—18б], наместник обращал внимание цинского двора на следующие сомнительные обстоятельства. Прежде, когда цинский офицер совершал патрульный объезд, саякский бий Таштанбек обычно сам выезжал навстречу. В этот же раз прислал своих сыновей. Через них убеждал начальника патруля Туаньдобу не быть легковверным к словам иных людей, двигаться дальше. Сопровождающих ему он, Таштанбек, уже подготовил. К тому же Атаньтай и Тайлак давно и далеко, не оставив следов, откочевали [108, т. 170, л. 19а].

Учитывая обстановку, Юй Линь считал необходимым отложить смену кашгарских гарнизонов на один год. Чтобы покончить с Атаньтаем и Тайлаком, давно уже зарекомендовавших себя активными противниками империи Цин, «грозою границ», наместник предлагал в мае — июне 1831 г. предпринять против них карательную экспедицию [108, т. 170, л. 19б].

Трон указом от 8 августа 1830 г. одобрил все предложения Юй Линя. Непокорных киргизов Атаньтая и Тайлака, особо подчеркивалось в указе, следует со всей суровостью покарать [108, т. 170, л. 19б]. Правители Поднебесной рассчитывали подключить к этой кампании старшин окрестных с Кашгаром киргизских айлов, биев же киргизов, кочующих за пределами илийских караулов (в частности, буту), — сдерживать [108, т. 170, л. 19б—20а].

По возвращении отряда Туаньдобу, совершившего патрульный объезд, Юй Линь получил новое подтверждение о якобы военных приготовлениях киргизов. Наблюдались большие их скопления, были и прибывшие издалека. Небольшими группами киргизы следовали за отрядом Туаньдобу, вызывая его численность [108, т. 171, л. 7б].

Новые обстоятельства, а главное осознание того, что «нарынская местность принадлежит иноземным варварам» [108, т. 171, л. 8б], заставили Пекин более осмотрительно решать вопрос о карательном походе. Неспроектированное нападение цинских войск тайло и для них самих много непредвиденного. Интересы престижа империи Цин были отнюдь не безразличны ее правителям. Теперь уже Пекин дает синьцзянским властям двойную инструкцию (указ от 25 сентября 1830 г.). Если киргизы действительно замышляют нападение, то надо сначала попытаться их образумить, а при необходимости и покарать. Если же они спо-

койны, то никоим образом легковверно не слушать клевету, дабы не подрывать «престиж Небесной династии» [108, т. 171, л. 8б].

Докладная кашгарского наместника Улуна дала новый оборот вопросу о нарынских киргизах. Опасаясь их нападения, Юй Линь предложил вернуть обратно солдат, отправленных из Или на смену кашгарскому гарнизону. Улуна же назвал это предложение «паническим». Айлы Тайлака располагаются недалеко от Кашгара, и тамошние киргизы, заверял Улуна, в целом держатся лояльно [108, т. 171, л. 18а]. Мероприятия в отношении киргизов, предложенные Юй Линем, Улуна квалифицировал как непригодные, ибо они «чреваты осложнениями на границе» [108, т. 171, л. 18а]. В конечном итоге в Пекине заключили, что речь шла не вообще о готовившемся вторжении киргизов, а о нападении на илийский отряд, шедший на смену кашгарскому гарнизону. Отряд этот продвигался, как случилось и раньше, через киргизские кочевья на Нарыне. Очевидно, в этот раз Тайлак решил отбить охоту у цинских солдат самовольно вторгаться в чужие пределы, почему илийский отряд, не дойдя до Кашгарии, и повернул обратно. С этим в порядке временного исключения Пекин согласился.

Однако заверения Улуны в «лояльности» киргизов придали решимости советникам богдыхана. «Средство держать в повиновении иноземных варваров, — гласил указ министрам Военного совета (1 сентября 1830 г.), — в том, что непременно нужно показывать силу нашей мощи». В 1831 г., предписывал этот указ, отряд из Или пойдет в Кашгарию через нарынскую местность [108, т. 171, л. 19а]. Правители Поднебесной вознамерились заставить сопредельных киргизов смириться с тем, что цинские отряды могут проходить через киргизские кочевья, не считаясь с их владельцами. Такой практикой цинский двор рассчитывал внушить соседям, что, несмотря на недавнее восстание в Кашгарии, империя еще достаточно сильна. Однако действительность опровергла эти расчеты.

В 1830 г. на стороне Юсуф-ходжи, брата Джахангира, активно выступили киргизы. Помимо уже известных Атаньтая и Тайлака к Юсуф-ходже примкнули старшины, которые до этого не предпринимали враждебных действий против цинских властей. Саякский бий Таштанбек во время выступления Джахангира заигрывал с цинским командованием. На этот раз он помог Юсуф-ходже лошадьми. Соплеменники Атаньтая и Тайлака, часть киргизов — бассыз, кипчак, чонбагыш — вместе с людьми Юсуф-ходжи прорвались в пределы Кашгарского округа и участвовали в осаде цитадели. После неоднократных попыток взять ее Атаньтай и Тайлак покинули повстанцев и

ушли обратно за кордон. Однако опасений у пограничных цинских властей относительно настроений киргизов не уменьшилось. С тревогой, например, сообщали они в Пекин, что бии киргизов, кочующих за линией Уч-турфанских пикетов, «неблагонадежны» и выжидают развития событий.

Восстание Юсуф-ходжи потерпело неудачу. Тем не менее киргизы оказались в выигрыше. В 1832 г. они получили право беспопыльной торговли в Кашгарии [141, т. 4, л. 37а]. Пойдя на это, Цинский дом надеялся упрочить свой престиж в глазах киргизских предводителей. В Пекине вместе с тем сознавали, что одними лишь поблажками такого рода надолго и надежно не обезопасить рубежи Кашгарии. И прежде всего, потому, что правители империи Цин устанавливали пределы своих западных владений в одностороннем порядке, опираясь на военную силу.

* *

Выступление киргизов на стороне Джахангира и Юсуф-ходжи показало правителям Китая неэффективность прежней системы обороны Кашгарии. Пока отношения с соседями после восстания Юсуфа оставались в неопределенном положении. В Пекине не исключали вероятности новых вылазок извне. Для их предотвращения некоторые сановники рекомендовали разместить солдат лагерями за линией пикетов [108, т. 204, л. 176]. Осуществление этого мероприятия прежде всего затрагивало киргизов, располагавшихся в непосредственной близости от военно-административных пунктов Кашгарии. Отправка цинских войск из Синьцзяна и размещение их за его пределами явились бы не чем иным, как вторжением на земли соседей, и потому были чреваты весьма серьезными последствиями для самих цинских властей: могли лишь усугубить напряженность на рубежах Восточного Туркестана. В свою очередь, это могло неблагоприятно сказаться на стабильности цинского господства в Кашгарии. Отдавая в том отчет, усмиритель восстаний Джахангира и Юсуфа Чан Лин выступил против размещения войск за линией пикетов. В частности, Чан Лин указывал, что если это предпринять, к примеру за пределами Уч-Турфана, то окрестные киргизы насторожатся [108, т. 204, л. 186]. 1700 солдат, расквартированных в Уч-Турфане, доказывал Чан Лин, вполне достаточно, чтобы внушить «должное уважение» со стороны киргизов [108, т. 204, л. 186]. Доводы Чан Лина, очевидно, возобладали.

После подавления восстания Юсуф-ходжи и вплоть до 1845 г. отношения с киргизами для

кашгарских властей не представляли такой проблемы, чтобы докладывать о ней в Пекин. Вместе с тем синьцзянское начальство не упускало возможности поживиться за счет киргизов, а для острастки и вырезать их. Чтобы отомстить за бесчинства кашгарских властей, за гибель многих своих соплеменников, закордонные киргизы взялись за оружие [109, т. 51, л. 4а; 108, т. 417, л. 26]. В 1845 г. они атаковали цинский караул Тумушук (округ Янги-Гиссар) и перебили солдат. В ответ на уведомление о нападении киргизов из Пекина предписали немедленно уничтожить «разбойников» [109, т. 51, л. 36]. Для отражения нападения киргизов власти Янги-Гиссара и Кашгара направили туркестанские отряды под началом беков. Вскоре киргизы потерпели поражение и были вынуждены отступить.

Однако в 1846 г. их атакам подверглись кашгарские караулы. Вылазки эти, как докладывал кашгарский начальник Каймина, были успешно отбиты. Пекин этим удовлетворился. Указом специально предписывалось, чтобы войска не выходили за линию пикетов преследовать киргизов [109, т. 51]. Цинский двор, очевидно, не хотел усугублять напряженность во взаимоотношениях с киргизами, но в то же время он и не предпринял конкретных мер к действительному улучшению отношений с ними.

Неприязнь киргизов к цинским властям сохранялась. Это наглядно проявлялось в той поддержке, которую они оказывали представителям кашгарских ходжей. Обосновавшись на территории среднеазиатских государств, они не прекращали попыток покончить с цинским господством и в Восточном Туркестане. В 1847 г. киргизские старшины Алим-бий и Хыдыр-бий поддерживали ходжей, возглавивших антицинское выступление в Кашгаре [71, с. 168]. По объяснению воинского начальника Бу Яньтая, само восстание в Кашгарском округе явилось результатом того, что андижанцы вкупе с киргизами подбили местное население взяться за оружие [109, т. 56].

В 1851 г., когда ходжа Валихан-тюря провалился в Кашгарию, с ним были киргизы. Они, судя по цинским документам, поначалу явились основной военной силой ходжи [110, т. 34; 130, с. 270].

Валихан-тюря несколько лет спустя повторил попытку завладеть Кашгарией, но снова потерпел неудачу. После бегства ходжи из Кашгарии цинские власти пытались использовать киргизов для его поимки. Пекин тогда предписал местным властям уведомить закордонных киргизов, чтобы они изловили Валихана, если он у них окажется [110, т. 76, л. 116; т. 104, с. 238]. Киргизы остались глухи к этим призывам: Валихан-тюря беспрепятственно вернулся в кокандские пределы.

ОТНОШЕНИЯ ЦИНСКИХ ВЛАСТЕЙ С ПРИПАМИРСКИМИ И ПРИГИНДУКУШСКИМИ ВЛАДЕНИЯМИ

Выступление Джахангира привнесло новый момент в отношения империи Цин с припамирскими и пригиндукушскими владениями.

В мае 1825 г., как доносили цинские лазутчики, Джахангир находился в Таш-кургане (Сарыкол), а его брат Бахауддин бежал в Кундуз [135, т. 6, л. 16, 108, т. 90, л. 34a]. Несколько позже дополнительные данные о Бахауддине сообщил торговец из Кундуза Базарбай. По его словам, в 1824 г. Джахангир направил Бахауддина в Кундуз за подкреплением. Однако кундузский бек Мамат-Мурат отказал на том основании, что в противном случае лишится возможности торговать в Кашгарии. Бахауддина же Мамат-Мурат держит в местности Даханай под надзором. Намеревался якобы еще кундузский правитель пригласить туда и Джахангира, чтобы они вместе жили. Если же тот не согласится, то Мамат-Мурат договорился с шугнанским беком Кувадом послать две тысячи воинов на поимку Джахангира [135, т. 7, л. 56—6a]. Показания эти кашгарские власти на веру не приняли, но, чтобы не осложнять обстановку, выдачи Бахауддина из кундузского бека не требовали. Торговцев из Кундуза по возвращении наградили и поручили передать их владетелю, чтобы он был лояльным Цинскому дому [135, т. 7, л. 66]. Общее пожелание такого рода Пекин считал недостаточным. Он предписал передать правителю Кундуза, чтобы тот изыскал способ изловить Джахангира. За это будет награжден. На худой конец пусть вызывает его местонахождение. Пока Джахангир жив, внушалось кундузскому владетелю, в пограничной местности не будет спокойно [108, т. 90, л. 346]. Неизвестно, дошло ли это внушение до Мамат-Мурата или же он оставил его без внимания. Однако несомненно одно: ни Джахангира, ни Бахауддина от него цинские власти не заполучили.

Овладев в 1826 г. частью Кашгарии, Джахангир для окончательного ниспровержения цинского господства в Восточном Туркестане пытался заручиться поддержкой правителей соседних мусульманских владений. По словам посланца сарыкольского правителя Маймади, в 1826 г. Джахангир призывал правителей Шугнана Вахана, Бадахшана, Канжута прислать ему войска на подмогу. Китайские власти в последующем не располагали информацией, чем увенчались эти призывы.

С бегством Джахангира цинские отряды в поисках его перешли рубежи Синьцзяна. Командование отрядов разослало правителям соседних владений манифесты с требованием

поймать и выслать ходжу. Боязнь репрессий со стороны империи Цин в определенной степени дала себя знать. Правители некоторых памирских и пригиндукушских владений поспешили продемонстрировать свои дружеские чувства Цинской империи. Пальма первенства тут, очевидно, принадлежала шугнанскому беку Куваду. В первой половине 1827 г. он выслал двух китайцев: Бай Фэни и Фэн Шицина. Оба они были уроженцами Шэньси и занимались торговлей в Кашгаре. По взятии его повстанцами, их продали в рабство в Шугнан. Теперь Кувад поспешил отправить их обратно с уведомлением, что Джахангир скрывается в Каратегине. Как говорили Бай Фэни и Фэн Шицин, осенью будущего года, когда мусульмане станут справлять празднество, Кувад намеревается, заманив ходжу в Шугнан, схватить его и выдать цинскому командованию. Если же замысел не удастся, то шугнанский правитель обещал послать своих людей для взаимодействия с цинскими войсками [135, т. 46, л. 66—7a].

Чан Лин распорядился отправить к шугнанскому беку упомянутого Бай Фэни с чело-
веком яркендского бека. Им следовало поощрить рвение Кувада в поимке Джахангира обещанием награды [108, т. 119, л. 96].

Правитель Шугнана выслал в ставку цинского командования киргиза Джиан-бека, активно помогавшего Джахангиру и потом укрывавшегося в Шугнани [108, т. 125, л. 66]. В ответ шугнанскому владетелю послали подарки и манифест, в котором предписывалось, чтобы он изыскал способ поймать Джахангира.

Летом 1827 г. в Яркенд прибыли посланцы правителей Сарыкола, Шугнана, Вахана, Бадахшана, Канжута. Все они заверяли, что их правители готовы помочь в поимке Джахангира. Последний находится ныне в местности Лакэша, и уже посланы люди перекрыть там все ходы и выходы [135, т. 46, л. 186—196]. Вопреки всем этим заверениям ходжа беспрестанно бежал из Лакэша в Дарваз.

Тем временем в ставку цинского командования поступила информация от бия каратегинских киргизов Садыка, что по прибытии к дарвазскому беку Ша-Ибрагиму Джахангир сделал ему подарки и просил дать людей, чтобы сражаться с цинскими войсками. Бек не согласился, но отвел ходже жилье и выдал довольствие [135, т. 48, л. 17a].

Узнав все это, командир передового соединения Ян Юйчунь замыслил было поход на Дарваз общими силами с правителями Сары-

кола и Шугнана. Для начала отряду под командованием фуцзяна Ху Чжао следовало пройти в Шугнан. Затем цинский отряд с ополчением из Сарыкола и Шугнана должен был потребовать у правителя Дарваза выдачи Джахангира. Но тут Ян Юйчуню донесли, что дарвазский бек якобы уже арестовал ходжу. Цинское командование мигом отказалось от похода в Дарваз. Сама по себе затея была далека от реальности и в большей степени имела цель убедить Пекин в рвении его военачальников. Вместо отправки своих солдат цинские командиры послали в Дарваз за Джахангиром уйгурского бека Аваза. Для подстраховки Ян Юйчунь одновременно направил письмо бадахшанскому правителю, чтобы тот немедленно перекрыл пути в Дарваз и запер там Джахангира [135, т. 48, л. 16—2а]. Однако Джахангир остался недосыгаем.

Цинскому командованию пришлось в конечном счете признать, что оно не решилось направить свои войска в Дарваз для поимки Джахангира. Мотивировали это командующий Чан Лин и его помощники тем, что «дорога в Дарваз трудная» [135, т. 50, л. 166]. Скорее всего, Чан Лин попросту побоялся предпринять поход в Дарваз, и не столько из-за труднодоступности тех мест, сколько из-за вероятного противодействия киргизов. Уже упоминавшийся бек Аваз, не достигнув Дарваза, по возвращении доносил командующему, что вернулся обратно, убоявшись враждебно настроенных киргизов.

Признав бесперспективность поимки Джахангира собственными силами, цинское командование отвело все свои войска и уповало на то, что ходжу изловят шугнанский бек Кувад и сарыкольский правитель Мамад-ша [135, т. 49, л. 17а].

Тем временем в ставку Чан Лина прибыл посланец бадахшанского правителя Мир-яра Сапар-Мамат. По его словам, Мир-яр направил своего человека в Дарваз договориться с Ша-Ибрагимом о выдаче Джахангира. В случае, если тот не согласится, правитель Бадахшана самолично захватит ходжу [135, т. 50, л. 176].

В Пекине поверили сказанному Сапар-Маматом, и Чан Лину было приказано наградить Мир-яра, чтобы заручиться лояльностью бадахшанского правителя. Потратился цинский двор, однако, зря. Никакого содействия от Мир-яра в поимке Джахангира он не получил.

В самом конце 1827 г. в Кашгарии появился посланец дарвазского бека Ша-Ибрагима Миджар. Джахангир, как сказал он, действительно укрывался в Дарвазе (почему он не был выслан сразу, Миджар предпочел умолчать). Потом, как рассказал он, приехали некие киргизы с письмом, и Джахангир тут же убежал в кочевья Атаньтая. Однако если ходжа снова появится в Дарвазе, заверял посла-

нец Ша-Ибрагима, то тогда уж непременно схватим его и вышлем [135, т. 56, л. 196—20а]. В Пекине усомнились в искренности заверений правителя Дарваза [108, т. 131, л. 396]. Однако Чан Лину предписали от контактов не уклоняться.

Вопрос о Джахангире явился пробным камнем во взаимоотношениях Цинской империи с припамирскими и пригиндукушскими владениями. Позиция правителей последних не была абсолютно нейтральной. Заклятый враг Цинского дома укрывался, к примеру, в Дарвазе, но владетель этого удела не выдал Джахангира, а соседние правители и не пытались принудить дарвазского бека к этому. Цинская же империя в 20-х годах XIX в. была уже далеко не та, что в конце XVIII в., и ей было не под силу диктовать свою волю сопредельным, даже небольшим, государствам.

Однако цинский двор сделал для себя определенные выводы относительно пребывания в Кашгарии людей из памирских и пригиндукушских владений. Активное участие андижанской общины в восстании под руководством Джахангира побудило цинскую администрацию поособому взглянуть и на пребывание в Восточном Туркестане выходцев из других сопредельных владений. В частности, речь зашла о бадахшанцах, ваханцах, балтистанцах. В отношении их На Яньчэн предложил предпринять ряд ограничений. Так, например, те из них, кто имеют семьи, должны своевременно извещать власти об изменении численности домоладцев. Родниться с местными жителями лицам названного происхождения воспрещается. Имеющим недвижимость не разрешается дополнительно строить дома, земельная собственность семьи не должна превышать 100 му*. Излишек подлежал конфискации. Оставленных на жительство выходцев из пригиндукушских и припамирских владений следовало натурализовать и обязать нести повинности наряду с коренным населением Восточного Туркестана. Уличенные в правонарушениях, в скупке чая и ревеня для перепродажи, подлежали изгнанию. Вообще изгнать надлежало всех бессемейных выходцев из сопредельных владений [135, т. 62, л. 116—12а].

Принципиальных возражений со стороны трона на все эти рекомендации На Яньчэна не последовало. В ответ на высочайший рескрипт На Яньчэн и его помощники докладывали, что к осени 1828 г. из Яркенда изгнано определенное количество семей бадахшанцев, кашмирцев, ваханцев, балти. Оставшиеся же включены в списки податного туркестанского населения, торговать им запрещено. Пожелавшим разрешили покинуть Кашгарию, но без права возврата. «По прошествии нескольких лет не-

* Му — китайская мера площади, равная 6,144 га.

трудно будет изгнать полностью», — заключали свой доклад На Яньчэн, Ян Фан, Улуна [135, т. 69, л. 16а]. Такая перспектива вполне

устраивала Пекин, ибо давала основания надеяться на «оздоровление» обстановки в Восточном Туркестане [135, т. 69, л. 16а].

ИМПЕРИЯ ЦИН И КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

ПРИЕМ В ПЕКИНЕ ПОСОЛЬСТВ ХАНА АЛИМА И ПОПЫТКИ ЦИНСКОГО ДВОРА ОКАЗАТЬ НА НЕГО ВЛИЯНИЕ

Бессилие Пекина подчинить себе кокандский двор заставило правителей Поднебесной, как уже говорилось выше, отказаться в приеме послам Коканда.

В 1809 г. хан Алим однако вновь отправил посольство во главе с Ахунджаном ко двору цинского императора. Тот поначалу согласился принять его. Посольство уже выехало из Кашгара, держа курс на Пекин, как оттуда пришел указ отправить послов обратно в Коканд. Причиной отказа принять кокандское посольство явилось письмо хана Алима, ранее пересланное в Пекин. Оно содержало «много непочтительных слов» [115, т. 19, л. 26], что сильно уязвило богдыхана.

Вновь назначенный кашгарский наместник На Яньчэн был против опрометчивых действий. Он рекомендовал трону принять кокандских послов. Кокандцы, как убеждал На Яньчэн, были очень обескуражены случившимся. Более того, если их отправить обратно, «иноземные варвары» станут подозрительны к империи, и в конечном счете «возникнут пограничные раздоры» [115, т. 19, л. 4а, 6б]. А такая перспектива отнюдь не устраивает кашгарскую администрацию. Как подчеркивал На Яньчэн, «для охраны границы в стратегически важной местности, естественно, нужно действовать лаской, чтобы свести на нет инциденты и успокоить народ» [115, т. 19, л. 6б]. Вот почему На Яньчэн на свой страх и риск отправил кокандское посольство в Пекин в сопровождении шивэя Чжун Аня.

Возвращаясь еще раз к вопросу о целесообразности принять Ахунджана при дворе, На Яньчэн указывал, что это дает возможность «умиротворить иноземных варваров» [115, т. 19, л. 11а] и держать их под своим влиянием. Правитель Коканда хан Алим, пояснял На Яньчэн, своими поступками настроил против себя своих подданных. Он рассчитывает поэтому опереться на мощь Цинской империи, чтобы держать в повиновении своих людей, и

будет добиваться благосклонности богдыхана [115, т. 19, л. 5б].

Прием Ахунджана в Пекине, очевидно, обеспокоил хана Алима. В начале 1810 г. его новые послы Мамат-Наджар и Дукар появились в Кашгаре. Изъявление благодарности за прием предшествующего посольства отнюдь не было целью этой миссии. Прежде всего она поставила вопрос о высылке в Коканд худаиды, старшины местных андижанцев, Сарайджана. Об этом хан Алим писал кашгарским властям еще в 1809 г. [115, т. 19, л. 12б]. Однако тогда чиновник Чэн Линь ответил отказом, сославшись на некомпетентность кашгарской администрации. В Пекине решили, что Чэн Линь поступил неправильно. Удовлетворив просьбу о высылке Сарайджана, говорилось в указе, сможем «покорить сердце Коканда» [115, т. 19, л. 13а]. На этот раз кокандским послам позволили увести Сарайджана домой.

Миссия Мамат-Наджара и Дукара явилась весьма знаменательной в ряде отношений. С доставленных ею товаров, в порядке поощрения инициативы кокандского правителя, не взяли пошлины. Впредь же, как было объявлено послам Коканда, кокандцам надлежит платить торговые сборы в половинном размере [115, т. 19, л. 14б]. Пойти на эту уступку Коканду Пекин побуждали соображения особого порядка: цинский двор таким путем рассчитывал купить лояльность кокандского правителя.

Но в то же время Пекин решил показать, что он не намерен заискивать перед Кокандом и не проявляет интереса к поддержанию частных дипломатических контактов.

В этот раз письма хана Алима, адресованные богдыхану и кашгарскому хакиму Искандеру, оказались составленными в одинаковых выражениях. В этом пекинские власти усмотрели нарушение законов Цинской империи [115, т. 19, л. 17б]. Кокандским послам пришлось на месте переписывать послания. Впредь, еще раз предупредили их цинские чиновники, письма надлежит составлять в соответствии с принятыми в Китае нормами [115, т. 19, л. 17б]. Кокандским послам, уведомляла хана Алима цинская администрация, в столицу «незачем ежегодно приезжать» [115, т. 19, л. 19а]. Пекинский двор соглашался принимать послов

из Коканда не чаще одного раза в пределах 3—5 лет [115, т. 19, л. 19а].

Не довольствуясь этим, цинские власти сочли нужным иным путем осадить зарвавшегося по их мнению, кокандского правителя. Дело в том, что в своем послании пекинскому двору Алим призывал его «порадоваться победам кокандского воинства» [115, т. 19, л. 19а]. Оно заняло Ташкент, переселило 4 млн. чел. (?) из племени алаш в местность Курмань, 30 тыс. чел. из племени чаншклы — в Андижан [115, т. 19, л. 19а—19б]. Известие об этом не привело в восторг кашгарского наместника На Яньчана. Однако, эти твои слова в конечном счете — вранье», — написал он в ответном послании хану Алиму [115, т. 19, л. 19б]. «Мне, — как внушал На Яньчан хану, — лучше известно, на что способны люди алаш и чаншклы». Войдя в раж, цинский сатрап перешел к оскорблениям и прямым угрозам в адрес правителя Коканда: «Ты — не кто иной, как ничтожный варвар. Надо бы тебе держаться [своей] территории, заботиться о собственном народе, поддерживать мир и согласие на соседних рубежах, мирно жить. Если же ты многократно станешь грабить и захватывать чужие земли ... понесешь большой ущерб» [115, т. 19, л. 19б].

Завоевательная политика хана Алима пугала правителей империи Цин, они не без оснований опасались за свое господство в Кашгарии. Вот почему в послании кокандскому правителю живописуется военная мощь Цинской державы: ныне территория Поднебесной 40—50 тыс. ли, военного и гражданского люду не менее нескольких десятков миллионов. «За Великой стеной от Кашгара, Яркенда и других городов до Хами маньчжурских и ханьских солдат, торгоутов, хошотов, уйгур не менее нескольких сот тысяч, а в Или, Урумчи, Тарбагатае, Баркуле, Гучэне еще есть несколько сот тысяч маньчжурских, ханьских, сибоских, чачарских и элютских солдат... Если бы император... пожелал уничтожить одного варвара, — грозил На Яньчан Алиму, — то это бы ему ничего не стоило» [115, т. 19, л. 19б, 20а].

Угрозы кашгарского наместника хану Алиму не способствовали улучшению отношений между империей Цин и Кокандом, но и не запугали правителей последнего. Они имели такое сильное орудие воздействия на цинское правительство, как потомки правившей ранее в Восточном Туркестане династии ходжей.

КИТАЙСКО-КОКАНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ВЫДАЧЕ ПОТОМКОВ ХОДЖИ САРЫМСАКА

Вопрос о потомках бывших правителей Кашгарии являлся основным фактором, определявшим взаимоотношения империи Цин с Кокандским ханством в XIX в.

Поначалу в Пекине не располагали исчерпывающей информацией относительно наличия у Сарымсака сыновей, т. е. потенциальных претендентов на Кашгарию. В 1784 г., когда Хун Ли доложили о приезде Сарымсака из Бадахшана в Андижан, богдыхан распорядился: «Не преследовать его (Сарымсака. — В. К.), ибо [он] сравнительно стар и не имеет сыновей». Богдыхан, как потом оказалось, недооценил возможностей Сарымсака. Ссылкой на относительную старость Сарымсака Хун Ли прикрыл собственное бессилие добыть потомка правившей в Кашгарии фамилии. И преемники Хун Ли не решались на поход в Среднюю Азию за потомком клана кашгарских ходжей. Больше того, речи даже не шло, чтобы предпринимать какие-либо решительные демарши. В 1799 г. кашгарские власти докладывали в Пекин о том, что Сарымсак перебрался в Бухару. Ответный указ гласил: «Пограничному начальству надлежит управлять посредством умиротворения. Разве годится легкомысленными действиями, необдуманными поступками вызывать конфликты?» [106, т. 44].

В Пекине тешили себя мыслью, что у Сарымсака нет сыновей и с его кончиной претендовать на Кашгарию будет некому. Но у Сарымсака было потомство мужского рода.

При преемнике Хун Ли кашгарские власти узнали было о существовании сыновей Сарымсака. Об этом информировал наместника Восточного Туркестана Те Бао и его помощника Хафэна кашгарский хаким-бек Юнус. Он, в частности, выявил людей, которые собирали и пересылали деньги сыновьям Сарымсака. Чтобы узнать их точное местопребывание, Юнус счел нужным задобрить кокандского хана Омара. Ему Юнус посылал подарки, заверял в дружеском расположении империи Цин [106, т. 284, л. 14б, 15а].

Неожиданно для Юнуса деле приняло серьезный оборот. В 1813 г. деятельностью его занялся сам синьцзянский наместник Сун Юнь. Наличие сыновей у Сарымсака он объявил домыслом Юнуса. В Коканде, доносил Сун Юнь в Пекин, ссылаясь на данные разведки, ничего не говорят о существовании сыновей Сарымсака [106, т. 284, л. 15а].

Хаким Юнус поплатился за свои «прококандские» симпатии. Одновременно «дело Юнуса» дало основания синьцзянской администрации занять более жесткую позицию в отношении целеустремлений кокандского двора. Информацию Юнуса о том, что Коканд — сильное государство, располагающее отборным 10-тысячным войском [136, т. 3, л. 23а], Сун Юнь опроверг. Территория Кокандского ханства, — внушал он, — очень невелика, полей мало, население редкое, кокандский «бек» недееспособен [136, т. 3, л. 23а, 25а]. Словом, считаться с Кокандом особенно нечего. Одновременно Сун Юнь рекомендовал положить конец практике

самостоятельных контактов кашгарских хаким-беков с кокандским двором [136, т. 3, л. 25а—25б].

Внимание, оказанное злополучным Юнусом кокандскому хану, очевидно, распалило амбиций последнего. В 1814 г. Омар уведомил китайские власти о желании иметь в Кашгаре своего казий-бека. Этот присланный из Коканда чиновник, не будучи подвластен кашгарскому хаким-беку, ведал бы делами андижанцев торговцев в Кашгаре и облагал их сборами в пользу кокандского хана. Цинским же властям они бы пошлину не платили.

Следом Омар известил кашгарские власти о том, что им задержан при попытке пробраться в Кашгар сын Сарымсака Джахангир. В ответ за такую «добрую услугу» Омар прямо просил цинскую администрацию удовлетворить его ходатайство относительно торговых льгот. Та ответила резкой отповедью. Однако Омар не отступился. В 1820 г. он ходатайствовал о том, чтобы цинские пограничные власти допустили на территорию империи двух его аксакалов, которые бы надзирали за делами кокандских купцов, торгующих в Кашгаре. Кашгарский наместник Бинь Цзин ответил отказом. Кроме того, распорядился с доставленных из Коканда товаров взять пошлину в полном объеме.

Таким образом все попытки кокандского хана Омара получить исключительные торговые привилегии в Восточном Туркестане оказались безрезультатными. Кроме того, послов Омара не пропускали в столицу империи. Один раз посланника Коканда отправили обратно на том основании, что он прибыл в Кашгар, когда кашгарский хаким-бек уже отбыл на аудиенцию ко двору. Дело в том, что Пекин взял за правило, чтобы кокандские посольства приезжали к богдыхану не сами по себе, а вместе с представителями туземной кашгарской администрации, которые в определенные сроки прибывали на аудиенцию. Такая практика призвана была продемонстрировать неравноправное положение правителя Коканда. В другой раз посол Омара представил письмо хана, составленное в выражениях, которые «не соответствовали форме» [135, т. 3, л. 34а].

Вопрос о стиле посланий, адресуемых правителями Коканда цинскому императору, самым непосредственным образом влиял на состояние дипломатических отношений между Коканом и Китаем. Согласно традиционной догме китайской внешней политики, отношения империи с иноземцами должны были строиться на принципе «сюзерен — вассал».

Конфликты в таких условиях были неизбежны. В 1817 г., к примеру, кокандское посольство в Пекин не пропустили кашгарские власти. Причиной явился тон послания, адресованного кокандским ханом Омаром цинскому императору. Достоинство, с которым держался Омар, было воспринято цинскими властями как

«своеволие» и «бахвальство» [106, т. 336, л. 26]. Действия кашгарской администрации Пекин одобрил и направил специальные инструкции на случай повторного прибытия послов из Коканда (указ от 11 декабря 1817 г.). Первым делом надлежало ознакомиться с доставленным ими посланием, потом оригинал и перевод отправить в Пекин. Если послание было выдержано в приемлемом духе, а послы вели себя почтительно, в частности во время приема подобострастно приветствовали цинские власти, только тогда кашгарскому наместнику следовало запросить Пекин о возможности принять там данное посольство [106, т. 336, л. 3а].

Из-за отказа цинских властей уступить домогательствам относительно торговых льгот, а также принимать его послов хан Омар не видел оснований препятствовать Джахангиру проникнуть в Восточный Туркестан. Расчет у Омара, очевидно, был таков: цинские власти станут уступчивее в отношении его требований, когда удостоверятся на деле в существовании сыпоев Сарымсака, ведь, по «авторитетному» заявлению прежнего илийского цзянцзюня Сун Юня, у Сарымсака не было сыпоев.

«По какой же причине в настоящее время есть сын Сарымсака Джахангир?» — запрашивал богдыхан синьцзянскую администрацию [135, т. 1, л. 16а]. Если Джахангир действительно сын Сарымсака, то его, гласила инструкция из Пекина, надлежит немедленно захватить и уничтожить, чтобы выкорчевать корни будущих мятежей [135, т. 1, л. 16а—16б].

В связи с попыткой Джахангира в 1820 г. прорваться в Кашгарию перед цинскими властями встал вопрос, в какой степени к этой вылазке был причастен Коканд. Как показал взятый в плен андижанец Мамат-Латип, участник нападения, Джахангир просил у Омара войско, чтобы захватить Кашгар, но хан его не дал. Тогда ходжа тайно ушел к киргизам, из их кочевий и попытался прорваться в Кашгарию [135, т. 1, л. 56]. Эти показания в Пекине не приняли сразу на веру. Местным властям надлежало выяснить, действительно ли хан Омар отказал Джахангиру в военной помощи. Если так оно и было, то хана следовало наградить для поощрения [135, т. 1, л. 16б].

Усомнившись в достоверности сведений, сообщаемых кашгарским правителем Бинь Цзи-нем, Пекин приказал синьцзянскому наместнику Цин Сяну прибыть в Кашгар и лично выяснить все обстоятельства, связанные с выступлением Джахангира. Докладывая о результатах расследования, Цин Сян сообщил, что у Сарымсака было три сына: Юсуф, Джахангир и Бахаддин. Джахангир жил в Коканде. Он вознамерился вернуть себе Кашгар и просил у Омара войско. Омар не дал. Более того, посадил ходжу под арест. Но тому удалось бежать [135, т. 2, л. 5а].

Синьцзянские власти хотели избежать каких-либо осложнений с Коканом в связи с

вылазкой Джахангира. Они охотно поверили показаниям пленных людей ходжи, что кокандский хан Омар «не осмелился помочь» ходже [135, т. 2, л. 196]. Расценив это как проявление «лояльности» со стороны Омара, синьцзянский наместник Цин Сян даже считал целесообразным в порядке поощрения наградить хана. В Пекине не возражали [135, т. 2, л. 236]. Больше того, там даже вознамерились заполучить при посредничестве кокандского правителя помогавших Джахангиру киргизских старшин. Богдыхан повелел объявить Омару, чтобы он представил бия Суранчи и других приверженцев Джахангира [109, т. 3, л. 12]. Омар не только не сделал этого, но и укрыл у себя Джахангира. Когда слухи об этом дошли до Цин Сяна, он поспешил потребовать выдачи ходжи. Посланцы наместника еще не вернулись из Коканда, как Цин Сяну допесли, что якобы хан Омар спровадил Джахангира в Бухару [135, т. 3, л. 24a].

Посланцу синьцзянской администрации Сарымсаку кокандский хан лично заявил, что ходжа в Коканде не живет, а потому он выдать его не может [135, т. 3, 326—33a]. Однако, по утверждению Сарымсака, хан лгал: Джахангир находится при его дворе и пользуется покровительством Омара. Больше того, именно хан, по словам Сарымсака, подбил Джахангира на выступление, чтобы в Кашгарии знали, что у ходжи Сарымсака в действительности есть сын [135, т. 3, л. 33a].

По возвращении из Коканда представителей цинской администрации в Кашгар прибыл кокандский посланец Джаухар с письмом хана. Тот излагал свои обиды на действия синьцзянских властей. Во-первых, неоднократные просьбы хана о допуске его людей в столицу империи не были удовлетворены. Во-вторых, человек, посланный им для исполнения обязанностей худаиды, торгового старшины, оказался не у дел. Теперь уже Цин Сян не сомневался в том, что Омар сознательно укрывает Джахангира. Однако наместник счел благоразумным сделать вид, что поверил в отсутствие ходжи при кокандском дворе. Цин Сян ограничился отправкой с Джаухаром ответного послания Омару, в котором требовал выдачи Джахангира и его сподвижников, если они объявятся в кокандских пределах.

Итак, Цин Сян стоял за умиротворение Коканда. Руководствовался он тут следующими соображениями. Сам по себе Джахангир ничего собой не представляет. Широкой поддержки у уйгурского населения Восточного Туркестана, как показала его вылазка, он не имеет. Тревожиться из-за присутствия Джахангира в Коканде нет оснований, убеждал Цин Сян своего повелителя, если ходже не покровительствует кокандский двор. Чтобы заполучить заверения лояльности последнего, Цин Сян считал нужным не выказывать недоброжелательства и, в

случае прибытия посла из Коканда с просьбой допустить в Пекин, удовлетворить такую. «Тогда поскольку настроения варвара (т. е. кокандского хана.— В. К.) мирные, то и на границе на следующий день станет спокойной»,— резюмировал Цин Сян [135, т. 3, л. 38a].

Цин Сян признал также необходимым восстановить прежнюю практику, когда кашгарский хаким-бек поддерживал регулярную переписку с кокандским двором. Это, как указывал наместник, позволило бы выправить такое ненормальное положение, когда через торговцев из Ферганы кокандский двор осведомлен об обстановке в империи, синьцзянская же администрация не располагала информацией о происходящем в сопредельных государствах.

Пекин согласился со всеми предложениями Цин Сяна. В соответствии с установкой на умиротворение Коканда кашгарская администрация была проинструктирована, чтобы по прибытии кокандского посольства ему оказали соответствующий прием, снабдили чаем и серебром, как это было в годы Цянь Лун [135, т. 3, л. 396].

В целом цинский двор после вылазки Джахангира держался довольно умеренной позиции в отношении Коканда. От преследования ходжи за пределами империи и каких-либо репрессий в отношении соседей за их содействие Джахангиру Пекин отказался. «Отнюдь нет оснований из-за одного-двух беглых воров,— гласил указ,— вести главные силы армии и углубляться в пределы иноземной территории» [135, т. 3, л. 246]. Неустойчивая обстановка в самой Кашгарии заставляла цинский двор избегать вооруженной конфронтации с Кокандом.

Признавая хана Омара причастным к вылазке Джахангира, император тем не менее тешил себя мыслью, что кокандский правитель остается «почтительным и лояльным», «преданным» Цинскому дому. Основанием для подобного заключения послужило лишь то, что Омар «не посмел» оставить Джахангира у себя, а «позволил» якобы ему убежать в Бухару [135, т. 3, л. 386—39a].

Очевидно, ободренный поведением цинских властей, Омар вновь шлет в империю послов. В Кашгар опять приезжает Джаухар. Прислав с ним подарки, кокандский хан хотел добиться следующего. Во-первых, чтобы его послов принял недавно вступивший на трон император Минь Нин (девиз правления Дао Гуан). Во-вторых, чтобы не брали пошлины с кокандских товаров [135, т. 4, л. 46].

Правитель Кашгарии Улуна прохладно отнесся к просьбам хана. Разрешить его посланцу Джаухару проехать в Пекин он отказал, мотивируя это двумя обстоятельствами. Прежде всего, ранее вышедшим указом временно воспрещался проезд кокандских послов в сто-

лицу империи. Нового же указа к нему еще не поступало. Потом, как правило, кокандские послы приезжали вместе с кашгарскими беками, которые в определенный срок прибывали на аудиенцию в Пекин. В этом году беки отложили свой приезд в столицу [135, т. 4, л. 5а]. Чтобы, видимо, совсем не расхолаживать таким приемом, Улуна пообещал Джаухару передать просьбу императору об освобождении от пошлины.

Доноса обо всем этом в Пекин, Улуна объяснял свои действия соображениями такого порядка. Коканд — сравнительно небольшое владение: занимает в окружности только несколько сот ли. Ставка кокандского правителя даже не ограждена городскими стенами. У Коканда напряженные отношения с Бухарой, превосходящей его по территории и по численности населения. Чтобы противостоять Бухаре, Коканд нуждается в дружественных отношениях с империей и будет по отношению к ней лояльным. Поэтому-то особенно считаться с кокандским ханом нечего. Однако, чтобы как-то смягчить отказ по возвращении посла стоило устроить прием и передать ответные дары хану. Император одобрил все действия Улуна. Таким образом, второе посольство Джаухара завершилось для кокандского двора в сущности безрезультатно.

Примечательно, что, ходатайствуя со своей стороны, посол Коканда в то же время совершенно обошел молчанием вопрос о Джахангире. Оставалось неизвестным, как реагировал кокандский двор на прежние требования Цин Сяна о выдаче ходжи. Присылкою посольств правитель Коканда не устранил у цинских властей подозрений относительно своих истинных намерений.

В сентябре 1921 г. из Коканда в Кашгар специально приехал посланец с известием о бегстве Джахангира из кокандских пределов. По словам этого посла, кокандские войска преследовали ходжу до Алая, но не достигли, так как Джахангир бежал к киргизам.

За этой демонстрацией «добрососедских отношений» со стороны кокандского двора последовала очередная просьба. Он попытался привлечь цинские власти к расправе с киргизами-наймаками, грабившими кокандцев. Правитель Коканда прислал своих людей в Кашгар и Яркейд с просьбой, чтобы местные власти выявили грабителей. Кашгарский наместник Улуна в этом отказал. Но чтобы смягчить отказ, распорядился подарить кокандским представителям кое-какие вещи и дать провиант на обратный путь. То обстоятельство, что ранее кокандский хан уведомил о бегстве Джахангира и о попытках поймать его, очевидно, побудило кашгарскую администрацию держаться более снисходительно. В Пекине полностью одобрили действия Улуна. За кордоном, говорилось в указе от 10 февраля 1822 г., много разных пле-

мен; уступи этот раз просьбе Коканда, появится нежелательный прецедент на будущее для других [108, т. 28, л. 18а].

Цинский двор продолжал делать вид, что присылка послов кокандскими властями ему импонирует. Указом от 10 февраля 1825 г. посланцам Коканда Абдулхалику и Джаухару были пожалованы знаки чиновного достоинства 6-го класса [108, т. 77, л. 15а].

В начале 1825 г. к кашгарским властям прибыл очередной посланец кокандского хана — Имангулича. Вел он себя, о чем специально сообщалось в Пекин, «смирненно». Целью его приезда, по словам самого Имангулича, было урегулировать денежную неурядицу между некими кокандскими купцами и кашгарскими торговцами [135, т. 5, л. 26а]. До прибытия посланца Джахангир уже совершил налет на цинский пикет. Поскольку кокандский представитель ничего не говорил о ходже, то кашгарские власти не сочли нужным заводить речь о Джахангире.

Пекин одобрил поведение кашгарской администрации [108, т. 78, л. 16а]. В ответном послании кокандскому хану, по его мнению, не следовало упоминать ходжу. В отношении же урегулирования денежных недоразумений цинский двор занял негативную позицию: «Это противоречит законам империи, чтобы ее савошники за кого-то утрясали вопрос о денежной ссуде» [108, т. 78, л. 16а].

Нежелание кокандского двора помочь покончить с Джахангиром определенным образом отразилось на отношении цинских властей к андижанским торговцам. Так, например, с ведома караульного офицера солдаты провели группу андижанцев, которые опасались ограбления, через пикет Шату. Это в Пекине (указ от 9 мая 1825 г.) расценили как «весьма неправильный» поступок, и было приказано караульного офицера привлечь к ответственности [108, т. 80, л. 24б].

Следом за Имангуличей в том же 1825 г. кашгарский наместник Юн Цинь принимал кокандского посла Мирза-Азматулла. Целью его миссии, как оказалось на проверку, было добиться полного освобождения кокандских товаров от пошлины [135, т. 6, л. 4а]. Юн Цинь согласился уменьшить пошлинные сборы наполовину. Однако посол настаивал на своем. То, что Джахангир оставался на воле и сохранял за собой свободу рук, очевидно, было фактором, определявшим позицию цинской и кокандской сторон в вопросе о пошлинах. Полностью игнорировать стремления кокандского двора кашгарские власти, видимо, не могли. В противном случае вовсе не было исключено, что Джахангир так или иначе мог опереться на содействие Коканда. Последний же оказывал нажим на цинскую администрацию, давая понять, что от ее решения зависит, как поведет себя кокандский двор в отношении Джахангира.

В конечном счете Юн Цинь на попятную не пошел, ибо в противном случае, как доносил он, кокандцы «еще больше станут зазнаваться». Письмо хана Мамед-Али Юн Цинь не принял и вернул его послу. Писать хану Юн Цинь не считал нужным под тем предлогом, что посол попросту не передаст письмо. Буквально следом за Мирза-Азматуллою прибыл новый посланец из Коканда — Абдухалик.

В этой связи синьцзянское начальство обратило внимание Пекина на частоту наездов кокандских послов: с августа 1824 г. по апрель 1825 г. они приезжали трижды [108, т. 82, л. 276]. И с единственной целью, сетовали власти, докучать своими просьбами. В первую очередь, разрешить беспошлинную торговлю. Кроме того, в 1824 г. при посредстве андижанцев китайский солдат Хай Чанлу пытался бежать за границу [108, т. 82, л. 276]. Не преследовать андижанцев, причастных к этому делу, тоже просили кокандские посланцы. Настороженно восприняли кашгарские власти и непредставительный характер двух посольств: они были отправлены не самими ханом, а какими-то его придворными [108, т. 82, л. 276]. На все эти обстоятельства кашгарский наместник собирался лично указать Абдухалику по его возвращении из Пекина. Помимо этого, правитель Кашгарии предписал кашгарскому хакиму Мухаммед-Саиду отправить письмо правителю Коканда, чтобы его послы впредь произвольно не досаждали своими ходатайствами [108, т. 82, л. 28а]. Иными словами, кокандскому двору давали понять, что правители империи Цин не склонны потрафлять ему в одностороннем порядке.

Объясняя пекинскому правительству мотивы своих действий, Юн Цинь квалифицировал присылку Кокандом послов как «обременительную назойливость» и усматривал за нею стремление «одурачить» цинскую администрацию. Самым серьезным основанием для подобных утверждений служило то обстоятельство, что кокандские представители обходили молчанием вопрос о Джахангире, хотя одновременно к кашгарским властям поступала информация о том, что тот намерен укрыться в Коканде [108, т. 90, л. 336]. Юн Цинь доложил об этом в Пекин. Ответные инструкции из столицы (указ от 1 декабря 1825 г.) гласили: по прибытии Абдухалика из Пекина сказать ему для передачи хану следующее. За выдачу ходжи он получит щедрую награду. Если не сможет выдать, то ни в коем случае нельзя давать ему убежища [108, т. 90, л. 336—34а].

С внушением от кашгарского наместника и письмом хану, написанным кашгарским хакимом Мухаммед-Сеидом, Абдухалик отбыл из пределов Цинской империи.

После этого уже лазутчики сообщили цинским властям, что Джахангир, обосновавшись в киргизских кочевьях, в критический момент

может искать прибежища в Коканде. Это побудило Юн Циня специально отправить в Коканд своего представителя. До сведения кокандского двора доводилось, что ходжу, если он объявится в Коканде, надлежит арестовать и выдать [135, т. 7, л. 11а—11б]. Кроме этого демарша цинские власти ничего предпринять не решались. По мнению синьцзянского наместника Чан Лина, в поисках Джахангира даже не следовало углубляться в киргизские кочевья, ибо могли возникнуть внешнеполитические осложнения, учитывая соседство с киргизами Коканда. Разделяя мнение Чан Лина, богдыхан прямо указывал, что войска, выйдя за линию пикетов и углубляясь в поисках Джахангира в киргизские кочевья, могут дойти до рубежей Коканда. В результате возникнут «пограничные раздоры» [135, т. 9, л. 20а—20б], которые были нежелательны для цинского двора, учитывая неустойчивость обстановки в самом Восточном Туркестане.

Осложнение обстановки на рубежах Кашгарии в связи с выступлением Джахангира побудило цинские власти усилить контроль за приезжающими в край и отъезжающими из него. Мерами полицейского надзора администрация стремилась затруднить деятельность согляда-таев Джахангира, помешать отправке ему средств. Так, указ от 26 июня 1825 г. постановлял следующее: за жителей Кашгарии, которые просят разрешения на выезд за границу для торговых целей, дает поручительство вэньбаши данного селения. Он сообщает о времени возвращения своего порученца. За андижанцами, которые приезжают и уезжают, тщательно надзирают худаида и соответствующий бей [108, т. 82, л. 10а].

Все эти предписания не достигли цели. В 1826 г. Джахангир проник в Кашгарию и возглавил там антицинское восстание. На его стороне активно выступала местная андижанская община. Больше того, под стены кашгарской цитадели, где заперся цинский гарнизон, явился был сам кокандский хан Мамед-Али.

В 1827 г. восстание было подавлено. Джахангир бежал за кордон. Проблему укрепления своего господства в Кашгарии цинские правители рассматривали теперь через призму взаимоотношений с Кокандом. От его позиции, как показали события, не в малой степени зависела обстановка в пределах Китайской империи.

При первых же победах карателей над повстанцами при пекинском дворе прогнозировали внешнеполитические аспекты последующих событий. Считалось вполне вероятным бегство Джахангира в Коканд. Поэтому в указе от 8 января 1827 г. говорилось о необходимости не допустить такого исхода. «Может быть, [Коканд] сможет связать и представить упомянутого мятежника [Джахангира], — предавался мечтаниям богдыхан, — [тогда] тем более легко добьемся успеха» [108, т. 109, л. 326]. Занятие

цинскими войсками Кашгара, Янги-Гиссара, Яркенда и Хотана со всей остротой поставило вопрос о местонахождении Джахангира. В Пекине полагали (указ от 10 июня 1827 г.), что, всего вероятнее, он станет искать пристанища в Коканде или Бухаре [108, т. 117, л. 22а]. Чан Лин докладывал об отправке своих представителей в Коканд, чтобы они убедили его правителя выдать жену и сына Джахангира [108, т. 117, л. 22б].

Тем временем в Кашгарии муссировались слухи, что кокандский двор якобы отказался помочь Джахангиру войском и даже собирается выдать ходжу. В целом цинские министры довольно скептически восприняли эти вести. Чан Лин, говорилось в указе от 13 июля 1827 г., уже дважды посылал людей к кокандскому правителю, чтобы тот поймал Джахангира, а покамест выслал бы жену и сына Бахауддина. Однако до сих пор Коканд не ответил. Поэтому вести о его намерении выдать ходжу указ квалифицировал «не заслуживающими доверия» [108, т. 119, л. 9б]. Тем не менее, считали в Пекине, следовало не упускать ни малейшей возможности, чтобы убедить правителя Коканда выдать Джахангира и близких его брата.

На очередной запрос из Пекина, как реагировал кокандский двор на представление о выдаче близких ходжи, Чан Лин сообщил, что родственники Джахангира, по словам приехавшего из Коканда посла Мирза-Азамата, будут высланы следом за самим ходжей, когда тот будет схвачен. Иными словами, кокандский двор уходил от поставленного ему вопроса. Так это и расценили кашгарские власти. Равным образом, на них не произвели впечатления разъяснения Мирза-Азамата, что-де Мамед-Али приходил под стены кашгарской цитадели на выручку... цинскому гарнизону.

Помимо словесных заверений в лояльном отношении, кокандский двор пытается и иным путем как-то смягчить напряженность во взаимоотношениях с Цинской империей. После отъезда упомянутого посольства хан дополнительно направил к Чан Лину старшину Нияза. Тот сообщил, что в пути встретил двух соратников Джахангира, но схватить их не было возможности. Посланные тут же цинские солдаты взяли в плен двух упомянутых человек [135, т. 49, л. 19а—19б]. В августе 1827 г. из Коканда прибыло новое посольство с письмом хана Мамед-Али. Он обещал послать своих солдат на поимку Джахангира, если ему загодя дадут серебра. В ответ ему было сказано следующее. Поскольку цинская армия за декаду «истребила несколько сот тысяч бандитов» и следом вернула ранее оставленные города, то ей никакого труда не составляет изловить заливней пикетов одного Джахангира, пребывающего «в бедственном состоянии». Но переходить границу, отделяющую Синьцзян от внеш-

них владений, «государь наш не считал необходимым», так как опасается «вызвать беспокойство в твоём уделе и у других иноземных варваров». Поэтому-то и было объявлено, чтобы правители сопредельных владений сами схватили и представили Джахангира. Что же до награды, о чем ходатайствовал хан, то этот вопрос в компетенции самого императора. Поскольку кокандский двор остается глух к призыву помочь в поимке Джахангира, то, как заявили цинские военачальники, подданным Коканда будет навечно запрещено торговать в Синьцзяне [135, т. 49, л. 23а].

Докладывая в Пекин об этих посольствах, синьцзянский наместник Чан Лин и кашгарский правитель Улуна указывали, что кокандский двор просто стремился выиграть время. Отправкою послов кокандский правитель рассчитывал продемонстрировать свою лояльность, опасаясь военной мощи империи. Выслать же находившихся в Коканде жену и сына Джахангира хан не желает. Причастность кокандского двора к выступлению Джахангира в конечном счете стала очевидной для правителей Поднебесной. Бывший наместник Синьцзяна Сун Юнь предложил в порядке репрессалий лишить кокандского владетеля возможности обогащаться за счет своих подданных — торговцев. Обычно, докладывал Сун Юнь трону, персонал наших караулов требует уплаты сборов у приезжающих в Кашгарию андижанских купцов. Те, в свою очередь, обращаются к хану, чтобы он похотатайствовал за них. За такое посредничество кокандский хан берет со своих купцов определенный куш. Впредь же, писал Сун Юнь, нужно поступать иначе. Когда андижанские торговцы проходят через караул, откуда сообщают о численности каравана. И потом уже власти сообразно обстановке решают: взять сборы в половинном размере или вообще ничего не брать [108, т. 118, л. 19а—19б]. Поскольку это будет происходить без посредничества кокандского правителя, то он лишится своих «комиссионных».

Это предложение Сун Юня указом 30 июня 1827 г. рекомендовалось учесть Чан Лину при выработке программы мер по «ликвидации последствий» восстания Джахангира.

Поскольку брат Джахангира Юсуф и сын последнего Ишан находились в Бухаре, а сын Джахангира Бузрук и сын Бахауддина Али — в Коканде, то захватить их всех разом Чан Лин и Улуна считали невозможным, к тому же военная экспедиция в среднеазиатские пределы была сопряжена с большими трудностями.

Глубокие снега за пределами Кашгарии, сетовали названные чиновники, затруднят продвижение войск. Но главная причина заключалась в том, что по выходе за рубежи Синьцзяна им не на кого было опереться. Киргизы, хотя и сообщали порой нужные сведения, но делали это только ради награды, а потому на

них тоже положиться нельзя. Но и оставлять на свободе родственников Джахангира Чан Лин и Улуна тоже не считали возможным: после отвода частивойск, оперировавших в Кашгарии, ходжи снова станут «подсматривать, выжидая подходящего момента» [135, т. 49, л. 25a]. Такая перспектива беспокоила цинских сатрапов. Поэтому Пекин решил запретить Коканду и киргизам торговать в Синьцзяне. Взяв их на измор, правители Китая надеялись, что они будут вынуждены выдать ходжей. Во второй половине 1828 г. был объявлен запрет на торговлю с Кокандом.

Пока не были заполучены близкие Джахангира, правители Поднебесной не могли оставаться спокойными. До поимки Джахангира цинское командование направляло манифесты в Коканд и Бухару, чтобы они выслали близких ходжи и его брата Юсуфа. Эти демарши оказались безрезультатны. Теперь, когда Джахангира схватили и везли в железной клетке в столицу империи, цинский двор считал нужным повторить требование. Но послание Коканду и Бухаре надлежало составить в сдержанных тонах, не следовало показывать, что для империи Цин очень важно заполучить близких Джахангира. Вкратце послания должны были звучать так: если близкие родственники Джахангира будут высланы, то правители соответствующих владений покажут свою искренность, если же не смогут они этого сделать — империя не станет воевать из-за каких-то сыновей и дочерей «ничтожных» мятежников [108, т. 133, л. 96—10a].

Война с Джахангиром наглядно показала западным соседям империи Цин, насколько непрочна ее господство над Восточным Туркестаном. Двор закликает Чан Лина организовать отправку посланий Коканду и Бухаре с максимумом предосторожностей. Никким образом нельзя позволять, гласил указ от 19 марта 1828 г., чтобы иноземцы вызвали обстановку у нас или чтобы возникали другие нежелательные события [108, т. 133, л. 10a].

Любопытна реакция кокандского двора на торговый запрет. Во второй половине 1828 г. из Коканда к цинским властям прибыл посол. Поскольку во врученном им послании «говорились дерзости», особый уполномоченный по ликвидации последствий восстания На Яньчэн и кашгарский наместник Улуна, не дав послу аудиенции, тут же приказали изгнать его [135, т. 75, л. 76—8a]. Следом, по их указанию, кашгарский хаким-бек Исхак послал своего доверенного киргиза Бахатибая с письмом к кокандскому мулле-хакиму, а заодно и разведать обстановку в Коканде.

По возвращении Бахатибай привел с собой посланца муллы-хакима. Кокандский представитель вручил Исхаку письма от муллы-хакима и минбаши Мамат-Силипа, фактического правителя ханства. С Бахатибаем же прибыли ранее

уведенные в Коканд маньчжурские и китайские солдаты, китайцы торговцы и ссыльные, кашгарские уйгуры (всего 21 чел.). Хотя тон письма минбаши в отличие от предшествующего послания был более сдержан, однако, как отмечали На Яньчэн и Улуна, все же «послушания не проявлялось» [135, т. 75, л. 86].

Посланец муллы-хакима держался почти нетерпеливо, и письмо последнего произвело благоприятное впечатление на На Яньчэна и Улуну. Они снова приказали Исхаку отправить того же Бахатибая в Коканд. В своем послании минбаши Мамат-Силип «умышленно хвастал, подобно черту, подобно изрыгающей ядовитый песок жабе» [135, т. 75, л. 9a]. В ответном письме На Яньчэн и Улуна «старательно указали» ему на это. В послании же мулла-хакиму его благодарили за «благожелательный тон».

На Яньчэн и Улуна объявляли кокандскому двору: если Коканд действительно лоялен к Небесной династии, то вышлет всех находящихся там цинских солдат и уйгур, подданных империи. После этого станет возможным ходатайствовать перед императором о снятии торгового запрета. В противном же случае людям из кокандских пределов навечно будет запрещено вести обмен в Синьцзяне [135, т. 75, л. 9a—9b].

Но показать, что Цинская империя домогается чего-то у Коканда, «вассала», в представлении цинского двора, значило самоунижаться перед «варварами». Поэтому На Яньчэн и Улуна добавили соответствующие реминисценции в письмо к мулле-хакиму.

Вот их существо. Вышлет ли Коканд цинских солдат и уведенных в плен жителей Кашгарии — это совершенно не существенно для империи. Пребывание Бузрука, сына Джахангира, под опекой Коканда, тоже не имеет значения для Небесной династии. Ничего особенно опасного он в будущем предпринять не сможет. Если же попытается, то управиться с ним не сложно; чтобы покончить с Джахангиром понадобилось каких-то 10—20 тыс. солдат [135, т. 75, л. 9b—10a]. Курс, взятый На Яньчэном, Пекин одобрил (указ от 14 января 1829 г.).

Судя по поведению кокандского минбаши, экономические санкции не возымели на кокандский двор быстрого действия, как того хотелось цинским властям. На Яньчэн был не прочь использовать против Коканда и военную силу, но не свою, а соседей Коканда, враждующих с ним. Объектом внимания в этой связи стал Дарваз. «Если названный удел подчинить, можно обуздать и Коканд», — докладывали в начале 1829 г. трону На Яньчэн и Улуна [135, т. 78, л. 46]. По их указанию кашгарский хаким-бек Исхак вступил в контакты с беком Дарваза Ша-Ибрахимом. Тот отправил ответное посольство. Посланцы дарвазского бека заверяли На Яньчэна и Улуну в дружественных чувствах к империи, говорили, что он готов на-

править послом в Пекин своего брата. Больше того, представители Дарваза конфиденциально сказали Исааку, что, если империя Цин пойдёт войной на Коканд, то тот никак не устоит. Со своей стороны правитель Дарваза тоже желает участвовать в разгроме Коканда [135, т. 78, л. 5а—5б].

Предпринять какие-либо практические шаги в ответ на эти заверения На Яньчэн и Улун не решились без ведома Пекина. Больше того, они заподозрили правителя Дарваза в своекорыстных расчетах. Упомянув о двуличии «варваров», сановники сообщали: «Указанные варвары (т. е. бек Дарваза и его окружение. — В. К.) только надеются на то, что Китай уничтожит Коканд, а он, сидя сложа руки, получат его территорию» [135, т. 78, л. 6а].

План использовать Дарваз для «обуздания» Коканда в Пекине расценили как негодный [135, т. 78, л. 8а]. Тут же На Яньчэну напомнили, что ему поручили заниматься делами по ликвидации восстания, но отнюдь не уполномачивали его «безрассудно думать о заграничных делах». По получении данного указа На Яньчэну надлежало немедленно выехать в столицу.

Пока курьеры везли предписание На Яньчэну, тот продолжал усердно заниматься «кокандской проблемой». На основании сведений, собранных путем расспросов, он так информировал об обстановке в Коканде. Сам Коканд ничего особенного собой не представляет. Территория его невелика: с юга на север — 700 с лишним ли, с востока на запад — 600 ли. Численность регулярного войска не превышает 3 тыс. чел. Торговые сборы и пошлины за транзит являлись важным источником казенных поступлений. С запретом торговать в Синьцзяне власти увеличили сборы с подвластного народа. Это осложнило обстановку внутри ханства: «Повсюду люди кричат от горя, возмущаются» [135, т. 79, л. 5а]. Словом, в Коканде «все дела: военные, судебные, акцизные в беспорядке, нет закона. Отнюдь не может быть [Коканд] заботой наших границ», — заверяли Пекин находившиеся в Кашгарии сановники [135, т. 79, л. 9а]. Тем более, что у Коканда довольно сложные отношения с соседями, с Ура-Тюбе ежегодно происходило 2—3 столкновения, неприязнь усугубилась с Бухарой, стычки имели место с киргизами и казаками, не было дружбы с Дарвазом и Каратегином.

Тем не менее кашгарские власти вынуждены были констатировать, что кокандский двор держится «неуступчиво». На послание с требованием выдать родственников Джахангира, направленное еще Чан Лином, кокандский двор ответил с промедлением. Главное же, согласился лишь выслать пленных, уведенных из Кашгарии в Коканд. Но и рвения при этом особого не проявлял. Сообщая в Пекин о прибытии из Коканда 21 солдата и гражданских

лиц, На Яньчэн сетовал, что цинские военнослужащие и уйгуры, уведенные в Коканд, высланы далеко не все.

Выдать же близких Джахангира кокандский двор отказался, мотивируя свою позицию тем, что по мусульманскому закону нельзя выдавать сыновей и внуков ходжей. Однако соблюдать традицию кокандского хана побуждали причины чисто политические. Выдав потомков ходжей, он лишился средства, при помощи которого мог оказывать давление на Ципскую империю и добиваться для себя привилегий в Восточном Туркестане. Мотивы, каковыми руководствовался правитель Коканда, так и были поняты противной стороной.

Натолкнувшись на неуступчивость Коканда в вопросе о ходжах, в Пекине решили сделать вид, что все предано забвению. На деле же попросту вознамерились взять Коканд измором, прервав с ним торговые отношения. Официально цинские власти решили больше не домогаться выдачи близких Джахангира. Интересы поддержания престижа Поднебесной взяли верх.

* * *

Представители Коканда неоднократно обращались к кашгарским властям с просьбами открыть торговлю, одновременно выслались в Синьцзян цинские подданные, уведенные в Коканд во время восстания Джахангира. Но по основному вопросу — о выдаче близких ходжи — кокандский двор на уступки не шел. Пекин также продолжал упорствовать, тем более, что появились некоторые шансы заполучить Бузрука, сына Джахангира.

Среди возвратившихся из Коканда, как доносили в Пекин кашгарские власти, оказались кашгарцы Муса и Абдулла. Первый прежде жил в Коканде, куда уехал на заработки. Старший брат его, Тадилик, выступал на стороне Джахангира и получил от него должность бека 6-го класса. Во время подавления восстания Тадилик бежал в Коканд. Так же поступил и Абдулла, доверенное лицо Джахангира, хорошо знакомый с Тадиликом.

По словам Мусы и Абдуллы, кокандский минбаши держал Бузрука в окрестностях Коканда под строгой охраной. С началом войны против правителя Ура-Тюбе солдат охраны отправили в поход, и Бузрука стеречь стало некому. Его передали деду по матери в с. Канакэс, на расстоянии 60—70 ли пути от Коканда.

Тадилик, благодаря дружбе с Абдуллой, не раз посещал дом, где находился Бузрук. Видел его самого и его мать. Бывал там и Муса. Тадилик специально направил в Кашгарию Мусу, чтобы уведомить начальство о своей готовности увезти Бузрука из Коканда и выдать властям. Таким путем Тадилик намеревался иску-

пить свою прежнюю вину. Помочь в похищении Бузурука вызывался и Абдулла. Показания Мусы и Абдуллы подтвердили китайцы Цяо Цицинь и другие, возвратившиеся из кокандского плена.

Хаким-бек Кашгара Исхак заверил На Яньчэна и Улуну, что подвоха тут не усматривает. Семья Тадилика находится в Кашгаре, и в случае чего власти могут поступить с ней по своему усмотрению.

Не приняв полностью на веру слова Мусы и Абдуллы, На Яньчэн и Улуна все же согласились с их предложением. В случае доставки Бузурука Тадилику, Абдулле и Мусе были обещаны бекские должности и денежное вознаграждение [135, т. 79, л. 13а]. Получив специальный приказ с печатью для прохождения через цинские пикеты, Муса и Абдулла 5 марта 1829 г. ушли за кордон [135, т. 79, л. 13а]. Перед отъездом они заверили, что двух месяцев вполне хватит, чтобы выкрасть Бузурука и доставить его цинским властям.

Не скрывая своих сомнений в успехе предприятия, На Яньчэн и Улуна тем не менее докладывали в Пекин: «Если удастся, воспользовавшись этим удобным случаем, захватить Бузурука, то действительно можно будет навечно искоренить зло» [135, т. 79, л. 13а].

Информированный об обстановке в Коканде и о плане похищения Бузурука император поручил Военному совету передать соответствующие инструкции На Яньчэну и кашгарской администрации. Основным фактором, определявшим политику в отношении Коканда, являлась складывавшаяся там обстановка. Акцентируя внимание на постоянных столкновениях Коканда с Ура-Тюбе из-за спорной территории, богдыхан указывал: «Коканд из-за крошечной, как родинка, территории снова стрижет свои крылья. День ото дня углубляется слабость. Не дойдет дело [до] того, что он станет заботой наших границ. Бесспорно, это весьма хорошо... Однако упомянутые варвары алкают прибылей, не имея совести. Ныне, ввиду того, что установлены строгие правила, не разрешается им торговать, вряд ли не подкупят соседних бурутов (киргизов.— В. К.) от чужого имени торговать» [135, т. 79, л. 13б].

В указе императора от кашгарской администрации требовалось осуществлять гибкие и эффективные мероприятия для обеспечения действенности экономических санкций против Коканда. Что касается отправки людей для похищения Бузурука, то никаких возражений со стороны двора не последовало.

Тем временем в самой Кашгарии складывалась довольно напряженная обстановка из-за гонений на андижанцев. Эта мера цинской администрации была продиктована стремлением избавиться от неудобной по политическим соображениям группы населения. В период восстания Джахангира андижанцы не остались

праздными свидетелями, а, объединившись с соплеменниками из-за кордона, всемерно помогали ходже. После подавления восстания отношения с Кокандом оставались весьма напряженными, и в случае конфликта андижанцы, проживавшие в Синьцзяне, могли доставить цинским властям, как те опасались, немало неприятностей.

В докладе на имя императора (указ от 18 мая 1828 г.) На Яньчэн высказался за изгнание всех андижанцев из Синьцзяна. Но из-за большой численности их и во избежание инцидентов считал целесообразным осуществить депортацию поэтапно [135, т. 62, л. 11а]. Впредь, как рекомендовал На Яньчэн, иноземцам вообще следует запретить селиться в Синьцзяне. Двор в принципе не возражал против предложения паместника, хотя высказывались опасения, как бы изгнание андижанцев не привело бы к беспорядкам [135, т. 62, л. 14б].

Получив приемлемые разъяснения от кашгарских властей, император начертал (указ от 20 сентября 1828 г.): «Если через несколько лет действительно можно изгнать иноземцев начисто, то разве это не есть мягкая политика умиротворения границы? Во всяком случае нужно изо всех сил действовать во исполнение высочайшего предписания, отнюдь нельзя долго медлить» [135, т. 69, л. 16а].

Выселяя в первую очередь андижанцев, цинские власти не упускали случая избавиться и от других выходцев из среднеазиатских государств, осевших в Кашгарии. Показателен указ от 9 апреля 1829 г. Речь шла о трех бухарских купцах. Во время восстания они бежали в Ладак. Потом вернулись обратно в Кашгарию. Указом было предписано дать им подорожную и выслать за кордон [108, т. 153, л. 7а—7б].

Пекин требовал от местных властей не допускать скрытного проникновения андижанцев в Джунгарию и проживания их там. Об этом, в частности, специально говорилось в указе от 9 октября 1830 г. [108, т. 172, л. 19б]. Администрация Джунгарии тоже конфисковывала запасы чая и ревения у андижанцев в Илийском крае, а самих их изгоняла за кордон.

Во исполнение указа «не допускать промедления» с высылкой андижанцев к осени 1829 г. кашгарский наместник форсировал эту кампанию. «В результате с каждым днем возмущение все более углублялось», — так потом обрисовал Чан Лин настроения среди андижанской общины [141, т. 4, л. 12а].

СНЯТИЕ ЗАПРЕТА НА ТОРГОВЛЮ КОКАНДА В КАШГАРИИ

Экономические санкции цинского двора вызвали определенные затруднения в хозяйственной жизни Коканда. Чай для населения ханст-

ва являлся продуктом повседневного потребления. Ревень шел на окраску тканей и вывозился за пределы Средней Азии. Теперь же привоз чая и ревеня почти полностью прекратился. Одновременно сократились и поступления в кокандскую казну, которую прежде в немалой степени питала торговля с Восточным Туркестаном. Налог за продажу китайских чаев и ревеня являлся важной статьёй казенных доходов. Немалые поступления давали и пошлинные сборы за транзит этих товаров через территорию Коканда. С запретом на торговлю кокандский двор лишался всех указанных источников дохода. Недобор средств компенсировался за счет увеличения податей с населения.

В известном смысле сгущая краски, синьцзянские власти так докладывали в Пекин о результатах торгового запрета: «Повсюду [в Коканде] люди кричат от горя, возмущаются» [135, т. 79, л. 5а].

В конечном счете Коканд решил открыть для себя рынки Кашгарии и защитить интересы соотечественников, рассчитывая на успех выступления Юсуф-ходжи, брата Джахангира. Мамед-Али специально вызвал к себе Юсуфа из Шягри-Сябза и обещал ему помочь вернуть родовое владение [69, с. 344; 71 с. 131—132].

Кокандский двор замыслил инсценировать поход Юсуф-ходжи как акт возмездия за расправу «неверных» над «потомком пророка». С самого начала Юсуф являлся орудием в руках кокандских правителей и исполнителем их воли. Но в то же время объективно он выступал в роли борца против маньчжуро-китайского гнета. Имя Юсуф-ходжи, брата «погибшего за веру», могло стать знаменем священной войны мусульман и одновременно вдохновить жителей Кашгарии на борьбу с Цинской империей. К ним из Коканда были обращены призывы выступить на помощь мусульманскому воинству, с которым идет Юсуф-ходжа.

В то время как подготавливался поход Юсуф-ходжи, кашгарские власти пребывали в состоянии полнейшего самоуспокоения. Они даже сочли своевременным провести смену гарнизонов.

Правда, синьцзянский наместник Юй Линь трезво оценивал обстановку. Учитывая враждебность Коканда, он возражал против очередной смены гарнизонов в Кашгарии, предлагал усилить охрану границ, привлечь на свою сторону киргизов племени бугу. Проведению этих мероприятий воспротивился кашгарский правитель Чжалуна: по его мнению, они были паническими и легкомысленными. Не внял Чжалуна и предостережениям со стороны небезызвестного Исхака.

С благословения Мамед-Али Юсуф-ходжа объявился в Кашгарии. Здесь он в 1830 г. возглавил антицинское восстание. Но оно в том году было подавлено.

Восстание Юсуф-ходжи, хотя оно и закон-

чилось провалом, показало Пекину, что экономические санкции бессильны против стремления кокандского двора упрочить свои позиции в Восточном Туркестане. Тем более, что правящая верхушка Коканда располагала таким действенным средством влиять на обстановку в Кашгарии, как семейство ходжей, потомков Сарымсака. Император, всецело одобливший гонения на андижанцев, косвенно признал провал политики давления на Коканд. Инициатор антиандижапской кампании На Яньчэн был разжалован, лишен титула и уволен в отставку. Заодно с ним лишили должности шилана и его сына Жунь Чжао. В вину На Яньчэну вменялось то, что из-за гонений на андижанцев возникли разлады с соседями [130, с. 244].

Тем не менее, в официальных кругах империи стали раздаваться призывы к военным действиям против Коканда, чтобы упрочить положение западной окраины. Особенно рьяно выступал за войну синьцзянский наместник Юй Линь, призывавший немедленно двинуть войска из Илийского края и Кашгарии. Мнение Юй Линя оспаривал умиритель восстания Джахангир и Юсуфа Чан Лин.

В политике по обеспечению безопасности границ, доказывал Чан Лин, на первом месте — демонстрация мощи, на втором — сдерживание (обуздание). Сам по себе Коканд, убеждал Чан Лин, не такой уж серьезный противник. В подвластных ему Ташкенте, Андижане и других семи местах нет городских стен. В ближнем бою кокандские конники атакуют боевые порядки, но не могут с седла стрелять из ружей. Если же по ним открыть беспрестанную ружейную стрельбу, то конники заранее сбегут. К тому же Коканд с Бухарой и другими уделами враждует, он притесняет киргизов и казахов.

Если действительно решимся пойти войной на Коканд, рассуждал Чан Лин, то понадобится 30—40 тыс. отборных солдат. Следует заранее оповестить о начале войны из пограничной местности Или, Уч-Турфана: наступаем по трем направлениям. Заблаговременно известить манифестом Бухару и другие уделы, чтобы они одновременно напали. Коканд будет обложен со всех сторон и одним махом с ним удастся покончить.

Однако, резюмировал Чан Лин, этот план не столь легко осуществить. Во-первых, на цинских солдат за линией пикетов будут смотреть как на пришельцев, притом, несомненно, нежелательных. Во-вторых, поход сопряжен с большими трудностями из-за природных условий. В подтверждение Чан Лин приводил следующие доводы. От караула Калангуй до Коканда 1600 с лишним ли, в центре Ферганский хребет, являющийся границей Коканда и киргизов. Реку с двух сторон сжимают горы, проехать только можно одному верховому. Не меньше двух дней требуется, чтобы пройти горы [119, т. 847].

На сторону Чан Лина склонялся и император Минь Нин. В ответ на доклад Юй Линя он писал: «Этот план [похода на Коканд] давно [лелею] в Нашей душе. Если поступить, как тобою решено, то расчет состоит в том, чтобы нанести удар в самое сердце. Однако можно говорить и нельзя сделать... Представь себе, сколько нужно средств на военные нужды, если учесть, что за кордоном: что ни шаг — то не наша земля, что ни местность — то не наши люди, а племенам киргизов во что бы то ни стало нужно оказывать щедрые милости. Провиант же и довольствие для войск должны быть в избытке, тыловые дороги — постоянно в хорошем состоянии, военные станции должны быть надежно обеспечены» [52, с. 135]. Поход против Коканда, как опасался Минь Нин, мог повлечь за собой такие последствия, которые пока нельзя было предусмотреть. Допустим, отмечал богдыхан, Коканд будет повержен, и войска с победой вернутся в пределы империи. Ну, а где гарантия, вопрошал Минь Нин, что некоторое время спустя на подмогу Коканду не выступят сопредельные мусульманские уделы?

Итак, начать военный поход против Кокандского ханства правители империи Цин не решались. Их пугала перспектива большой войны с сопредельным мусульманским миром. В будущем, однако, не исключалось, в чем отдавали отчет цинские власти, что Кашгария вновь станет объектом вмешательства со стороны среднеазиатских правителей. С учетом этого обстоятельства командующий карательными силами Чан Лин и синьцзянский наместник Юй Линь представили на высочайшее усмотрение рекомендации относительно укрепления безопасности Кашгарии перед лицом возможных поползновений извне. Конкретно предлагалось следующее. Надлежало перенести ставку правителя Восточного Туркестана из Кашгара в Яркенд. В силу своего расположения последний давал больше возможности держать иноземцев под контролем [108, т. 193, л. 17а]. Представлялась целесообразной новая диспозиция войск, в частности, гарнизону Кашгара уделялась роль передового заслона, охраняющего караулы. Его задачей было также своевременно информировать об обстановке за кордоном правителя Кашгарии [108, т. 193, л. 186].

Предложения эти Пекин одобрил. Там тоже считали, что ощутимое военное присутствие в Кашгарии — определенная гарантия против поползновений извне. Но Правительство хотело иметь в Восточном Туркестане не просто многочисленную армию. Местные гарнизоны должны суметь справиться с отражением вторжения сами, чтобы властям провинций собственно Китая не пришлось изыскивать довольствие для экспедиционных сил [108, т. 193, л. 19а]. И такую возможность, как считали в Пе-

кине, открывала широкая китайская колонизация Восточного Туркестана [108, т. 193, л. 19а].

На ближайшее же время для обуздания «иноземцев» двор считал целесообразным применить экономические санкции. Дальним закордонным уделам разрешить торговлю следовало лишь при условии, что они убедительно продемонстрируют свою лояльность. Коканд же за снятие торгового запрета должен был заплатить более высокую цену: выдать вожаков выступления и просить прощения [108, т. 193, л. 196]. В указе Чан Лину и Юй Линю (от 30 сентября 1831 г.) специально подчеркивалось, что известных участников выступления Юсуфа следует заполучить полностью, не позволяя никому укрыться [108, т. 193, л. 196]. При этом указ предостерегал от возможного подвоха со стороны кокандцев, которые «могут выслать рядовых, а скажут, что выдали вожаков». «В результате, — внушал указ, — будем осмеяны иноземными варварами» [108, т. 193, л. 196].

После прекращения военных действий в Кашгарии к цинским властям в разное время приезжали послы из Коканда (Миджас, Майти-Молла, Айкама). Все они говорили о тяготах, вызванных торговым запретом, и просили разрешить торговлю [108, т. 195, л. 126]. Но со своей стороны ни о каких-либо конкретных обязательствах кокандского правителя послы не сообщали. Они лишь заверяли в готовности хапа поклясться в дружбе. Кроме того, последний конфиденциально просил простить «прежние прегрешения». В Пекине считали, что этого явно не достаточно, чтобы снять торговый запрет. Если сразу согласиться с просьбой кокандцев, тогда «не только Коканд не узнает страха, но, вероятно, и [остальные] закордонные варвары станут смотреть [на нас] с пренебрежением» [108, т. 195, л. 16а].

Иными словами, односторонние уступки Коканду были чреваты дальнейшим ослаблением позиций Цинов в Восточном Туркестане. Поэтому инструкция Пекина Чан Лину гласила: торговать Коканду можно разрешить только при условии, что он выдаст вожаков восстания и вышлет уведенное из Кашгарии население [108, т. 195, л. 16а].

Для передачи этих условий правителю Коканда из Пекина был отправлен один из кокандских посланцев, остальных вверили заботам хакима Цзохордуна до ответных вестей из Коканда [108, т. 195, л. 16а].

Коканд для Пекина оставался в известном смысле загадкой. В столице Поднебесной определенно не знали мотивов, определявших политику Кокандского ханства, ее непосредственных проводников. В начале 1832 г. Чан Лин представил в Пекин сводку разведанных, снабдив их своими оценками. Вершил делами в Коканде минбаши, или минбек, Ага-Кул.

С разрешением торговать в Кашгарии перед мин-баши открывается перспектива обогатиться, и он станет более покладист в отношении империи Цин. Отсюда, убеждал Чан Лин, можно надеяться, что в Восточном Туркестане и за его пределами воцарится спокойствие. Таким образом, Чан Лин предлагал мирное урегулирование отношений с Кокандом, пойдя даже на уступки в одностороннем порядке.

В конечном счете дальше военных демонстраций Цинская империя не пошла: решено было урегулировать отношения мирным путем.

Со своей стороны и Коканд, хотя и готовился к ожидавшемуся вторжению цинских войск, также тяготился перспективой большой войны. Обеим сторонам не оставалось ничего другого, как вступить в переговоры. Инициатива исходила от Коканда. Он предложил восстановить мирные отношения и возобновить торговлю. Цинские власти взамен потребовали выдачи Юсуф-ходжи и других вожаков восстания. Кокандский двор соглашался лишь выслать всех пленников, но настаивал на беспошлинной торговле в Синьцзяне и компенсации за конфискованное ранее у андижанцев имущество. Пекину пришлось пойти на понятный. Запрет на торговлю Коканда отменялся, беспрепятственно разрешалось вывозить из Кашгарии чай и ремень. Специальным императорским указом от 13 января 1832 г. кокандские купцы даже получили право беспошлинной торговли в Кашгарии; обложением их занимались специально назначаемые Кокандом купеческие старшины, аксакалы. За имущество, конфискованное у андижанцев, Коканду выплачивалась компенсация.

Империя в итоге возвратила уведенных в плен китайских граждан, однако ходжей Цинам заполучить не удалось. Цинские документы не дают прямого ответа, какие гарантии в отношении действий ходжей дал кокандский двор. Его посланец заверял о готовности хана поклясться на коране в дружбе и «вечном почитании». Однако эти заверения в Пекине (указ от 13 апреля 1832 г.) восприняли довольно скептически: «Этим словам нельзя полностью верить» [108, т. 207, л. 26а—26б]. Правда, Чан Лин с явно наигранным оптимизмом уверял, что с допуском в города Восточного Туркестана назначаемых из Коканда сборщиков пошлин, потомки Джахангира, Юсуфа и их брата Бахауддина «не смогут подстрекать, входить в сговор» со своими приверженцами в Кашгарии [52, с. 136].

Но факт остается фактом: Цинская империя оказалась бессильной добиться у Коканда выдачи ходжей. «Времена Цянь Лун (девиз правления Хун Ли.— В. К.) прошли», — меланхолично резюмировал китайский историк Ли Юнбин [159, с. 480]. Действительно, из-за плачевного состояния дел в империи потомок грозного воителя Хун Ли не отваживался бря-

цать оружием, претендуя на роль вершителя судеб народов Центральной и Средней Азии. Цинскому двору приходилось думать уже только о том, как бы удержать в составе империи беспокойную западную окраину. Ради этого он пошел на то, чтобы допустить в Кашгарию иноземных сборщиков торговых пошлин. Отказаться в пользу кокандского хана от права облагать его подданных для Пекина представлялось меньшим злом, нежели появление в Кашгарии ходжей.

Покладистость китайской стороны в Коканде не без оснований расценили как признак слабости Китая. Кокандец Дяогэрбай, первый посол, приехавший в Кашгарию после снятия торгового запрета не упустил возможности внушить цинским чиновникам представление о могуществе Коканда. Не исключая вероятности войны между Кокандом и Россией, цинский двор, однако, не усмотрел для себя благоприятной возможности нажать на Коканд и заполучить семейство ходжей. Коканд и Россия, говорилось в указе, расположены далеко за пределами наших караулов. Столкновения между ними империи Цин не касаются. Только не следует допускать беспорядков на наших границах. Для этого синьцзянскому наместнику нужно заранее принять предупредительные меры, но ни в коем случае не питать амбициозных устремлений и, тем более, никого не преследовать во избежание пограничных раздоров [108, т. 207, л. 26б].

Цины хотели мирным путем свести на нет очаг напряженности на западных рубежах империи. Китай нуждался в передышке, чтобы упрочить устои своего господства в Кашгарии, существенно потрясенные восстаниями Джахангира и Юсуфа.

Вместе с тем Пекин, отнюдь не разделяя полностью оптимизма Чан Лина, считал, что уступкой торговых сборов вождельцев соседей не сдержать. По мнению правителей Поднебесной, лишь наличие в Восточном Туркестане достаточно мощных воинских сил являлось гарантом от происков извне. Даже если сыновья Джахангира подрастут, говорилось в указе от 24 марта 1832 г., «иноземные варвары не решатся подстрекать их, опасаясь сокрушительного отпора» [108, т. 206, л. 146].

Кокандский двор не удовлетворился разрешением торговать беспошлинно. В 1833 г. из Коканда прибыл кокандский посол Мирза-Аюб. Он попытался добиться от цинских властей согласия взимать в пользу кокандского правителя налог в Кашгарии не только с кокандских торговцев, но и с иноземных.

За собственный счет содействовать дальнейшему обогащению кокандского правителя отнюдь не входило в расчеты Пекина. Кроме того, удовлетворить очередную просьбу Коканда значило способствовать дальнейшему падению своего престижа в глазах кашгарских

подданных и соседних держав. Поскольку все сборы от торговли иностранцев в Кашгарии стали бы поступать в кокандскую казну, то это могло быть расценено так, что кокандский хан является чуть не соправителем Восточного Туркестана. Пекин решил отказать Мамед-Али в очередной просьбе. Но сделать это надлежало, как особо оговаривалось указом, в деликатной форме: мол де богдыхан одинаково относится ко всем иноземцам, и раз кокандские торговцы получили льготы, то и на других они тоже распространяются. Просьбу кокандского хана относительно обложения пошлиной товаров иноплемennых купцов власти вообще не решились передать императору. Послу Коканда следовало внушить своему «беку» (из-за супрематистских амбиций Пекин по-прежнему не признавал кокандского правителя ханом), что если он примет обычные условия торговли, то сможет долго пользоваться милостями правителя Поднебесной [108, т. 235, л. 22а—22б]. Пекин надеялся, что такой демарш заставит кокандцев отказаться от «сумасбродных вожделений» и в конечном итоге «с радостью подчиниться» [108, т. 235, л. 22б]. Цинский двор, несмотря ни на что, не оставлял мысли видеть кокандский двор исполнителем своей воли. Но для этого местному начальству следовало избегать каких-либо крайностей: не нужно было разъяснять, что пагубно, а что вредно, запугивать мощью империи и бахвалиться. Когда посол станет вести себя покорно, для него следовало устроить прием согласно протоколу и одарить, после чего с эскортом выпроводить.

Кашгарский правитель Чан Цин не снизошел до встречи с кокандским послом, а для его «вразумления» сперва отправил своего секретаря и хаким-бека. После сделанных ими «внушений» Мирза-Аюб, как докладывал Чан Цин, уже не повторил своей просьбы, а засобирался домой. Лишь перед самым отъездом посла Чан Цин пригласил его для личной беседы. „Раз ты сам осознал свой проступок, сказал ему Чан Цин, — то взыскивать с тебя не стану» [108, т. 238, л. 46]. Кокандскому же хану следует передать, чтобы он впредь не предпринимал неправомерных поступков и не питал безрассудных помыслов, памятуя о тех милостях, которые ему оказал император [109, т. 238, л. 46].

По заверению Чан Цина, внушения возымели действие: кокандский посол якобы сам признался в собственной глупости и вел себя весьма послушно [108, т. 238, л. 46].

Для поощрения Мирза-Аюба был устроен прием, где в подарок ему преподнесли серебро, шелка и чай. Потом в сопровождении воинского эскорта и беков кокандского посла выпроводили за кордон.

Чан Цин, однако, не видел оснований для самоуспокоения. «Хотя [кокандцы] почтительны и послушны, однако похоже не изменились, в конце концов их намерений невозможно уга-

дать», — докладывал Чан Цин в Пекин [108, т. 238, л. 5а]. На случай возможных вылазок Коканда правитель Кашгарии считал нужным усилить оборону.

В Пенине разделяли мнение Чан Цина (указ от 20 июля 1833 г.). Там считали вполне вероятным, что внушение окажет воздействие на кокандский двор и он станет довольствоваться прежними условиями торговли, но не исключали, что Коканд попытается оказать нажим. В случае подозрительных действий кокандских властей правителю Кашгарии следовало лично возглавить патрулирование по обе стороны линии караулов. Одновременно надлежало во всех городах усилить боеготовность войск и заранее обеспечить в достатке военное довольствие [108, т. 238, л. 5б].

Возобновление торговли кокандцев в Кашгарии и местные власти, и Пекин восприняли весьма настороженно. Доступ в пределы империи андижанцам чреват был, как показывал предшествовавший опыт, серьезными последствиями. Поэтому местная администрация с приезжающими андижанцами проводила соответствующую «разъяснительную» работу. В частности, прибывающим в Уч-Турфан зачитывали манифесты с наставлениями [108, т. 235 л. 4б]. Не довольствуясь этим, цинские власти проводили разведку в киргизских кочевьях. Расспрашивали у упоминавшегося уже Дяогэрбая, оставшегося в Яркенде, не собирался ли кокандский правитель облагать киргизов податью лошадьми.

Поведение самих кокандских торговцев, данные разведки, а также расспросы не давали прямых оснований заподозрить кокандский двор в наличии враждебных намерений. Однако кашгарский наместник Чан Цин не благодушествовал. Докладывая в Пекин о прибытии в Уч-Турфан группы торговцев, у которых имелось удостоверение от некоего кокандского старшины Исы, Чан Цин отмечал: «Может быть это невежественные разбойники, изменив обличье, [это удостоверение] получили обманом» [108, т. 253, л. 5а]. В ответной инструкции из Пекина (указ от 8 июля 1834 г.) говорилось, что необходимо объявить андижанцам: «Если будете послушны, милостями не будете обойдены» [108, т. 253, л. 5б]. Местным властям надлежало сделать упор на мягкое обращение с кокандцами, чтобы «упомянутые варвары полностью отбросили сомнения», тогда на долгое время будет обоим мир [108, т. 253, л. 5б—6а].

Цинский двор стремился к мирным отношениям с Кокандом ради упрочения собственных позиций в Восточном Туркестане. Однако недоверие к правителям Коканда у властей Поднебесной оставалось. Поэтому в упомянутом указе говорилось, что кашгарской администрации нельзя, как прежде, пренебрегать мерами предосторожности [108, т. 253, л. 6а]. В качестве таковых надлежало предпринять следующие

щее: «Солдатам гарнизонов своевременно упражняться в воинских навыках и предать это заранее огласке, чтобы иноземные варвары знали, что армия крепка. [Они], естественно, услышав молву об этом, устрашатся, и дело не дойдет до того, что безрассудно начнут раздоры» [108, т. 253, л. 6а]. Далее подчеркивалось, что следует мягко обращаться с мусульманским населением Кашгарии, ничуть не обременяя его, чтобы у него не было неудовольствия [108, т. 253, л. 6а]. Наконец, в зоне пограничных караулов требовалось усилить оборону, при этом не паниковать, но и не выходить легкомысленно за кордон, «добиваясь признания своих заслуг» [108, т. 25, л. 6б].

В результате этих мероприятий цинский двор рассчитывал укрепить свою власть в пограничной окраине и обеспечить мир на ее рубежах. Он нужен был правительству Китая для того, чтобы стабилизировать внутриполитическую обстановку в Кашгарии. Всякая конфронтация с ее соседями могла послужить для местного населения сигналом к выступлению против цинского господства.

ПРОБЛЕМА КОНФИСКОВАННОГО ИМУЩЕСТВА И НЕВОЗВРАЩЕННЫХ АНДИЖАНЦЕВ

Добившись возобновления торговли в Кашгарии, кокандский двор в 1834 г. отправил в Пекин посольство. Правитель Кашгарии Син Дэ расценил отправку посольства как стремление кокандского хана выразить свою признательность разрешением беспомешно торговать [108, т. 254, л. 5а]. Считать так давало определенные основания и то обстоятельство, что кокандский посол Айлянбай привел с собой ранее уведенных в Коканд одного солдата-солонна, одного китайца, а также 16 мусульман из Кашгара [108, т. 254, л. 6а].

В Пекине очень внимательно отнеслись к предстоящему приезду кокандского посла Айлянбая. Соглашаясь его принять, император специально распорядился, как обходиться с коканцем. В Яркенде ему надлежало устроить прием и наградить, чтобы он «охотно повиновался» [108, т. 254, л. 5а]. Во всех городах, через которые должно было проезжать кокандское посольство, его следовало соответственно принимать.

Стремясь умиротворить Коканд, цинский двор предписал местным властям не поднимать вопроса о потомках Джахангира и о двукратных кампаниях в Кашгарии [108, т. 254, л. 5а].

На поверку, однако, оказалось, что Син Дэ ошибся в расчетах насчет истинных целей приезда Айлянбая. Еще до прибытия в столицу империи кокандский посол поставил перед местным начальством вопрос о возвращении наделов, конфискованных у андижанцев в Кашга-

рии, и об освобождении людей, отданных в рабство, удерживаемых в семьях и т. п.

После восстаний Джахангира и Юсуф-ходжи цинские власти широко практиковали конфискацию земли у участников этих выступлений. В казну была обращена и недвижимость андижанцев. Требование Коканда вернуть ее Пекин воспринял негативно.

Чиновнику Суцина, которому кокандский посол выложил свои требования и который информировал о них двор, надлежало указать Айлянбаю на два обстоятельства. Во-первых, посло прекращения военных действий земля оказалась бесхозной, и потому никак не определить — собственность это андижанцев или чья другая. Во-вторых, в пределах империи «иноземным варварам», каковыми являются и андижанцы, по закону не разрешается покупать и продавать землю [108, т. 257, л. 8а—8б]. Цинский двор был против возврата конфискованной у андижанцев земельной собственности, опасаясь далеко идущих последствий. «Если, доверившись их болтовне, дозволить [просимое], то непременно дело дойдет до того, что кашгарская местность вся станет границей иноземных варваров» [108, т. 257, л. 8б]. Узаконение землевладения андижанцев в Кашгарии было чревато, как боялись в Пекине, поглощением ее иноземцами.

Более снисходительно отнесся цинский двор ко второй претензии Коканда. После подавления антицинских выступлений в Кашгарии власти выселили определенное количество андижанцев с прежних мест жительства в другие районы, где их использовали как рабов и слуг. Вопреки предписанию цинского императора, говорил Айлянбай, освободили и вернули обратно лишь половину этих людей. Кроме того, остались разобщенными семьи. Жен и дочерей андижанцев, покинувших свои дома, забрали в жены подданные империи. Этих женщин Айлянбай тоже просил вернуть.

Двор предписал кашгарскому наместнику Син Дэ по возможности, учитывая давность лет, выявить упомянутых женщин, а равно юношей и девушек, привлеченных к ответственности за участие в антицинских выступлениях, и выяснить, желают ли они покинуть Синьцзян. Если таковые найдутся, то Син Дэ надлежало доложить в Пекин, как осуществить их депортацию [108, т. 257, л. 9а—9б].

Для кашгарской администрации, непосредственно занимавшейся делами пограничной окраины, ситуация представлялась более деликатной, чем столичным сановникам. Син Дэ не считал возможным попросту игнорировать претензии Коканда. Кашгарский наместник предлагал подойти к вопросу об андижанском имуществе «дифференцировано»: участникам восстания Джахангира ничего не возвращать, но вернуть достойные тем, кто подвергся гонениям в 1830 г. Однако позиция пекинского двора в этом вопросе оставалась неизменной. Указом (от 15 де-

кабря 1834 г.) вновь предписывалось Син Дэ не заниматься проблемой «андижанского имущества» [108, т. 260, л. 156].

Проверка слов Айлянбая относительно задержанных андижанцев показала, как докладывал Син Дэ, следующее. Во время подавления восстания Джахангира в Урумчи отправляли мусульманских женщин и детей, кроме того, их раздавали в рабство офицерам и солдатам карательных войск. Ныне все они уже отпущены. Из числа сосланных в Илийский край и отданых в услужение осталось 36 чел. Женщин, покинувших свои прежние дома, выявлено более 50. Они разбросаны по различным дальним деревням. Проверка не обнаружила фактов, когда китайцы вопреки закону сожительства с мусульманками.

Результаты проверки на местах, как о них доложил Син Дэ, дали основание Пекину занять более жесткую позицию в отношении претензий Коканда. «Все это враки», — так были расценены в указе богдыхана слова кокандского посла о том, что не освобождена половина задержанных андижанцев [108, т. 260, л. 16а]. Предписаний спешить с высылкой людей, о которых говорил Айлянбай, Син Дэ не было дано. Ему надлежало очистить край от всяких нежелательных лиц, наказывать тех, кто совершает беззакония (в частности, тех, что принуждает к сожительству мусульманок), «чтобы иноземные варвары знали, что законы и порядок строги и ясны и выказывали большее благоговение и послушание. Никким образом нельзя хоть немного поступать несправедливо, ибо тогда у упомянутых варваров появится повод [к распрям]» [108, т. 260, л. 16б]. Иными словами, кашгарскому наместнику следовало представить дело так, что никакой проблемы «разлученных и возвращенных» нет. Цинский двор давал понять, что не склонен потакать всем прихотям кокандских властей.

Не добившись ничего у кашгарского наместника, Айлянбай апеллировал к самому императору. Прибыв в Пекин, он представил двору пространное прошение для передачи богдыхану. Первым делом посол просил освободить и отпустить с ним тех андижанцев, которых во время выступления Джахангира власти сослали в Джунгарию. Часть их потом была оставлена там, а часть рбздана в услужение кашгарским бекам. По словам Айлянбая, цинские власти освободили лишь половину этих андижанцев [108, т. 262, л. 40б]. Далее, Айлянбай просил отпустить мусульманок из Кашгара, взятых в жены китайцами. Он ходатайствовал и о возврате земельных участков, конфискованных у андижанцев [108, т. 262, л. 22а—22б].

Ходатайства Айлянбая министры двора отклонили. Отказ освободить андижанцев они мотивировали, в частности, тем, что эта просьба исходит не от правителя Коканда, а от самих «преступников», причем причины ссылки каж-

дого из них не известны [108, т. 262, л. 21б].

Отказ, однако, не обескуражил Айлянбая. Он явился с подарками на прием к небезызвестному Чан Лину. По признанию последнего, он принял от посла «только блюдо винограда» [108, т. 262, л. 21а]. Но как бы там ни было, Чан Лин, минуя министров двора, собственноручно написал прошение на имя императора [108, т. 262, л. 21а]. За это Чан Лин подвергся суровому порицанию.

Тем не менее двору пришлось вступить в переписку с правителем Кашгарии Син Дэ относительно вопросов, поднятых Айлянбаем, чтобы согласовать действия.

Поскольку еще ранее «преступники», как докладывал Син Дэ, пожелали оставаться в местах ссылки и навечно оставаться рабами, то больше заниматься этим делом, гласил указ от 13 февраля 1835 г., не следует. За надель, конфискованные у изгнанных из Кашгарии андижанцев, им была выплачена денежная компенсация [108, т. 262, л. 22а]. Поэтому если земля, о которой вел речь Айлянбай, не подпадала под категорию имущества, конфискованного ранее у активных участников восстания Джахангира, возвращать ее не следовало [108, т. 262, л. 22а].

Обследование, произведенное в 1834 г., сообщил Син Дэ, не обнаружило фактов, когда китайцы брали в жены мусульманок [108, т. 262, л. 2б]. Таким образом, и это ходатайство кокандского посла выглядело безосновательным.

В целом, на основании разъяснений Син Дэ, двор мог аргументировать свой отказ удовлетворить просьбы кокандской стороны. Однако после некоторых размышлений в Пекине решили было сделать известные уступки в отношении задерживаемых «преступников». Указ от 5 марта 1835 г. предписал Син Дэ отправить с Айлянбаем тех, кто пожелает вернуться в родные места [108, т. 262, л. 40б]. Но в конечном счете дальше этого жеста дело не пошло. Сначала было решено не помогать выезду тех, кто находился в услужении у беков [108, т. 262, л. 40б]. Потом Син Дэ заверил, что среди лиц, обвиненных в причастности к выступлению Джахангира, нет закордонных андижанцев. Поэтому не нужно передавать их кокандскому послу. Возражений со стороны трона не последовало [108, т. 262, л. 41а].

Блюдо, винограда, принятое канцлером Чан Лином от кокандского посла, вышло за рамки частного случая. 16 февраля 1835 г. был спущен указ сановникам Государственной канцелярии (Нэйгэ). Он инструктировал, как следует держаться с послами из западных стран. Решение определить наказание Чан Лину должно было служить наиданием на будущее другим. Если, говорилось в указе, посол делает подарок сановнику, обязанность того в достойных выражениях отказаться [108, т. 262, л. 24б].

Правда, в Синьцзяне и в Монголии обычно наместникам послы презентовали лошадей. При-

нимать их разрешалось, но при условии двукратного ответного вознаграждения. Щедро одаривая подношения, цинское правительство рассчитывало показать свое великодушие. Однако в собственно Китае не разрешалось, чтобы послы обменивались в частном порядке подарками с чиновниками и простым людом. Тем более, не пристало сановнику, состоящему при дворе, угощаться с послом (в указе он уничижительно именуется «вассалом вассала из подвластного государства»). Отныне говорилось в указе, чиновников, принимающих подарки от послов из сопредельных с Синьцзяном владений, сурово наказывать [108, т. 262, л. 24а—25а].

Искоренение практики, когда столичные сановники принимали подношения от послов, заставило бы «иноземных варваров», как полагал богдыхан, «узнать строгость законов и декретов Небесной династии», пресечь такое злоупотребление, когда иноземцы стремятся любой ценой добиться, чтобы их прошениям был дан ход [108, т. 262, л. 26а].

ПОПЫТКИ КОКАНДА ДОБИТЬСЯ НОВЫХ ПРИВИЛЕГИЙ

В 1834 г. кокандский посол Айлянбай ходатайствовал перед цинскими властями об освобождении от торговых сборов бадахшанцев и кашмирцев в Кашгарии [108, т. 262, л. 22а—22б]. Такая просьба показалась двору неуместной.

Указом от 1832 г. предусматривалось освобождение от уплаты торговых сборов людей из уделов, расположенных за линией яркендских караулов, а также киргизов [108, т. 262, л. 22б],

Предоставление торговых льгот лишь одному Коканду могло породить представление о таком могуществе его, с которым была вынуждена считаться даже Цинская империя. Для ее правителей это грозило дальнейшим падением их престижа в глазах других иноземцев, тогда как при проведении любой внешнеполитической акции они в первую очередь заботились о поддержании показного величия Поднебесной перед лицом внешнего мира. Чтобы как-то выправить положение, пекинскому двору не оставалось ничего другого, как наравне с кокандскими подданными разрешить беспоплинную торговлю киргизам, куицам Бухары, Бадахшана, Ладака и Кашмира. Таким образом получалось, что Коканд был «облагодетельствован» милосердием богдыхана наравне с прочими. Тем самым Пекин получал возможность отклонить притязания Коканда на взимание в свою пользу пошлины со всех иностранных товаров, ввозимых в Кашгарию, и притом сохранить свой престиж.

После ходатайства Айлянбая Син Дэ было поручено проверить и доложить, как обстоит дело с выполнением указа от 1832 г. Вместе с тем на инициативу Коканда в отношении бадахшан-

цев и кашмирцев цинский двор реагировал очень болезненно. Освободили их от пошлины или нет, говорилось в указе, до этого Коканду никакого дела нет, данный вопрос исключительно в компетенции империи Цин [108, т. 262, л. 22б—23а]. Это следовало довести до сведения правителя Коканда, чтобы «пресечь его двуличные помыслы и укрепить его стремление (!) приобщиться к [нашей] цивилизации» [108, т. 262, л. 22б, 23а]. Цинский двор пытался показать, что он еще в состоянии воздействовать на «иноземных варваров» и не намерен безоговорочно потрафлять им.

В случае, если бы по возвращении из Пекина Айлянбай повторил свои просьбы в Яркенде, Син Дэ надлежало их отклонить и «вразумить» посла, «чтобы упомянутый варвар не заблуждался и не вымогал. Тогда в течение долгого времени будут обоюдны мирные отношения» [108, т. 262, л. 23а]. В представлении официальных кругов Цинской империи, таким путем она демонстрировала свою способность «держаться в узде» соседей и повысить престиж Китая.

В ответ на запрос двора Син Дэ докладывал, что в 1832 г. Коканду, Кашмиру, Бадахшану и киргизам разрешено торговать беспоплиненно. Поэтому просьбу Айлянбая о беспоплиненной торговле Син Дэ квалифицировал как уловку с целью прощупать настроения. По приезде Айлянбая из Пекина в Яркенд Син Дэ намеревался «вразумить» его, чтобы пресечь «их неуместные стремления» [95, т. 265, л. 7а].

Поднимая вопрос о торговых льготах для иноземцев в Кашгарии, кокандский двор пекся исключительно о своих выгодах. В этом убеждают последующие события.

В 1836 г. к кашгарскому правителю Син Дэ прибыл очередной кокандский посол. В доставленном им послании говорилось о желании кокандского хана взимать налог с кашмирцев и бадахшанцев, торгующих в Кашгарии [108, т. 283, л. 1б]. Син Дэ отказал, однако счел за благо обращаться с послом обходительно. В честь его был устроен прием, ему дали подарки. В сопровождении эскорта посла препроводили до границы.

Действия Син Дэ двор полностью одобрил. В указе от 14 июня 1836 г. напоминалось, что в декрете, ранее врученном Чан Лином кокандскому послу, речь шла только о кокандских подданных. Права облагать налогом бадахшанцев и кашмирцев кокандскому двору не давалось [108, т. 283, л. 1б]. «Однако, — предостерегал Пекин, — у правителя Коканда натура собаки и барана», и от него всего можно ожидать [108, т. 283, л. 2а]. В случае повторных домогательств Коканда их следовало отвергнуть.

Опасаясь, что кокандский двор пойдет на все, чтобы добиться своего, Пекин спустил Син Дэ специальные инструкции. Надлежало следить за поведением местных жителей, повысить боеготовность войск и усилить пограничный надзор.

Кашгарскому хакиму Джаухар ад-Дину направить на разведку за границу надежного человека и информировать об обстановке в Коканде по возвращении кокандского посла. Посланный Джаухар ад-Дином бек Абдужэсит по возвращении из Коканда смог сообщить лишь о том, как хан реагировал на доклад прежнего посла Мирза-Аюба, но не Айлянбая. По словам Абдужэсита, кокандский хан не поверил «безрассудным» речам Мирза-Аюба. Как это было расценено цинскими властями, остается неясным. Однако известие о смерти Юсуф-ходжи, доставленное беком, несомненно, с удовлетворением восприняли в официальных кругах империи Цин. Но кончина Юсуфа еще не означала, что сошел на нет клан ходжей, претендовавших вернуть достойные предков — Кашгарию. Соответственно, и кокандский двор сохранял козыри, посредством которых рассчитывал принудить Пекин пойти на попятный и отдать кокандскому хану все сборы от торговли иноземцев в Кашгарии.

В начале 1846 г. минбаши Мусульманкул, фактический правитель Коканда, направил в Яркенд послов. Они уведомили о желании кокандского двора взывать пошлину с товаров бадахшанских, кашмирских и ладакских купцов, торгующих в Восточном Туркестане, а также брать налог с киргизов-кипчаков. Выдвигая это требование, в Коканде рассчитывали устроить Пекин предоставлением свободы действий ходжам. Обстановка к этому времени складывалась в Восточном Туркестане очень напряженная. Вновь повсеместно нарастало стихийное возмущение местного населения грабежами и насилиями цинских сатрапов. Непокойно было и на границах Кашгарии. В 1845 г. киргизы атаковали караулы Янги-Гиссара, в 1846 г. они повторили набег. Кокандский двор считал, что наступил подходящий момент добиваться новых привилегий в Восточном Туркестане.

Кашгарский наместник Сайшиялэ, к которому обратились кокандские послы, отказал во всем. Пекин, одоблив его действия, в то же время не был вполне уверен, что именно кокандский двор решил домогаться новых преимуществ. Не исключалось, что именем кокандского двора прикрываются какие-нибудь авантюристы. Сайшиялэ получил предписание выяснить, действительно ли приезжавший от имени Мусульманкула был его послом. Кроме того, указ требовал отправить в Коканд 2—3 мусульман, знающих тамошние условия, и о разведанном ими срочно сообщить в Пекин [109, т. 53, л. 4а].

ВЫСТУПЛЕНИЯ ВАЛИХАН-ТЮРЯ-ХОДЖИ И ПОЛИТИКА ИМПЕРИИ ЦИН НА ГРАНИЦАХ КАШГАРИИ

В ответ на отказ Пекина удовлетворить их притязания кокандские власти в 1847 г. содей-

ствовали появлению в Восточном Туркестане семи ходжей, племянников Джахангира, которые возглавили восстание против цинского господства.

Но с провалом выступления семи ходжей дело приняло для кокандских правителей неожиданный оборот. Теперь они уже опасаются за ранее полученные привилегии: неизвестно было, как поведут себя цинские власти. Не прибегая к хитроумным уверткам, кокандский двор попросту делает хорошую мину при плохой игре. По заверению кокандского посла, вторжение семи ходжей произошло без ведома хана. Этим разъяснением Пекин удовлетворился. Посол даже получил в награду более 600 лян серебра, шелка, халаты с изображением дракона. Самое же главное, в начале 1848 г. императорским указом предписывалось разрешить Коканду беспошлинно торговать в Восточном Туркестане, по-прежнему позволялось кокандским властям ставить на должность аксакалов, сборщиков пошлинных сборов. Аксакал Намэд-хан, открывший ворота Кашгара семи ходжам, был оставлен в прежней должности [19, с. 66]. Цинские власти всемерно ублажали кокандский двор, дабы он только не предпринял прямых действий против империи.

Такой политикой правители империи Цин не смогли прочно стабилизировать обстановку на границах Кашгарии. Положение продолжало оставаться тревожным.

После вылазки в 1847 г. ходжи очень скоро дали о себе знать. «Варвары-разбойники, — говорилось в этой связи в указе от 21 сентября 1852 г., — неоднократно вторгаясь, производили беспорядки» [104, т. 17, л. 76]. В частности, в 1852 г. Таввакул-ходжа с Валихан-тюря-ходжей обосновались в Аксае, по внешнюю сторону кашгарских караулов. К ним вскоре присоединились бежавшие из Коканда Кичик-ходжа, Катта-тюря-ходжа, Ишан-хан. 25 августа 1852 г. ходжи проникли было в селение Малый Артыш, но потерпели неудачу и бежали за кордон [104, т. 17, л. 76].

Свобода действий, которую обрели ходжи, свидетельствовала о том, что кокандский двор им явно попустительствовал. Среди тех, кто шел под началом ходжей, были и андижанцы.

В порядке предупредительных мер Пекин распорядился (в который уже раз!) усилить охрану границ. Никакого демарша перед кокандским двором он, однако, предпринимать не решался.

Но зато кокандские правители не заставили себя ждать. В 1855 г. кокандский хан Худояр потребовал у кашгарских властей выдачи Юсан-ходжи-ишана и его людей. Эти люди в 1851 г. тайно проникли в Кашгарию из-за кордона в самый канун появления там ходжи Валихана, но попали в руки властей. Следствие показало причастность Юсан-ходжи-ишана к подготовке вылазки Валихапа-тюря-ходжи.

Кашгарское начальство намеревалось держать Юсана в заложниках, чтобы заставить кокандский двор выслать Валихана. Но Худояр, обходя молчанием вопрос о Валихане, требовал высылки Юсана.

Пекин соглашался удовлетворить это требование при условии, что Коканд выдаст Валихан-тюрю. В случае каких-либо враждебных акций со стороны Коканда Юсан-ходжу и его людей цинский двор предписал казнить на месте, чтобы предостеречь кокандских правителей [110, т. 55, л. 9а]. Размен, однако, не состоялся.

Зато в июле — августе 1855 г. Валихан-тюря и Таввакул-тюря вновь появились на территории Кашгарского округа. Здесь они возглавили выступление местного населения. С разгромом повстанцев цинскими войсками Валихан бежал за кордон, где ненадолго затаился, а уже в мае — июне 1857 г. с отрядом кокандцев он объявился в окрестностях Кашгара [110, т. 74, л. 11а; 104, т. 228]. Тут же против цинского господства восстали местные жители. По красноречивому признанию китайской администрации, причиной этого восстания явилось непомерное обложение, которое пришлось нести местному населению [110, т. 83, л. 136]. Таким образом, появление Валихана только ускорило взрыв. Привязать к себе кашгарское население он не сумел и в том же году бежал за кордон.

У цинского двора были основания считать вылазку Валихана враждебным актом со стороны кокандского правителя. Однако предпринимать прямых демаршей Пекин не спешил.

Кашгарский наместник Цин Ин, докладывая в столицу об аресте Сулейман-кула, младшего брата андижанского торгового старшины Кашгара, и еще трех аксакалов, сообщал, что после окончательного подавления восстания ими займутся. Ответный указ от 30 июля 1857 г. гласил: если арестованные — добропорядочные «варвары», то их пристроить должным образом. В случае их участия в восстании — казнить на месте, «чтобы избежать возникновения других беспорядков» [110, т. 45, л. 16а]. Командующий карательными войсками Фа Фули настаивал взяться за всех кашгарских андижанцев вообще. Позволить им, как и прежде, жить в г. Кашгаре Фа Фули считал невозможным. Следует, докладывая он в Пекин, отвести андижанцам пустошь в 2—3 ли от Кашгара, где бы они построились и торговали [110, т. 75, л. 66 — 7а]. Предложение Фа Фули трон одобрил.

Из-за вылазки Валихана цинский двор решил не идти на конфронтацию с Кокандом. Войскам, как гласила инструкция из Пекина (указ от 2 ноября 1857 г.), в поисках его не следует углубляться в чужие пределы, «лишь надлежит усилить охрану пограничных караулов, чтобы [он] снова не проник» [110, т. 75, л. 66].

Покинув кашгарские пределы, Валихан-тюря обретался за пределами караула Калангут и не спешил возвращаться в Коканд. Известие об этом насторожило цинский двор: с отводом карательных сил ходжа мог снова пробраться в Кашгарию [110, т. 75, л. 86]. Такая перспектива побудила Пекин несколько отойти от своей прежней установки — не преследовать Валихана далеко за линией пикетов. Командованию цинских войск в Кашгарии указом от 9 ноября 1857 г. предлагалось самому решить: преследовать или усилить пограничную охрану.

Командующий Фа Фули доложил, что далеко продвигаться в поисках Валихана не решится, так как дорога неизвестна [110, т. 76, л. 46]. Правителю Коканда и киргизам, доносил Фа Фули, объявлено, чтобы они выдали Валихана, если он у них окажется.

Ответная инструкция цинского двора гласила (указ от 22 ноября 1857 г.): если Валихан бежал далеко и долго не дает о себе знать, то снять войска с позиций вдоль линии караулов и отвести их на свои квартиры [110, т. 76, л. 46].

Но вопрос о Валихане для цинских властей не сошел с повестки дня. Оптимальное решение проблемы для Пекина представлялось так. «Если удастся уничтожить главаря разбойничьей шайки (т. е. Валихан-тюря — В. К.), — гласил указ от 14 декабря 1857 г., — то, естественно, можно будет свести на нет будущие бедствия» [110, т. 76, л. 116]. Как показал опыт, кокандский двор и не помышлял выдавать ходжу. Попытки добиться лояльности кокандских правителей снисходительностью не оправдали себя. Оставалось одно — нажать. В качестве средства давления цинский двор решил использовать свободу торговли андижанцев в Синьцзяне. Еще до того, как Валихан покинул Кашгарию, местные сановники Цин Ин и Гу Цин поручили хакиму Ака-Раиду написать кокандскому хану Худояру, чтобы он выдал Валихана и его сподвижников. Если он это сделает, тогда ему простят его «вину» и разрешат торговать в Синьцзяне. В случае неповиновения, гласил указ от 14 декабря 1857 г., запретить андижанцам торговать [110, т. 76, л. 116]. Однако такой решимости у цинского двора хватило ненадолго.

С бегством Валихан-тюря из Кашгарии кокандский двор счел подходящим направить послов к цинским властям. Явившись к военачальникам Фа Фули и Юй Жую, кокандский посланец ходатайствовал о возобновлении торговли. По словам посла, с известием о вторжении Валихан-тюря в Кашгарию кокандские власти перекрыли туда все дороги, запретили своим людям присоединяться к ходже. Сам он теперь посажен в тюрьму. Если кокандцам разрешат торговать в Кашгарии, тогда, заверял посланец хана, мы сами накажем Валихан-тюря [110, т. 78, л. 16а].

Руководствуясь прежним предписанием, Фа Фули и Юй Жуи обусловили разрешение торговать выдачей Валихана. Однако Пекин, информированный об этом, уже пошел на попятный. Неотступный страх, что конфронтация с Кокандом обернется волнениями в Кашгарии, взял верх. По мусульманским обычаям, гласили новые инструкции, ходжи не подлежат выдаче. Поэтому, если принуждать, чтобы выдали Валихан-тюрю, могут возникнуть осложнения. Если кокандские власти действительно наказали его, тогда торговать андижанцам разрешить. Относительно меры наказания усиленно доискиваться не нужно. Выяснив путем расспросов, доложить в Пекин [110, т. 78, л. 166; 140, т. 56, л. 8116]. Последний никак не хотел обострять отношений с Кокандом. «Ныне пограничная окраина только что умиротворена, нельзя снова начинать распри», — говорилось в инструкции Фа Фули и Юй Жуи [110, т. 78, л. 166; 140, т. 56, л. 8116]. Цинский двор больше всего тревожило повторение волнений в крае, для предотвращения чего надлежало строго охранять границы.

В конечном счете Коканд получил возможность торговать в Кашгарии на прежних условиях.

ИНЦИДЕНТ С УБИЙСТВОМ КОКАНДСКОГО ПОСЛА

Примирение после выступления Валихана было внешним и непрочным. Очередное обострение отношений произошло в 1859 г., когда в Яркенде убили кокандского посла Абдукарима. Его кокандский двор направлял в Пекин. Но оттуда яркендскому начальству ответили, что поскольку в нынешнем году кашгарские беки не поедут в столицу, то и кокандскому послу специально нечего приезжать. Если у него есть подарки императору, то пусть передаст яркендскому начальнику для пересылки [110, т. 90, л. 116; 104, т. 307, л. 156].

О подлинных причинах отказа принять кокандского посла указ умалчивает. По некоторым данным можно предположить, что тон послания, доставленного Абдукаримом, пришелся не по вкусу цинским царедворцам. Не случайно письмо Абдукарима яркендский воинский начальник Юй Жуи потом передал новому кокандскому послу, а тот переслал его в Коканд [110, т. 93, л. 46].

Дальнейшие события, в изложении Юй Жуи, происходили следующим образом. Посол не внял указу и не уехал обратно. Находясь в мусульманской части Яркенда, Абдукарим предавался распутству и бесчинствам. Юй Жуи попытался увещать его через хакима. Но посол внушениям не внял. Собрав андижанцев, он отправился в «ханьчэн», китайский город,

для встречи с Юй Жуем. Тот его должным образом принял и объявил императорский указ. Но посол настаивал на своем. Тогда Юй Жуи приказал хакиму выпроводить его. Посол воспротивился и со своими людьми убил 13 цинских солдат и офицеров. За это сам Абдукарим и 25 андижанцев поплатились жизнью [110, т. 90, л. 116; 104, т. 307, л. 166].

Конечно, нет оснований принимать на веру версию Юй Жуи относительно обстоятельств гибели кокандского посла. Цинский сатрап старался представить дело в наиболее выгодном для себя свете. В самих кокандских источниках, уже введенных в научный оборот, не сообщается никаких деталей относительно убийства посланца кокандского двора. Лишь сообщается, что его зарезали [71, с. 190].

Словом, остается непреложным фактом, что цинские власти Кашгарии расправились с послом Кокандского ханства.

Это происшествие всерьез встревожило Пекин. Первым делом там решили привлечь к ответственности Юй Жуи и его преемника за то, что они не смогли предотвратить инцидента. Местным властям было предписано успокоить проживавших в Кашгарии андижанцев, «чтобы умиротворить пограничную окраину» [110, т. 90, л. 116]. Опасаясь, что кокандский правитель вознамерится отомстить за гибель своего посла, император приказал тайно принять меры предосторожности [110, т. 90, л. 126].

Наконец, богдыхан нашел, что в доложенном Юй Жуем много сомнительного. Поэтому его начальника — синьцзянского наместника Чжалафэньгя — обязали послать чиновника для выяснений обстоятельств гибели посла [110, т. 90, л. 18а].

Яркендское начальство по собственной инициативе попыталось объясниться с кокандским двором. К нему с письмом послали хакима [110, т. 90, л. 26а].

Тем временем в Пекин шли тревожные вести: Коканд якобы двинул 5 тыс. воинов под началом Валихана и Тохта-Мачжоу [110, т. 90, л. 26а; 104, т. 310, л. 4а], чтобы занять Музартский перевал, связывающий Джунгарию и Восточный Туркестан, и тем самым перерезать дорогу, по которой проходят цинские войска. Правда, при дворе осторожно подошли к этому сообщению. «Еще неизвестно, ложь это или правда, что Коканд взялся за оружие», — говорилось в указе [110, т. 90, л. 26а]. Тем не менее Пекин решил сделать все, чтобы избежать столкновения с Кокандом и предотвратить выступления коренного населения Кашгарии. Для этого надлежало предпринять следующее. С одной стороны, изыскать способ объявить кокандскому «варвару», чтобы он сам осознал происходящее и не доводил дело до столкновения. С другой — скрытно принять меры предосторожности, успокоить мусульманское население с той целью, чтобы оно не оказало

поддержки противнику изнутри. «Безусловно надеемся, — говорилось в указе от 2 апреля 1860 г., — уничтожить опасность в зародыше, чтобы обеспечить мир в пограничной окраине и предотвратить военное столкновение» [110, т. 90, л. 26a].

К вооруженному конфликту в Синьцзяне оказались неподготовленными. Если разом двинуть все гарнизоны кашгарских городов, признавалось в указе от 2 апреля 1860 г., то провианта неоткуда выделить [104, т. 310 л. 56]. Не хватало и денег для выплаты жалования солдатам. Синьцзянский наместник Чжалафэнтай срочно просил субсидии. Учитывая складывавшуюся ситуацию, богдыхан распорядился, из каких угодно сумм срочно отправить Чжалафэнтаю несколько тысяч лян серебра [104, т. 310, л. 56].

В свою очередь и Коканд не отвергал переговоры. После получения письма от яркендского правителя Юй Жуя кокандские власти предварительно направили в Кашгар Айджимбабу и Куцзы-бека.

Приезд в Кашгар Айджимбабы с письмом минбаши (Куцзы-бек задержался) не успокоил цинские власти. Минбаши писал, что хану неизвестны обстоятельства гибели его посла [104, т. 313, л. 266]. Иными словами, кокандский правитель, не довольствуясь объяснениями синьцзянских властей, добивался разъяснений от самого императора. Убийство посла минбаши квалифицировал как «чрезвычайное происшествие». Он не слышал, чтобы такое случалось с древнейших времен до настоящего времени [104, т. 313, л. 276].

В Пекине считали, что с приездом Айджимбабы и Куцзы-бека вероятность нападения Коканда не отпала. За то говорили тон письма минбаши и молчание самого кокандского хана [104, т. 313, л. 28a]. Отправка этого посольства всего-навсего уловка кокандского двора, рассчитывающего обманом привлечь на свою сторону «невежественных» мусульман Кашгарии, убедив их в несправедности властей, и таким путем ослабить нашу оборону, говорилось в указе от 10 мая 1860 г. После этого кокандцы предпримут вторжение, и с ними заодно выступит местное население [104, т. 313, л. 266]. В случае войны командование войсками возлагалось на помощника синьцзянского наместника Фа Фули [104, т. 313, л. 27a].

За рассуждениями богдыхана о попытках кокандского двора путем уловок подбить жителей Кашгарии на выступления против цинских властей скрывалось признание того факта, что коренное население Восточного Туркестана не смирилось с цинским господством. И дело, конечно, заключалось не в приписываемом кашгарским мусульманам «невежестве», что служит еще одним наглядным примером национального высокомерия, присущего правящей элите императорского Китая. Социальный и на-

циональный гнет цинского военно-бюрократического аппарата в Восточном Туркестане перманентно составлял источник внутривластной напряженности в крае. Коренное население Кашгарии неизменно испытывало ненависть к господству цинских завоевателей и без каких-либо «подстрекательств» извне.

Чтобы яснее представить степень вероятности вооруженного конфликта с Кокандом, цинский двор предписал синьцзянским властям сообщить во всех деталях обстоятельства гибели посла. С другой стороны, Пекин стремился не допустить совместных действий кокандцев и их единоплеменников в Кашгарии. Поэтому надлежало со всем рвением вносить успокоение в умы мусульманского населения Восточного Туркестана, «никоим образом не позволяя, чтобы упомянутые [кокандские] варвары подстрекали его» [104, т. 313, л. 28a].

Неизвестно, возымели ли действие на кокандский двор дополнительные разъяснения цинских властей. Однако вскоре Юй Жуи доложил о прибытии в Кашгар очередного кокандского представителя. Он доставил какому-то письму и заверил его в дружеском отношении кокандского двора [104, т. 314, л. 96].

Известие о контактах кокандского представителя с кашгарским хакимом Пекин воспринял очень настороженно. «Хотя [варвары] спокойны, [однако] трудно гарантировать, что втайне не входят в сговор, чтобы внезапно начать войну», — говорилось в указе от 10 мая 1860 г. [110, т. 91, л. 136].

Почти одновременно с Юй Жуем чиновник Гу Цин сообщил в столицу о предстоящем приезде в Яркенд кокандского посла Низамуддина.

Возможность совместного выступления Коканда и мусульманского населения Кашгарии постоянно мерещилась цинскому двору. В факте прибытия кокандского посла он усматривал угрозу антицинских выступлений.

В связи с предстоящим приездом посла Низамуддина кашгарские власти получили из Пекина следующие инструкции. Обращаться с ним соответственно его словам и поведению. Если будет держаться почтительно, то обласкать. Если станет лукавить — выбранить. Своевременно успокоить местных мусульман, чтобы воспрепятствовать им вступить в сговор с внешним врагом. Во всех караулах принять меры предосторожности, чтобы пресечь стремления «варваров» выведывать обстановку. Наконец, послать надежного мусульманина на разведку в Коканд. О предпринимаемых им действиях срочно докладывать [110, т. 91, л. 14a; 104, т. 314, л. 96 — 10a].

Посол Низамуддин доставил послание кокандского двора, в котором тот изъявлял желание быть в мире с империей Цин. В подтверждение этого кокандцы арестовали главу анджанской общины Шукура, личность нежелательную для цинских властей, и поставили на

место его нового старшину. Низамуддин отправил своему правителю письмо, где излагались обстоятельства гибели Абдукерима. Низамуддин принял версию цинских властей. Как он уведомил Юй Жуя, андижанская община представила бумагу с перечислением проступков погибшего посла [110, т. 93, л. 136; 104, т. 320, л. 12а]. Эту докладную Низамуддин тоже переслал в Коканд.

Приезд Низамуддина в Пекин и заверения его в дружественных чувствах кокандского двора, замена торгового старшины не устранили окончательно сомнений у цинского правительства. Прежде всего, его настораживало содержание ранее полученного письма кокандского минбаши, сомневавшегося в совершении Абдукеримом поступков, которые ему инкриминировали цинские власти. Больше того, минбаши объявлял убийство посла злодейством [104, т. 320, л. 12а]. Поэтому двор считал нужным тщательно изучить письмо, присланное из Коканда в этот раз на предмет уяснения, насколько же оно искренне [104, т. 320, л. 12а]. Пекин опасался подвоха со стороны кокандских правителей. Они, говорилось в указе от 11 июля 1860 г., для виду выражают «почтительность и послушание», чтобы притупить нашу бдительность. На деле же, пользуясь нашей неподготовленностью, тайно вынашивают планы мести. «Настроения варваров невозможно угадать, поэтому нельзя не принять меры по обороне», — резюмировал вышецитированный указ [110, т. 93, л. 46; 104, т. 320, л. 12б].

Юй Жую вновь предписывалось скрыто принять меры предосторожности, проводить глубокую разведку, чтобы свести на нет происки Коканда. Однако никаких наступательных действий против него цинские правители предпринимать не решались. Их устраивало мирное урегулирование конфликта. Если, говорилось в цитированном указе, в ответном послании кокандский двор снова станет предлагать мир и дружбу, то этой инициативе следует пойти навстречу. Больше того, Пекин готов был удовлетворить вероятное ходатайство, относительно торгового старшины Патара. Он был соучастником Абдукерима и сидел под стражей. На случай же продвижения кокандских войск синьцзянским властям надлежало принять лишь оборонительные меры [110, т. 93, л. 46].

Известие о том, что кокандское войско, занявшее Музартский перевал, не предпринимает враждебных действий, несколько уменьшило опасения Пекина.

В ответном послании кокандский двор вновь заверял цинские власти в дружественных намерениях. Поведение Абдукерима признавалось ошибочным. Богдыхану кокандский правитель прислал подарки. Их цинский император распорядился вернуть ему, т. е. принимать кокандских послов он отказался. Подарки, правда, кокандский двор сделал небескорыстно. Посла-

нец Коканда прямо заявил, что ожидает ответных даров [104, т. 325, л. 236].

Не располагая в данном случае, как и в других подобных, оригиналом послания кокандского двора, нельзя утверждать, что содержание последнего адекватно китайскому ответу. Вполне вероятно, что некоторые выражения, претившие самолюбию богдыхана или задевавшие престиж империи Цин, были сняты или смягчены. Однако нет оснований сомневаться в том, что кокандский двор заявлял о намерении не усугублять конфронтацию с Пекином, что и предопределило позицию последнего.

Цинский двор был рад, что Коканд стремится к миру, и постарался угодить ему. Богдыхан распорядился дать ответные подарки кокандскому правителю. Самое же главное, Коканду разрешалось впредь торговать, как и прежде (указ от 2 сентября 1860 г.). Этим же указом предписывалось освободить старшину Патара и других 15 андижанцев, чтобы наказал их сам кокандский правитель [110, т. 94, л. 10б; 104, т. 325, л. 236].

Все эти действия богдыхан объяснял «крайним стремлением привлечь на свою сторону дальних людей добрым отношением» [104, т. 325, л. 24а]. Этими лицемерными заявлениями цинский двор пытался прикрыть свое бессилие диктовать Коканду.

Курс на умиротворение Коканда, занятый цинским двором, сказался и на участии андижанцев, причастных к антиправительственным выступлениям в Кашгарии. Так, в феврале — марте 1860 г. произошли волнения в Янги-Гиссаре и Кашгаре. Власти бросили на подавление местные полицейские формирования. Но им преградили дорогу и дали отпор андижанцы во главе с торговым старшиной Эпаром. В конечном счете власти подавили волнения. Эпар был схвачен.

Судьбу его определило только что состоявшееся примирение с Кокандом. По закону, говорилось в указе от 2 сентября 1860 г., Эпар заслуживает самого сурового наказания, но, учитывая недавний приезд кокандского посла и заверения кокандского правителя в дружбе, упомянутого «худаиду» можно и пощадить [104, т. 325, л. 25а]. Эпар и его близкий сподвижник Юсуф были приговорены к пожизненному заточению в Яркенде, 5 андижанцев, активных участников выступления — к пожизненному заключению в Янги-Гиссаре [110, т. 94, л. 11а; 104, т. 325, л. 25а]. Остальных (21 чел.) предписывалось наказать соответственно тяжести вины [104, т. 325, л. 25а].

К 1864 г., когда в Кашгарии произошло массовое антицинское восстание, отношения империи Цин и Кокандского ханства находятся в состоянии внешнего, неустойчивого примирения.

* * *

Западные рубежи империи Цин, проложенные ею в результате завоевательных войн, не были и не стали рубежами мира. Западные соседи Китая оправившись от первоначального страха, который он им внушил разгромом Джунгарского ханства и теократического государства Восточного Туркестана. И когда в первой половине XIX в. Поднебесная наглядно продемонстрировала непрочность своего господства в Кашгарии, ее соседи не упускали случая воспользоваться новой ситуацией. Киргизы мстили за бесчинства цинских властей, за грабительские наезды цинских отрядов. Кокандские правители настойчиво добивались усиления своих позиций в Кашгарии.

Цинская же империя, напротив, держится политики пассивного нейтралитета в отношении среднеазиатских дел. Причины тому — общий упадок маньчжурской монархии, хроническая неустойчивость обстановки в Кашгарии. События по внешнюю сторону цинских пикетов занимая Пекин лишь постольку, поскольку они затрагивают непосредственно Синьцзян. Он воздерживается от вмешательства в межгосударственные конфликты, происходящие вблизи рубежей империи, и не пытается извлечь для себя какие-либо выгоды. Мусульманский мир сам по себе внушает страх правителям Китая: мусульмане за границей и в пределах империи единодушны в своей вражде к Китайской империи. Действенно не вмешиваться в дела иноземных мусульман и держать в узде своих, не допускать между ними совместных действий — таковы исходные моменты политики цинского двора в отношении Средней Азии в первой половине XIX в.

Цинский двор оставался сторонним наблюдателем активности кокандцев в отношении казахов и киргизов. В 1830 г. кокандские власти, как стало известно в Пекине, требовали у казахов платить подать скотом и лошадьми. В том же году кокандский отряд в отместку за прошлогодний налет напал на айлы киргизов-солту [108, т. 171, л. 7а — 7б]. В Пекине все это лишь приняли к сведению.

Сохранение статус-кво в сопредельных с Кашгарией районах составляло предмет особых забот цинской администрации. Объяснялось это не ее особым миролюбием, а боязнью, что усиление того или иного государства представляет собой потенциальную угрозу цинскому господству в Синьцзяне. Упадок империи заставляли ее правителей воздерживаться от активного вмешательства в среднеазиатские дела. Он даже не рискует воспользоваться войной Коканда с Бухарой, чтобы заставить среднеазиатских владетелей больше считаться с ними.

В 1842 г. бухарский эмир завладел Кокандом, о чем и уведомил кашгарские власти. Те приняли к сведению это сообщение и отправили посланцев Бухары обратно. Пекин одоб-

рил действия кашгарского заместника Туминэ. «Бухара — дальний варварский удел, расположенный за пределами [наших] караулов, с Кокандом соперничает, — говорилось в императорском указе. — Естественно нам следует не вмешиваться» [109, т. 46, л. 3а]. Однако, как подчеркивалось в указе, с захватом Коканда мощь Бухары возросла. Это обстоятельство тревожило цинский двор, в связи с чем он и предписал кашгарским властям, чтобы они манифестом утихомирили Бухару и тайно усилили меры предосторожности. Одновременно Пекин приказал отправить лазутчиков выяснить, из-за чего воюют Бухара с Кокандом. Последнее обстоятельство — наглядное свидетельство того, что цинская администрация не имела постоянной информации о событиях, происходивших за пределами западных границ империи.

Как потом сообщал Туминэ в столицу, бухарцы сначала завладели кокандской территорией, но потом Шир-Али, племянник Алим-хана, вернул утраченное [109, т. 47, л. 2а]. В ответ на это Пекин вновь приказал кашгарским властям не вмешиваться, но быть на чеку [109, т. 41, л. 2а].

Цинские власти воздерживаются и от репрессалий в отношении нарушителей синьцзянских границ.

В 1852 г., к примеру, нападению подвергся караул в Уч-Турфане. Синьцзянский наместник Бу Яньтай как о достижении докладывал в Пекин, что налетчиков удалось изгнать за кордон и что «не произошло выступлений» в уйгурских кишлаках [104, т. 80, л. 16]. О преследовании нарушителей для упреждения подобных инцидентов впредь и речи не шло. Момент весьма показательный!

Безопасность границ и удержание в повиновении местного населения для цинской администрации были двумя сторонами одной проблемы.

Причастность внешних сил к антицинским выступлениям в Кашгарии побуждала Пекин не ослаблять внимания к укреплению безопасности рубежей Южного Синьцзяна. После каждого очередного выступления ходжей из столицы империи синьцзянским властям шли предписания сделать край неприступным для происков извне. Но содержание усиленных гарнизонов, опоры цинского режима, требовало денег, что было довольно накладно для оскудевшей казны.

Увеличить общую численность воинских контингентов в Синьцзяне цинское правительство не могло. Не позволяли финансовые возможности и критическая обстановка в собственно Китае, где с начала 50-х годов XIX в. полыхало пламя восстания тайпинов.

Синьцзянские правители И Шань и Бу Яньтай, чтобы военное присутствие в Кашгарии

было более ощутимым, предложили изменить порядок смены гарнизонов. Прежде, из-за летнего половодья солдаты из Илийского края отправлялись нести гарнизонную службу в Кашгару лишь осенью [104, т. 83, л. 276—28а], когда персонал старого гарнизона уже покинул свои квартиры. По замыслу И Шаня и Бу Яньтая, из Или солдат следовало посылать весной, а контингент старой смены отводить обратно уже летом. Трон одобрил это предложение (указ от 6 марта 1853 г.), «чтобы усилить охрану границ» [104, т. 83, л. 28а]. Однако вопрос об изыскании средств для содержания воинских сил в крае не сошел с повестки дня. Между финансовыми возможностями местного казначейства и потребностями усиления обороноспособности цинских гарнизонов возникло явное несоответствие. Показательна в данном отношении судьба рекомендаций кашгарского наместника Чан Цина. Поскольку средств для содержания гарнизонов не хватало, Чан Цин предложил сократить контингент солдат, брать

подать с населения в пересчете на деньги и увеличить выпуск монеты на месте [104, т. 138, л. 156].

Император распорядился изучить эти рекомендации сановникам Военного совета и Палаты финансов. Их совместное постановление (23 марта 1855 г.) гласило: сокращать численность войск не нужно, «чтобы усилить оборону пограничной окраины» [104, т. 158, л. 156]. Остальные предложения Чан Цина не встретили возражения. Начиная с 1855 г. крестьянам надлежало уплачивать налог не зерном, а деньгами по установленным властями расценкам [104, т. 158, л. 156]. Разработка медных месторождений для увеличения выпуска монеты тоже возлагалась на уйгурского труженика. Таким образом, на коренное население Восточного Туркестана ложились новые тяготы по удержанию края в составе империи Цин. Но это только делало цинский режим в Кашгарии более уязвимым перед внешними силами, что и показало последовавшее в 1864 г. мощное восстание, охватившее весь Синьцзян.

КИТАЙСКО-КАЗАХСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ЦИНСКИХ ВЛАСТЕЙ С КАЗАХСКИМИ ВЛАДЕТЕЛЯМИ

В начале XIX в. Цинская империя поддерживает весьма ограниченные в сравнении с концом XVIII в. контакты с казахами. Пекинский двор уже в 60-х годах XVIII в. стремился регулировать проезд казахских посольств. В начале XIX в. эта ограничительная тенденция прослеживается еще более отчетливо. Показателен в данном отношении случай с несостоявшимся посольством Данияла, младшего брата султана Ханхожи.

Среди причин, почему цинский двор отказался принять его, в указе от 3 октября 1803 г. называлась основная такая: не было подобного прецедента, чтобы одного-двух казахских послов принимали при дворе богдыхана [106, т. 119, л. 6а]. Поэтому Даниялу рекомендовалось приехать через 3—4 года с группой ему подобных. Цинский двор совершенно недвусмысленно дал понять, что не намерен принимать по отдельности каждого из многочисленных представителей казахской знати, за которыми в условиях отсутствия у казахов единой государственности стояла лишь отдельная родо-племенная община. Иными словами, Пекин не усматривал уже практической надобности тратиться

на всех казахских старшин, для которых поездка ко двору была лишь выгодным предприятием.

Второстепенное значение, которое пекинский двор придавал наездам казахских султанов, прослеживается и в процедуре их приема. Они пользовались меньшим вниманием, нежели представители других государств и подвластная Цинам монгольская и уйгурская знать. Это особенно проявляется в середине 20-х годов, когда суверенной власти казахской аристократии приходит конец. К примеру, 22 января 1824 г. вместе с монгольскими князьями, уйгурскими беками, послами Бирмы казахский султан Есим и сопровождавшие его 39 чел. за пределами ворот Шэньюмынь лицезрели богдыхана [108, т. 63, л. 136—14а]. Но показательно, что на устроенном потом приеме для упомянутой монгольской и уйгурской знати и иностранных послов, ни Есим, ни его люди не присутствовали [108, т. 63, л. 236—28а].

Придерживаясь ограничительной установки в отношении допуска казахских посольств, Пекин, с другой стороны, из-за престижных соображений все же был вынужден порою делать так, чтобы у тех послов, которые следовали в столицу, было меньше причин для недовольства. Так, указом от 9 ноября 1802 г. санкционировалось предложение разместить в Тарбугатае дополнительный персонал для эскортиро-

вания направляющихся в столицу казахских послов, учредить специальное подворье, сменить лошадей и давать провиант [107, т. 104, л. 10а].

Тем не менее китайскому правительству приходилось констатировать, что некоторые казахские старшины вообще отказываются приезжать ко двору, когда их там ждут. В 1808 г. казахские правители Ибак-Камбар и другие сообщили, что не приедут на торжества по случаю 50-летия богдыхана, которые должны были состояться в 1809 г., по той причине, что заняты личными делами [107, т. 197, л. 14а]. Ибак-Камбар откровенно показал свое неуважение цинскому двору. Синьцзянский же наместник Сун Юнь не только проглотил пилюлю, но и пытался сделать вид, что в сущности ничего не произошло. Он даже предлагал пожаловать почетные знаки Ибак-Камбару и его старшинам, за что получил выговор из Пекина. Как говорилось в указе от 31 июля 1808 г., предложение Сун Юня не только не позволит оказывать влияние на «сопредельных казахов», но и породит у них «безрассудные помыслы» [106, т. 197, л. 15а].

Знаки чиновного достоинства, которыми цинский двор награждал приезжавших казахских старшин, ценности в Казахстане особой не имели. Веса обладателю таковых в глазах соплеменников они не очень прибавляли. Поэтому некоторые попросту избавлялись от цинских регалий, не доезжая до родных кочевий [85, с. 254].

Сам по себе цинский двор не отказывался от супрематистских претензий в отношении казахских правителей. В 1800 г., например, император пожаловал сыну Аблая хану Вали титул «гун» и заявил о согласии считать его наследником Аббас-султана, сына Вали [107, т. 68]. Продолжая практику пожалования званий и признания в качестве правителя, цинский двор не столько руководствовался престижными, сколько политическими соображениями. Это было одним из средств, не дававшим, правда, результатов, противодействовать закреплению России в казахской степи и установлению там российской гражданственности.

Однако не приходится говорить о том, что цинский двор последовательно и настойчиво пытался реализовать свои супрематистские устремления. Действия его по большей части носили пассивный, отражающий, нежели упреждающий характер.

Синьцзянская администрация, не говоря уже о сановниках двора, была очень слабо осведомлена о событиях, происходивших в казахской степи. Так, к примеру, синьцзянский наместник Цин Сян в 1822 г. случайно узнал, что хан Среднего жуза Вали скончался прошлой зимой [108, т. 34, л. 226]. В действительности же Вали умер не в 1821 г., а в 1820 г.

В Пекине после информации Цин Сяна об-

ратили внимание на то, что преемник Вали ничего не сообщает. При дворе вспомнили также (указ от 15 июня 1822 г.), что Вали давали грамоту о признании его в ханском достоинстве. Цин Сяну было предписано выяснить, как это все происходило, как поступили после смерти Аблая, отца Вали [108, т. 34, л. 23а — 23б].

С кончиной хана Вали по сути дела можно говорить о прекращении официальных политических контактов цинских властей с суверенными казахскими правителями Среднего жуза. Указом российского правительства от 22 июля 1822 г. на территории Среднего жуза открывались 2 внешних округа: Каркаралинский и Кокчетавский. Казахские волости, подвластные султану Габайдулле, вошли в состав Кокчетавского округа, в котором сам он был избран старшим султаном Окружного приказа и присягнул со своими людьми на подданство России [63, с. 452]. Территория казахского Среднего жуза в административном отношении стала уже неотъемлемой частью Российской империи.

Курьезом завершилась попытка цинских властей вручить грамоту на ханское достоинство казахскому султану Алтан-Сара Тогумову. Как выяснил тарбагатайский воинский начальник Мин Сюй (указ от 8 июня 1861 г.), не удалось найти упомянутого султана с сыном. Из расспросов явствовало, что они оба ушли в Россию [104, т. 351, л. 3а].

КИТАЙСКО-КАЗАХСКАЯ ТОРГОВЛЯ

В начале XIX в. казахи по-прежнему официально считались внешнеторговым партнером властей Джунгарии. Торговлю с ними казна, как и прежде, пыталась держать в своих руках. Торговый обмен производился в установленный срок и согласно заведенному властями порядку. На определенном для торговли месте специально посланные чиновники оценивали скот и обменивали его на казенные атласы, шелка, полотна.

Торговать казахам в Кашгарии, а равно и продавать им изделия из металла, воспрещалось.

В 20-х годах XIX в. цинский двор получил новые доказательства, что все прежние его запреты торговать с казахами в частном порядке оказались неэффективными. С ведома местного начальства китайские купцы в Тарбагатайском и Улясутайском округах выменивали у казахов баранов. Известие об этом побудило предпринять суровые меры для пресечения подобной практики. Согласно указу от 3 августа 1822 г., у группы старших офицеров, по чьей халатности имели место сделки между казахами и купцами, надлежало два года высчитывать из жалованья, торговцев и персонал караулов — наказать [108, т. 37, л. 276].

Власти по-прежнему были заинтересованы в сохранении предпочтительного права на торговлю с казахами. Через обмен с ними шло снабжение войск провиантом, комплектование и ремонт конского поголовья в армии. В частности, в 20-х годах в связи с кампанией против повстанцев в Кашгарии армии требовалось много лошадей. Указ от 5 декабря 1826 г. обязывал синьцзянские власти специально готовить для армии приобретенных у казахов коней [108, т. 109, л. 20а].

Для администрации Синьцзяна в торговле с казахами узким местом являлось то обстоятельство, что потребные на промен хлопчатобумажные ткани в значительном количестве поступали из Восточного Туркестана. Однако из-за хронически неустойчивой обстановки там (антицинские выступления некитайского населения) ткани оттуда поступали нерегулярно и в меньшем, чем было потребно, количестве. Вот почему, например, с восстанием Джахангира синьцзянские власти поднимали вопрос о поставках тканей из Ганьсу [108, т. 109, л. 146].

Экономические санкции против Коканда, когда было запрещено вывозить из Синьцзяна определенные сорта чая и ревень, отрицательно повлияли на торговлю с казахами. Так, например, люди казахского султана Жанхожи купили для него чай в Или. Однако чай этот у них конфисковали на основании запрета о вывозе. Тогда султан специально прислал своего сына Багыра с просьбой отдать купленное. Синьцзянский наместник Юй Липь не решился нарушить постановление и запросил Пекин. Двор распорядился вернуть чай и выпроводить Багыра (указ от 9 октября 1830 г.). Решение отдать чай мотивировалось тем, что его купили до того, как был обнародован указ о запрете. При этом Жанхожа не совершал враждебных действий против империи [108, т. 172, л. 19а — 19б].

Случаем с Жанхожой Пекин рекомендовал синьцзянским властям руководствоваться как прецедентом. В указе признавалось, что ни у одного Жанхожи отнимали чай и последнего скопилось много [108, т. 172, л. 19б]. Его следует возвращать тем казахам, которые дадут заверения в своей лояльности [108, т. 172, л. 19б]. Торговлю цинские сановники мыслили использовать как средство воздействия на казахских правителей. Заподозренные в недружелюбных настроениях лишались возможности вести торговый обмен.

ПОГРАНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ИМПЕРИИ ЦИН С КАЗАХАМИ

Соседство казахов оставалось сложной проблемой для правителей империи Цин. Обоюдоприемлемого решения территориального вопроса не было найдено. Негативное отношение

к перекочевкам казахов на свободные земли создавало постоянный и основной источник напряженности в отношениях с ними Поднебесной. Стремление не допустить занятия казахами кочевий на землях, которые цинские власти объявили «своими», с одной стороны, и расчеты не осложнять отношений с ними, с другой — крайне осложняли проблему в целом. Пекин надеялся как-то примирить два взаимоисключающих начала. Нужно было изгонять казахов, «нарушителей границы», но при этом следовало избегать крайностей. «Закордонные казахи», говорилось в императорском указе (26 февраля 1805 г.), проникая в пределы наших владений, кочуют там. «Если их изгоняют, а они не уходят, то соответствующему офицеру и солдатам тут же надлежит ясно заявить им, произвести расследование и наказать нарушителей. Они все, безусловно, узнают чувства страха и покорности, и только тогда будет надлежащее положение вещей» [107, т. 139, л. 20а — 20б].

На деле цинские военнотружущие особенно не церемонились с казахами, «нарушителями рубежей». В этом же указе как раз и шла речь об одном характерном случае. Гур-цзолин Хазыкбай как только увидел казахов, оказавшихся в синьцзянских пределах, тотчас сжег их юрты, а сопровождавшие Хазыкбая солдаты отняли у казахов имущество.

Сам по себе этот факт богдыхан вряд ли удостоил бы своим вниманием, но теперь в результате действий, подобных поступку Хазыкбая, «казахи питают непокорные чувства» [107, т. 139, л. 20б]. С падением престижа Поднебесной в глазах казахов ее правитель не мог не считаться. Вот почему Хазыкбая он приказал разжаловать и держать 3 месяца в колодах.

Для того чтобы воспрепятствовать перекочевкам казахов, местные власти на западных границах империи Цин в начальные годы XIX в. доказывали целесообразность усиления караульной службы. В частности, синьцзянский наместник Сун Юнь считал необходимым каждую зиму дополнительно отряжать 440 нестроевых элютов для несения дозорной службы в Тарбагатае. Кроме того, он высказался за создание новых 4 караулов [107, т. 104, л. 9б]. В конце 1802 г. министры Военного совета постановили принять предложения Сун Юня к исполнению [107, т. 104, л. 10а].

Однако эти меры не дали желаемого результата. В 20-х годах XIX в. вопрос о перекочевках казахов вновь является предметом специального разбирательства в официальных инстанциях: синьцзянский наместник Тэйшуньбао запрашивает у Пекина санкции на осуществление месячной кампании по изгнанию казахов и, кроме того, разрешения на расстановку караулов на тех участках, где их раньше не было. Последнее обстоятельство весьма примечательно. По существу речь шла о захвате Цин-

ской империей районов, уже занятых казахами. Министры Палаты внешних сношений (Лифань-юань) положительно оценили предложения Тэйшуньбао. Указом от 3 августа 1822 г. предписывалось их осуществить [108, т. 37, л. 27а].

Однако закрепить за собой свободные земли, на которые перекочевывали казахи, цинские власти порой оказывались бессильны. Красноречивое признание на сей счет сделал в начале 30-х годов уже упоминавшийся Тэйшуньбао. Он докладывал, что «предвидеть поведение казахов» невозможно, и поэтому высказался за дальнейшее усиление мер предосторожности [103, с. 418]. В частности, следовало установить в Илийском крае 70 с лишним караулов, наладить ежемесячное патрулирование [103, с. 418]. Указ от 13 августа 1834 г. одобрил наметки Тэйшуньбао [103, с. 419].

Если в самом начале XIX в. Пекин декларировал необходимость проявлять некоторую «снисходительность» к казахам, переходившим рубежи Синьцзяна, то в 30-е годы он провозглашает более жесткий курс. Цинский двор считал, что мягкостью не удержать казахов от самовольных перекочевков. Этот переход к более жесткому курсу наглядно проявляется при следующем сопоставлении. В 1808 г. произошел казус с тарбагатайским воинским начальником Айсина. Он распорядился арестовать казаха Джурабая, который по ошибке оказался в китайских пределах. Когда родоначальник Джурабая прислал людей с извинениями и просил отпустить его, Айсина даже не пожелал встретиться с посланцами старшины. «Разве можно таким путем покорить сердца иноземных варваров? — реагировал на поступок Айсина двор (указ от 25 августа 1808 г.). — Притом опасаясь, что постепенно возникнут пограничные раздоры» [107, т. 198, л. 5а]. Для назидания на будущее другим Айсина был снят с должности. Однако в указе от 13 августа 1834 г. виден уже иной, более непримиримый подход: в случае проникновения казахов в пределы китайских владений нарушителей следовало «решительно уничтожать и хватать, чтобы предостеречь непослушных варваров» [103, с. 419].

Вместе с тем для политики цинского двора характерно стремление локализовывать пограничные конфликты, не переносить столкновения за пределы своих владений. В этом мнения местных властей и министров в столице совпадали. Уже упоминавшийся Тэйшуньбао докладывал, что казахов, обнаруженных в пределах империи, следовало изгонять, но самим за них не выходить [103, с. 418]. В ответном указе подчеркивалось, что при патрулировании цинским солдатам надлежало воздерживаться от переходов за пределы владений империи и не затевать свар, ибо такие действия отнюдь «не являются средством успокоить пограничных варваров» [103, с. 418].

Правители империи Цин признавали бесперспективность вторжений в освоенные казахами районы, лежащие вне рубежей Синьцзяна. Умеренность и сдержанность представляются наиболее надежными средствами обеспечить мир на границе с казахами. Больше того, в Пекине не отказывались от мысли видеть в кочевьях казахских жузов своеобразный буфер, сделать из них надежную «ограду» рубежей империи от поползновений могущественных внешних сил [103, с. 418].

Примером того могут служить попытки цинских властей повлиять на одного из старшин Старшего жуза Абулу. В 1827 г. тот сообщил прибывшему к нему от синьцзянского наместника Дэина офицеру, что кокандцы строят крепость в Писыгэке (Пишпек?) и потребовали от казахов покинуть кочевья.

Цинский двор распорядился переслать Абуле подарки и специальное послание. Казахскому правителю сказать, что, поскольку Абула не поддавался нажиму кокандцев, богдыхан весьма удовлетворен и потому посылает подарки. Хотя кокандцы строят крепость на киргизской земле, однако упомянутая местность не очень далеко от Или и Кашгара. Поэтому нужно тайно разведывать [108, т. 131, л. 17а].

Одновременно цинский двор стремился не допустить совместных действий казахов и кокандцев. Чиновники кокандского хана лукавы, внушалось в послании Абуле, станут снова совращать тебя. Тебе нужно держаться стойко и не оказываться одураченным. В противном случае, грозил богдыхан, придется расплачиваться [108, т. 131, л. 18а].

Сделать некоторых казахских владетелей, кочевавших поблизости от кокандских пределов, своего рода защитниками рубежей империи Цин оказалось на поверку делом весьма проблематичным. Желания такового казахские старшины не выражали. Равным образом не проявляли они собственной инициативы и в содействии поимке противников цинского режима. Так, с разгромом восстания Джахангира и бегством самого ходжи из Кашгара Пекин не исключал вероятности появления его у казахов. До цинского командования дошел слух о намерении Джахангира пробраться через киргизские и казахские кочевья в Бухару [108, т. 131, л. 17б]. Поскольку сами казахи об этом ничего не сообщали, двор предписал синьцзянскому наместнику Дэина (указ от 21 декабря 1827 г.) отправить офицера к казахскому старшине Абуле, чтобы убедить его содействовать в поимке Джахангира [108, т. 129, л. 15б]. За присылку Джахангира цинский правитель обещал Абуле награду и титул [108, т. 131, л. 18а—18в].

Из упомянутого указа явствует, что соседство казахов составляло предмет постоянного беспокойства для цинских властей. Наличие значительных воинских гарнизонов они в ко-

нечном счете рассматривали как наиболее действенное звено сдерживать казахов. Очень показательны в данном отношении события в период восстания Джахангира.

Казахи являлись фактором, который цинскому двору приходилось учитывать при форсировании кампании против ополчения Джахангира. Цинское правительство опасалось, что казахи, воспользовавшись ослаблением гарнизонов в Джунгарии, предпримут вылазки. Двор обязал местное начальство информировать о их настроениях [108, т. 108, л. 20а]. До получения исчерпывающей информации Пекин не счи-

тал возможным какое-либо ослабление гарнизонов в Джунгарии. Исполнявший обязанности синьцзянского наместника Дэина предложил было перебросить 2 тыс. отборных солдат из Джунгарии в Кашгарию. Это предложение двор не поддержал. В указе от 5 декабря 1826 г. указывалось на необходимость держать в Илийском крае большое войско, чтобы местные власти были в состоянии воспрепятствовать проникновению из казахских пределов вооруженных отрядов противников цинского режима [108, т. 109, л. 196 — 20а].

КИТАЙСКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

КУЛЬДЖИНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ И РУССКО-КИТАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ

В начале XIX в. цинский двор на западных рубежах своей империи держался изоляционистского курса в отношении России. В частности, пекинские власти по-прежнему противились развитию торговли России с Синьцзяном. В 1805 г. в Китай была послана миссия графа Ю. Головкина. В задачу ее, в частности, входило добиться открытия северо-западной границы Китая для нормального товарообмена. Посольство Головкина закончилось безрезультатно.

Официальный запрет, однако, не смог воспрепятствовать развитию русско-китайской торговли в Синьцзяне. Сама жизнь поставила первоочередным вопрос о ее легализации и договорном оформлении.

В конечном счете переговоры, начатые в 1851 г. в Или (Кульдже), закончились подписанием 25 июля того же года торгового соглашения. Этим трактатом определялся режим русско-китайской торговли в Или (Кульдже) и Тарбагатае (Чугучаке).

Суть Кульджинского договора сводилась к следующему: в Или и Тарбагатае учреждались российские консульства; разрешалась беспопынная меновая торговля; русским купцам отводились особые места для торговли и пастбы скота; цены на товары китайские и русские купцы устанавливали по взаимному соглашению, без вмешательства местных властей. Последнее обстоятельство имело особое важное значение для успешного развития русской торговли в Синьцзяне. Но китайская администрация оговорила за собой право обменивать на хлопчатобумажную ткань 20% приг-

нанных русскими баранов (за каждого барана — кусок ткани «даба» установленного размера). Кроме того, договор устанавливал, что проезд в Джунгарию разрешался лишь в определенный период: с 25 марта по 10 декабря. Вне установленных сроков въезд воспрещался. Во избежание каких-либо инцидентов, которых так опасался Пекин, русские караваны при прохождении по китайской территории должны были сопровождаться цинскими солдатами.

Все эти частные моменты отнюдь не меняли существа положения. Кульджинский договор положил начало регулярной и устойчивой торговле России и Китая на западной границе Цинской империи.

В 1853 г. синьцзянский наместник И Шань докладывал в Пекин, что русские торгуют в Джунгарии спокойно и все обстоит очень хорошо [104, т. 104, л. 48а]. Однако от предвзятости и претенциозности в отношении русских торговцев синьцзянский правитель не отрешился. В случае возникновения каких-либо нареканий со стороны русских купцов, таковые, по мнению И Шаня, надлежало отвергнуть, «чтобы они подчинялись законам Цинской империи» [104, т. 104, л. 48а].

И Шань не случайно, видимо, завел речь о возможных нареканиях со стороны русских торговцев. Они, очевидно, уже были, но не стали еще предметом разбирательства на межгосударственном уровне. Синьцзянский наместник намеревался загодя предопределить позицию пекинского двора.

Беспорядки действительно имели место. В указе от 2 октября 1855 г. говорилось, что, по сообщению тарбагатайского начальника Ин Сю, произошло столкновение между русскими купцами и китайцами-золотоискателями. Последние разграбили и сожгли русское подворье,

растащили товары [104, т. 174, л. 136]. Участники погрома, как докладывал Ин Сю, остались безнаказанными, поскольку это — «бродячий люд и обуздать его трудно» [104, т. 174, л. 14а].

За бездеятельность Ин Сю получил выговор. Если этих грабителей не наказать, то у России будут основания для неприязни, и в конечном счете возникнут «пограничные раздоры» [104, т. 174, л. 14а — 14б]. Пекин распорядился отправить к Ин Сю ответственного чиновника, чтобы они сообща изыскали способ изловить грабителей и уладить дело с русскими купцами.

После этого Ин Сю, как расценили в Пекине, бросился в другую крайность: «пришел в сильное смятение» из-за происшедшего инцидента. На сей раз это стоило Ин Сю поста. На его место был назначен Мин И, кулунский воинский начальник.

Инцидент с русской факторией продолжал, однако, сильно тревожить официальные круги Пекина. «Воспользуются ли русские этим происшествием, чтобы начать раздоры?» — строились догадки в указе от 12 октября 1855 г. [104, т. 175, л. 5б].

Русское правительство направило к синьцзянскому наместнику Чжалафэньтаю представителя для урегулирования конфликта. Русская сторона, в частности, настаивала на компенсации за погибшее имущество. Цинский двор инструктировал Чжалафэньтая не соглашаться на компенсацию [104, т. 211, л. 20а].

Переговоры, как докладывал наместник, зашли в тупик. Русский представитель отбыл, а вместо себя оставил чиновника ждать решения китайских властей [104, т. 211, л. 20а].

Складывающаяся обстановка в указе от 6 декабря 1856 г. оценивалась цинским двором следующим образом. Русские власти не удовлетворены тем, что не добились компенсации за имущество своих соотечественников-купцов. Однако в позиции России нет ничего вызывающего, а потому вряд ли она предпримет войну [104, т. 211, л. 20а].

Новые инструкции Чжалафэньтаю предписывали предостеречь русскую сторону относительно последствий, которые повлечет за собой занятая ею позиция, но сделать это деликатно, не доводя дело до разрыва отношений [104, т. 211, л. 20а]. Одновременно во всех пограничных с Россией караулах надлежало принять оборонительные меры.

Этим же указом министрам Лифаньюаня предписывалось поставить в известность Российский сенат о том, что де русский консул «неправильно информировал русские власти» о случившемся [104, т. 24, л. 20а].

В конце концов в Пекине пришли к мнению, что выплачивать компенсацию нужно. Синьцзянскому наместнику Чжалафэньтаю было приказано изучить финансовые возможности китайского купечества на тот случай, если се-

ребра в местном казначействе окажется недостаточно [104, т. 221, л. 17а — 17б].

Чжалафэньтай в ответ доносил, что у китайских купцов за пределами собственно Китая «дела в упадке». Единственный выход из положения — взимать чайный налог в Или, Тарбагатае, Аксу. За счет собранных таким образом средств компенсировать стоимость сгоревшего имущества русских торговцев. Соображения наместника цинский двор одобрил (указ от 3 апреля 1857 г.) и распорядился вычислить стоимость пропавшего имущества, в случае нехватки средств выплачивать серебро, полученное от взимания чайной пошлины [104, т. 221, л. 17б].

Для пекинского двора вопрос о компенсации был не только вопросом денег, но и престижа. Само выражение «выплачивать компенсацию» цинским царедворцам было не по нутру. Пекин согласился возместить ущерб, понесенный русскими купцами, но в такой формулировке: китайские торговцы «покрывают недостачу» у русских купцов. Поскольку нет названия — «компенсация», резюмировал вышеупомянутый указ, а стоимость товаров России известна, естественно, дело не дойдет до того, что возникнут непредвиденные обстоятельства. Правда, этот нарочитый оптимизм до конца не был выдержан. Условия компенсации могли оказаться неприемлемыми для другой стороны. «Если она станет выдвигать неприемлемые требования, — гласила инструкция из Пекина, — на уступки не идти». Может быть даже, говорилось в указе от 3 апреля 1857 г., запретить вывоз чая и ревения, чтобы Россия «узнала взаимосвязь между полезным и вредным» [104, т. 221, л. 18б].

Цинский двор санкционировал компенсацию (указ от 20 февраля 1860 г.) в размере 1431 ящика чая или в 120 тыс. цзинь в чистом весе [104, т. 306, л. 33б].

Заинтересованность синьцзянских властей, местных купцов в поддержании торговли с Россией побуждала цинский двор предпринимать определенные шаги для ее развития. Характерны в этом отношении следующие мероприятия.

В 1860 г. (указ от 8 сентября) русским купцам временно разрешили проход через караул Хоргос зимой и весной [104, т. 326, л. 18б]. В эти времена проезд в Джунгарию был затруднительным, а наиболее удобный путь проходил через названный караул.

В следующем году, «чтобы потрафить купцам» России, как говорилось в указе от 6 июня 1861 г., Пекин отказался от практики, оговоренной соглашением 1851 г., которым предусматривалось, что из 10 баранов, пригнанных русскими купцами, цинские власти берут 2, давая взамен по куску ткани. К 1861 г. сложилось такое положение: баранов у русских выменивалось немного, притом скот был мелкий и тощий, ткани же стоили сравнительно дорого. «Для Китая уже нет выгоды», — резюмировал

указ [104, т. 350, л. 96]. С другой стороны, как писал русский консул, его соотечественники-купцы жалуются, что они в убытке от торговли с китайскими властями [104, т. 350, л. 96]. В силу всего этого цинский двор распорядился прекратить закупку баранов у русских купцов.

В период, когда шли переговоры о размежевании между Российской империей и Западным Китаем, цинские власти пытались оказать на русскую сторону в сфере торговли. Илийский цзяньцзюнь запретил китайцам торговать с русской факторией, ссыльные китайцы грозились ограбить ее и перерезать находившихся в ней русских [6, с. 104]. Однако это не отразилось на ходе переговоров. «Означенные происшествия истолкованы были Пекинским правительством и С.-Петербургским кабинетом отдельными случаями, не нарушавшими вековой дружбы России с Китаем» [6, с. 104].

ПОГРАНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЙ ЦИН И РОССИЕЙ

Следом за официальным открытием русской торговли в Джунгарии происходит и территориальное разграничение на договорной основе между Российской империей и Китаем. Рассмотрение этой проблемы в деталях не входит в задачи настоящей работы. Остановимся лишь на том, как складывалась обстановка, предшествовавшая официальному разграничению между империей Цин и Россией в Центральной Азии, как вели себя цинские власти.

В начале XIX в. продолжается процесс присоединения Казахстана к России, начавшийся еще в XVIII в. Присутствие российской власти в подавляющей части казахских кочевий, сопредельных с цинскими пикетами, становится непреложным фактом. Об этом в Пекине, однако, узнают задним числом.

С начала XIX в. «казахский вопрос» для официальных кругов Пекина все больше утрачивает самостоятельное значение и становится одним из важных аспектов китайско-русских отношений.

1825 г. в правительственных сферах Цинской империи дискутировалось известие о взятии русскими подати с казахов в Каратале. Наместник Цин Сян считал необходимым, чтобы Лифаньюань выяснил у Российского сената, предприняты ли эти действия с санкции российского императора, а потом соответственно и поступать [108, т. 90, л. 11а].

Однако небезызвестный Сун Юнь и сановник То Цзинь, в свое время занимавшие в Синьцзяне ответственные посты, считали, что вмешиваться в это дело не стоит. Сун Юнь приводил такие доводы: «Цин Сян не имеет представления, где проходит граница между казахскими кочевьями и пределами Российской импе-

рии, а Лифаньюань тоже не в состоянии выяснить это, а потому запрашивать правительство России не следует, дабы не обострять с ним отношения» [108, т. 90, л. 19а]. То Цзинь в свою очередь подчеркивал, что местность по Караталу отстоит от рубежей Синьцзяна на удалении 400 ли и достоверно нельзя выяснить, находится ли упомянутая территория в казахских пределах [108, т. 90, л. 19а].

Суждения таких знатоков пограничных дел, как Сун Юнь и То Цзинь, весьма примечательны. Во второй половине XVIII в. вопрос о Каратале не раз обсуждался между казахскими правителями и цинскими властями. Последние пытались не допустить занятия этого района казахами, провозглашая его принадлежащим империи Цин. Но, как мы видим, ее правителям не удалось удержать под своей эгидой не принадлежавшие им земли.

Судя по императорскому указу от 15 ноября 1825 г., цинский двор в целом ограничился констатацией того факта, что русские находятся в Каратале.

Пограничное цинское начальство нередко держалось установки: «До происходящего за пределами наших владений нам дела нет».

Примечателен в данном отношении следующий инцидент, о котором говорилось в императорском указе от 25 июля 1813 г. министрам Нэйгэ (Государственная канцелярия). Прежде, как отмечалось в этом документе, на территории, соседствующей с Синьцзяном, казахи часто грабили русские торговые караваны. Возникшие в результате этого конфликты стороны улаживали сами, без вмешательства извне. «Случающиеся инциденты, поскольку они происходят за пределами [наших] караулов, к Китаю отношения не имеют». Но вот цзяньцзюнь Цин Чан узнал, что казахский старшина Ханбар разграбил караван андижанцев, поданных России, и что русские власти потребовали у Ханбара взятых в плен людей. Вместо того, чтобы усилить караульную службу, дабы не пропустить Ханбара с добычей в китайские пределы, Цзинь Чан «обрадовался случаю влезть не в свое дело». Он послал для разбирательства селина Хафэньбу, который, разбив свою палатку на месте, расположенном за пределами караулов на несколько десятков ли, принялся мирить стороны — андижанцев и Ханбара. Русские, подчеркивалось в указе, «ведут себя благонамеренно и сдержанно... Зачем же тогда провоцировать их и самим вызывать беспорядки на границе?» Указом предписывалось привлечь к ответственности как Цзинь Чана, так и Хафэньбу [125, Вводный т. 3, л. 26 — 3а].

Вместе с тем нельзя говорить, что цинский двор оставался совершенно равнодушным к тому, что Россия укрепляла свои позиции в казахской степи. Попытки противодействовать этому имели место, и они налагали определен-

ный отпечаток на отношения между двумя государствами. Наиболее показателен здесь случай с «возведением на ханство» султана Габайдуллы, сына хана Среднего жуза Вали. Как известно, со смертью последнего ханская власть в Среднем жузе была ликвидирована царским правительством. Однако цинский император 23 декабря 1823 г. издал указ о признании султана Габайдуллы, сына Вали, ханом [108, т. 61, л. 406]. Сделав это, император считал себя в праве сделать ему ряд рекомендаций: подвластным Габайдулле казахам не следует совершать беспорядки на границе, а, наоборот, навести порядок и вылавливать грабителей; самому Габайдулле во всем следовало повиноваться указаниям синьцзянского наместника и тарбагатайского начальника [108, т. 61, л. 406]. Добиться этого от Габайдуллы цинский двор рассчитывал щедрыми посулами.

Этим же указом богдыхан разрешил в порядке исключения унаследовать титул «гун» султану Аблаю, племяннику Габайдуллы [108, т. 61, л. 41а; т. 62, л. 86].

Кроме того, указом от 6 января 1824 г. император распорядился отпустить на поминки по хану Вали, отцу Габайдуллы, более 300 лян серебра [108, т. 62, л. 86].

Пожалованием грамоты на ханское достоинство и выдачей денег на поминки цинский двор пытался привязать к себе потомков небезызвестного правителя Среднего жуза Аблая. Таким образом властители Поднебесной рассчитывали привнести свое влияние в казахскую степь.

В свою очередь, синьцзянские власти писали султану Габайдулле, чтобы он приехал в Пекин [63, с. 451]. Сам Габайдулла в столицу империи не ездил, в Китае побывали в конце 1823 г. некоторые знатные казахи, в том числе и побочный брат Габайдуллы Янтера. Из Кульджи они вернулись с известием, что летом 1824 г. Габайдулла будет возведен на ханство, для чего к нему приедет цинский сановник с отрядом [63, с. 451—452].

Но объективная реальность, которая была неведома пекинским правителям, опрокинула их расчеты.

В июне 1824 г. илийский воинский начальник Яо Шань с отрядом отправился за кордон, чтобы вручить Габайдулле грамоту на ханское достоинство. События развивались, в изложении Яо Шаня, так. Он встретился с Габайдуллой. Поехали они вместе (куда и зачем, Яо Шань не сообщает), а потом им встретилось русское начальство, которое потребовало с Яо Шаня уплаты налога и разлучило его с Габайдуллой [108, т. 73, л. 116]. Докладную Яо Шаня дополняет рапорт исполняющего обязанности Омского областного начальника Путинцева и сотника Карбышева (2 июля 1824 г.): султан Габайдулла, прежде чем расстаться с Яо Шанем, заявил ему, что он является подданным Рос-

сии, по общей просьбе казахов в подвластной ему казахской степи правительством России учрежден округ [63, с. 441].

Таким образом, предприятие цинских властей с возведением в ханское достоинство Габайдуллы провалилось. Против этого, как отмечал султан Гази-Вали-хан, была и казахская масса [2, с. 158].

Яо Шаню пришлось восвояси убраться обратно. Как потом докладывал воинский начальник Броневский, китайский сановник попросил выделить сопровождающих, чтобы предотвратить нападение казахов [63, с. 442].

Начальник Яо Шаня синьцзянский наместник Цин Сян ходатайствовал перед троном, чтобы Лифаньюаню было дано указание сделать запрос Российскому сенату. Но цинский двор решил предать данный инцидент забвению. Это — обычное происшествие, случившееся за пределами империи, констатировалось в указе от 31 октября 1824 г., а потому нет резона снова посылать чиновника к казахам, а равно и не стоит делать запрос Российскому сенату. Цинский двор не хотел провоцировать Россию, снова посылая за пределы Синьцзяна своих представителей. Однако в Пекине полностью не отказывались от мысли вручить заготовленную грамоту на ханское достоинство. Если казахи сами приедут за ней, гласил упомянутый указ, то выдать ее. Упоминаний о том, что кто-нибудь приезжал за этой грамотой, не встречается.

Конфузом обернулась и попытка китайского начальства в Тарбагатае вручить грамоту об утверждении в ханском звании казахского султана Алтан-Сара Тогумова. Чиновник, которому было поручено вручить грамоту, не нашел ни султана, ни его сына. Тогда тарбагатайский начальник Мин Сюй послал вейинчжана Мучжану в кочевья подвластных России казахов [107, т. 4, л. 86 — 9а].

Там он выяснил, что упомянутый султан с сыном живут в местности Кокчетав, подвластной России. Такой информацией в Пекине не удовлетворились. Местным властям было предписано (указ от 10 октября 1861 г.) срочно направить сибирскому начальству письменный запрос: в местности какого государства живут Алтан-Сара с сыном [107, т. 4, л. 96]. Факт весьма показательный относительно осведомленности цинского двора о пограничных делах. Разъяснение русской стороны, очевидно, его обескуражило, ибо инициаторов вручения ханской грамоты Пекин распорядился разжаловать [107, т. 5, л. 18а — 18б].

Процесс присоединения казахских земель к России был необратим. Первое русское поселение, вернее военный пост, появляется в Семиречье в 1831 г.: на р. Аягуз был учрежден «Аягузский Приказ» [77, с. 203].

С основанием в 1847 г. Копальского укрепления у подошвы семиреченского Алатау весь

Семиреченский край до р. Или был включен в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1851 г. русские отряды из Копала ходили за р. Или, в подвластные Коканду районы. В 1853 г. началось освоение Зайлийского края, и в 1854 г. на р. Алматы было заложено укрепление Верное. В результате весь Зайлийский край до р. Чу вошел в состав Российской империи [88, с. 214—215]. В 1855—1859 гг. русские военно-научные экспедиции были направлены в район оз. Иссык-Куль и гор Хан-Тенгри [77, с. 204].

Процесс присоединения Семиречья к России прошел мирным путем. Вопрос этот глубоко не занимал официальные круги Поднебесной. В этой связи показательны суждения цинского сановника и ученого Лю Цзиньцао. В его изложении (а он имел в своем распоряжении официальную документацию), дело происходило так. Приняв под начало казахов, русские стали продвигаться в верховья р. Или. Китайское пограничное на-

чальство пребывало «в неведении», и в результате земли на восток от Балхаша, занимаемые казахами, оказались в российских пределах [140, т. 321, л. 1609—1610]. Аналогичным образом излагает дело и П. Румянцев: «...Движение русских на Семиречье не встретило со стороны Китая... никакого отпора. Китайские власти и гарнизоны, находившиеся в городах, лежащих на юг от Джунгарского Алатау, в нынешней Илийской провинции, были пассивными зрителями занятия края «русскими» [77, с. 203].

Пекинский договор 1860 г. определил, в частности, общее направление границы России с Западным Китаем. Конкретно подлежали размежеванию между Китаем и Россией казахские и киргизские земли. В конечном счете русские и китайские представители 7 октября (25 сентября) подписали протокол о разграничении между Восточной Россией и Западным Китаем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

50-е годы XVIII в. — знаменательный период во внешнеполитической истории Китая, который пришелся на годы правления богдыхана Хун Ли (девиз правления Цянь Лун, 1736—1795 гг.). В это время внешняя экспансия Поднебесной достигает своего апогея на Западе. Цинская империя сокрушила подорванное внутренними междоусобицами Джунгарское ханство, захватила теократическое государство в Восточном Туркестане. Цинский двор вступает в контакты с казахскими и киргизскими старшинами, правителями Ферганы, памирских и пригиндукушских княжеств. В Пекине принимали послов от властителя могущественной Дурранийской державы.

Инициатива в установлении контактов между империей Цин и сопредельными с Джунгарией и Восточным Туркестаном иноземными владениями (за исключением Афганистана) исходила от правителей Поднебесной.

Посылке военных отрядов в казахские и киргизские пределы, военно-дипломатических миссий в Фергану и Бадахшан предшествовала отправка послов оттуда ко двору правителя Поднебесной. Так или иначе, побуждая казахских и киргизских владетелей, правителей Ферганы, памирских и пригиндукушских уделов вступать с ним в сношения, цинский двор одновременно пытался, навязав свои принципы взаимоотношений, держать западных «варваров» в сфере своего влияния. Едва лишь стоило посольствам из сопредельных владений побывать при цинском дворе, как последние автоматически зачислялись Пекином в свои «вассалы». Это была укоренившаяся дипломатическая практика, которой на протяжении веков руководствовались императоры Поднебесной в сношениях с некитайским миром.

В соответствии с внешнеполитическими догмами, бытовавшими в Китае, согласие того или иного чужеземного правителя поддерживать отношения с Цинским домом воспринималось последним как стремление указанного владетеля «приобщиться к китайскому образу жизни», что для китайского двора было рав-

носильно автоматическому признанию им мандата императора «править всеми людьми».

Согласно традиционному представлению, бытовавшему в Китае, его правитель одновременно являлся и повелителем Вселенной. Следовательно, все иноземные государства и народы для императора Китая были не чем иным, как подвластными ему, вассалами. Эта теоретическая посылка для цинского двора материализовывалась с момента прибытия к нему того или иного иноземного посольства. С точки зрения китайской дипломатической традиции, приезд посольства был не просто актом общения двух независимых сторон, а «изъявлением покорности» иноземного владетеля императору Китая.

Свои претензии на супрематию в отношении правителей «варварской периферии» проявивший в Китае дом Цин демонстрировал в самой различной форме. Так, допуск того или иного иноземного посольства в столицу империи зависел от воли богдыхана. Администрация Синьцзяна, через территорию которого ехали послы с Запада, специально докладывая о поведении их, о тоне и форме доставленных ими посланий, испрашивала указаний — пропустить посольство или вернуть обратно. Нередко тем или иным послам из стран Запада приходилось уходить восвояси.

С момента причисления иноземных владений без их ведома и согласия к вассалам Цинской империи посольские сношения между ними в основном носили односторонний характер. Цинский двор был заинтересован в том, чтобы число приезжающих посольств от иноземцев превышало число посольств, отправляемых к ним. Это обстоятельство как бы подчеркивало неравноправный характер взаимоотношений Поднебесной с соседними владениями и давало основания говорить о стремлении «дикарей» приобщиться к благам китайской цивилизации. От властителя Цинской империи послы к иноземцам направлялись в самых экстраординарных случаях.

Стараясь внушить и поддержать представление о своем превосходстве как верховного владыки, богдыхан в своих посланиях к иноземным правителям Запада обращался не иначе, как на «ты», сами послания были выдержаны в императивных тонах.

Впервые прибывавшим посланцам из «стран Запада» цинский император жаловал платье, которое носили китайские чиновники, и соответствующие чиновные атрибуты (жемчужное ожерелье, перо и шарик на шапку). Этот акт имел целью наглядно продемонстрировать, что данные иноземцы зачисляются в служивые богдыхана. Цинский дом требовал также, чтобы иноземные владетели, зачисленные в «вассалы», выполняли его предписания, указания синьцзянской администрации, соблюдали законы империи.

Теоретически любой иноземный правитель, чей посол прибыл ко двору цинского императора, становился его «вассалом». На практике же подход к тому или иному «вассалу» варьировался. Принимались во внимание размер территории, состояние государственности.

Внешнеполитическую доктрину цинского двора характеризуют высокомерие и предвзятое, презрительное отношение к иноземцам. Уже наименование их «варварами» говорит само за себя. Для китайской элиты было характерно представление о Китае как средоточии цивилизации, окруженном некультурной, «варварской» периферией. Это традиционное мнение гипертрофировалось до такой степени, что иноземцев априорно наделяют самыми низменными качествами и объявляют умственно неполноценными. «Неблагодарны и невежественны», «алчны по натуре», «по натуре самые тупые», «натура собаки и барана» — таков набор эпитетов, которыми изобилуют указы цинских богдыханов применительно к тем или иным народам Центральной и Средней Азии и их правителям.

Претендуя на политическую супрематию, цинские императоры считали себя вправе утверждать в том или ином звании иноземных правителей. В отдельных случаях цинский двор практиковал пожалование иноземным правителям почетных титулов («гун», «бэйле»). Но практиковавшаяся раздача титулов казахской и киргизской аристократии, признание ее представителей в качестве правителей той или иной родо-племенной группы не выходили за рамки внешнеполитических контактов, ибо не затрагивали самих основ общественной организации казахов и киргизов. Одновременно эти акты не означали фактической зависимости казахских и киргизских владетелей от богдыхана. Они сохраняли полную свободу как внешних сношений, так и вершения чисто внутренних дел.

Реальное содержание понятия «вассал» применительно к конкретному иноземному пра-

вителю определялось способностью претендента на верховную власть, т. е. цинского императора, заставить его выполнять определенные обязанности или предписания.

Сношения Цинского дома с «иноземными вассалами» были отношениями разных по государственной принадлежности сторон. Территория, подвластная иноземным владетелям, которые имели контакты с цинским двором, административно не входила в состав империи Цин, ее законы и предписания не имели силы за пределами цинских караулов. По внешнюю сторону их не распространялась юрисдикция цинского правительства.

Конкретные действия цинского двора шли вразрез с претензиями на признание его супрематии иноземными владетелями. Он воздерживался от оказания им реальной помощи, мотивируя тем, что одинаково относится к своим «вассалам» не делая между ними различия.

От помощи иноземным владетелям, именуемым «вассалами», цинский двор удерживал ряд причин. Во-первых, дело касалось не фактических подданных империи. Во-вторых, сохранение статус-кво на прилегающих к Синьцзяну территориях служило относительной гарантией безопасности западных рубежей Китайской империи. В-третьих, поддержание вражды между «иноземными вассалами» было на руку цинскому двору: разобщенные, они представляли для него меньшую опасность, и было легче поддерживать у них «лояльное» отношение к Цинам. Это как раз и соответствовало основному принципу внешней политики цинского правительства — «варварами обуздывать варваров».

В свою очередь иноземные правители, имевшие контакты с цинским двором, не брали на себя каких-либо конкретных обязательств перед богдыханом, как-то: платить подати, нести военную повинность и т. п. Если порою отдельные казахские и киргизские владетели и поступали в соответствии с желаниями цинской администрации, то делали они это не в порядке выполнения вассальных обязанностей, а руководствуясь сугубо личными интересами.

Одной из основных внешнеполитических задач империи Цин на Западе было обеспечить незыблемость ее господства в Джунгарии и Восточном Туркестане, а также сохранять под своим контролем те части территориального наследия джунгарских ханов, которые, хотя они и не вошли административно в состав империи, считала «своими». Первоочередное условие, которое выдвигал цинский двор перед иноземными правителями, с которыми он вступал в контакты, это «держат в узде своих людей». Иными словами, Цинская империя стояла за сохранение статус-кво, сложившегося в результате захвата Джунгарии и Восточного

Туркестана, а также одностороннего провозглашения дома Цин восприемником всего наследия Джунгарского ханства. Удержать и закрепить за собой все земли, которые он объявил своими, ему было не под силу. Поэтому цинский дом и стремился строить взаимоотношения с сопредельными уделами и племенами на принципе «сюзерен — вассал», надеясь заставить последние следовать его предписаниям.

Для методов цинской дипломатии в отношении стран Запада было характерно использование угроз и посулов. Тщательно отработанная методика запугивания варьировалась в зависимости от обстановки: от прямых угроз пойти походом до бахвальства ратными действиями цинского войнства; от напоминаний о трагической участи Джунгаров, поступавших наперекор воле «сына Неба», до показа военных парадов.

Причисление к своим «вассалам» иноземных владетелей было формой внешнеполитической экспансии Цинской династии, когда в силу обстоятельств внешне- и внутривосточного порядка она фактически не могла включить в состав своей империи то или иное иноземное владение, но стремилась держать его в сфере своего влияния.

Из своих западных соседей особую ставку цинский двор делал на киргизских и казахских правителей. Выбор этот определялся следующими факторами: слабым развитием государственности в Казахстане и Киргизстане, непосредственным их соседством с рубежами Синьцзяна (Джунгарии и Восточного Туркестана). Киргизские и казахские владения правители империи Цин мыслили превратить в своеобразный буфер, отделяющий ее западную окраину от Российской империи и Кокандского ханства.

Реальное содержание внешнеполитических догм, категорий надстроечного характера, определялось военно-экономическим состоянием Поднебесной. С угасанием мощи Цинской империи на рубеже XVIII—XIX вв., с обострением внутривосточной обстановки в ее пределах китайский традиционный принцип внешнеполитической практики «сюзерен — вассал» превращается в анахронизм. Формальные атрибуты одностороннего вассалитета киргизских, казахских, кокандских правителей теряют свое значение. Бесчинства китайских пограничных властей, отношение к некитайскому населению как к «варварам» побуждают сопредельных киргизов и казахов обращать оружие против империи Цин. Выступление в 1815 г. киргизского бия Турдымамета, которому цинский двор пожаловал чиновные регалии, явилось началом крушения всей «ограды» на рубежах Восточного Туркестана, каковую цинские пра-

вители сконструировали на бумаге своих указов из казавшихся лояльными киргизских старшин, которые будто бы с «почтением внимали» наставлениям повелителя Поднебесной.

Начиная с первой четверти XIX в. Кокандское ханство предстает как угроза устоям цинского господства в Восточном Туркестане. Цинский двор вынужден обратиться к политике умиротворения Коканда. Путем экономических и политических уступок Пекин пытается как-то сдержать поползновения Кокандского ханства в отношении Восточного Туркестана.

В первой половине XIX в. сфера присутствия империи Цин в Центральной и Средней Азии территориально резко суживается. Она замыкается, собственно говоря, в границах Синьцзяна. Признание этого факта находит отражение и в официальных уложениях империи Цин.

Однако традиционный взгляд, бытовавший среди элиты Китайской империи о ее положении гегемона по отношению к «варварской периферии» был очень живуч. В высшем чиновном сословии Поднебесной не только скорбели о временах былого величия, но и мечтали гальванизировать отжившую схему «вассальных отношений». В 1820 г. известный общественный деятель Гун Цзычжэнь рекомендовал трону специально разместить войска в стратегических пунктах Синьцзяна, чтобы «обуздать чужеземных киргизов, казахов и намаганцев и контролировать присылку [иноземными] уделами дани ко двору» [90, с. 128]. Однако воспользоваться подобными «рецептами» хиреющей Цинской империи было уже не в состоянии.

В 1864 г. Синьцзян охвачен мощным национально-освободительным движением дунган и уйгур, и на 13 лет эта страна отпадает от империи Цин. Ее власть и влияние на Западе ограничиваются по существу пределами собственно Китая.

Как убеждают исторические факты, границы китайского государства не были извечно неизменными. В задачу нашего исследования входило показать, как складывались отношения цинского Китая с западными соседями во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Эти отношения в значительной степени обусловили последующее территориальное размежевание на договорной основе между Китаем и его западными соседями. Как строилась внешняя политика империи Цин в Центральной Азии с конца 70-х годов XIX в. — большая и сложная проблема. Она еще ждет своего комплексного освещения в исторической литературе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Абрамов Н. А. Перевод с двух китайских листов, писанных при доношениях в Комиссию Иностранных дел от Сибирского Губернатора Советника Соймонова от 25 и 29 мая 1758 г. относительно бывшего Джунгарского Тайши и потом Китайского Цин-Вана (князя первой степени) Амурсаны.— В кн.: Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском Университете. Кн. 4. М., 1868.
2. Алекторов А. Е. Указатель книг, журнальных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900.
3. Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX вв. М., 1960.
4. Архив Государственного Совета. Т. 1, ч. 2, Спб., 1869.
5. Балкашин Н. Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и китайскими владениями.— Зап. Западно-Сибирского отделения ИРГО, Омск, 1881, кн. III.
6. Балкашин Н. Н. Трактаты России с Китаем.— В кн.: Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882.
7. Балкашин Н. Н. О киргизах вообще и о подвластных России мусульманах. Спб., 1887.
8. Байтып-Каменский Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1617 по 1792 год. Казань, 1882.
9. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.
10. Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971.
11. Беллю. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873—1874 гг. Спб., 1877.
12. Берг Л. Озеро Иссык-куль.— Землеведение, 1907, кн. 1—2.
13. Бернштам А. Источники по истории киргизов XVIII в.— Вопросы истории, 1946, № 11—12.
14. Бескровный Л., Тихвицкий С., Хвостов В. К истории формирования русско-китайской границы.— Международная жизнь, 1972, № 6.
15. Биддлф. Народы, населяющие Гандукуш. Асхабад, 1896.
16. [Броневский]. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды.— Отечественные записки, Спб., 1830, № 119, 120, 124.
17. Бурхан-уд-Дин-хан и Кушкеки. Каттаган и Бадахшан/Пер. с персид. П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левкиевского, под ред. с предисловием и прим. проф. А. А. Семенова. Ташкент, 1926.
18. Валидов А. З. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия.— В кн.: Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии за XX-й год, вып. 2. Ташкент, 1916.
19. Валиханов Ч. О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг.— Зап. Российского Географического общества, Спб., 1864 кн. 3.
20. Валиханов Ч. Ч. Черновой набросок о древних грамотах.— Собр. соч. Т. 3. Алма-Ата, 1964.
21. Васильев В. П. Две китайские записки о падении Кульджи и о занятии ее русскими.— Русский вестник, 1872, т. 99.
22. Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. Спб., 1868.
23. Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. [Б. м.], 1941.
24. Гейс А. К. Киргизские очерки.— Военный сборник, 1866, № 6.
25. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в. М., 1979.
26. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М., 1959.
27. Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент, 1912.
28. Думан Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.—Л., 1936.
29. Дюранд А. Сосидание границы. Спб., 1905.
30. Зарубин И. И. К истории Шутнана.— Докл. АН СССР, серия «В», Л., 1926.
31. Земляничин И. Исторический очерк Семипалатинска и его торговли.— В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. Спб., 1876.
32. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957.
33. Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсаре.— В кн.: Филология и история монгольских народов. М., 1958.
34. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М., 1964.
35. Ибрагимов С. К. Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в.— Учен. зап. Ин-та востоковедения АН СССР, М., 1958, т. XIX.
36. Иванов П. И. Очерки по истории Средней Азии (XVI в.—середина XIX в.). М., 1958.
37. Искандаров Б. И. Из истории народов Памира.— Проблемы Дальнего Востока, 1973, № 1.
38. Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г. Сообщает В. Н. Баснин.— В кн.: Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1875.
39. История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957.
40. История Киргизии, Т. 1, Фрунзе, 1963.

41. **Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках** (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961.
42. **Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках**. Алма-Ата, 1964.
43. **Корнилов** Кашгария, или Восточный Туркестан. Ташкент, 1903.
44. **Красовский**. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Спб., 1868, ч. 1.
45. **Крафт И.** Принятие киргизами русского подданства.— Изв. Оренбургского отдела ИРГО, Оренбург, 1897, вып. 12.
46. **Крафт И. И.** Судебная часть в Туркестане и степных областях. Оренбург, 1898.
47. **Кузнецов В. С.** О реакционной сущности движения Джангира.— Изв. АН КазССР. Сер. ист., археол. и этногр. Алма-Ата, 1961, вып. 15.
48. **Кузнецов В.** Казахско-китайские торговые отношения в конце XVIII века.— В кн.: Вопросы истории Казахстана и Восточного Туркестана. Алма-Ата, 1962.
49. **Кузнецов В. С.** Из истории торговли Англии и России с Синьцзяном в первой половине XIX в.— Изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1963, вып. 6.
50. **Кузнецов В. С.** Из истории завоевания Джунгарии цинским Китаем.— Народы Азии и Африки, 1970, № 3.
51. **Кузнецов В. С.** К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном.— В кн.: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. V. Улан-Удэ, 1970.
52. **Кузнецов В. С.** Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. М., 1973.
53. **Кузнецов В. С.** О дипломатической практике цинского двора в сношениях с западными соседями (2-я половина XVIII века).— В кн.: Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1973.
54. **Кузнецов В. С.** Империя Цин и Дурранийская держава.— В кн.: Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1974.
55. **Кузнецов В. С.** Джунгарское ханство в 1745—1755 гг.— В кн.: Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). Материалы конференции. Ч. 2. М., 1977.
56. **Куропаткин А. Н.** Кашгария. Спб. 1876.
57. **Курц Б. Г.** Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Днепрпетровск, 1929.
58. **Кюннер Н. В.** Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования дома Романовых. Владивосток, 1914.
59. **Липовцов С.** Обзорение Зюнгари.— Сибирский вестник, 1821, кн. 4.
60. **Липовцов С.** О возмущениях, бывших в Джунгарии и Малой Бухарии.— Сибирский вестник, 1823, кн. 15—18.
61. **Мадежов Н., Сушанло М.** Из истории торговых взаимоотношений киргизов с Синьцзяном в первой трети XIX в.— В кн.: Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Вып. 1. М., 1972.
62. **Макшеев А. И.** Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. Спб., 1890.
63. **Материалы по истории Киргизской степи.**— Сборник газеты «Сибирь», Спб., 1876, т. 1.
64. **Материалы по киргизскому землепользованию.** Т. VIII. Спб., 1909.
65. **Материалы по киргизскому землепользованию.** Т. IV. Спб., 1903.
66. **Материалы по киргизскому землепользованию.** Т. VI. Спб., 1905.
67. **Материалы по киргизскому землепользованию.** Т. IX. Спб., 1909.
68. **Миддендорф А.** Очерки Ферганской долины. Спб., 1882.
69. **Мирза Шемс-Бухари.** О походе в Кашгарию Мухаммед Юсуфа Ходжи.— Труды Восточного отделения Археологического общества. Спб., 1864, ч. 8.
70. **Назаров Ф.** Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., 1968.
71. **Наливкин В.** Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.
72. **Никитин В. Н.** Исторический очерк Семипалатинской области.— В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г. Семипалатинск, 1897.
73. **Полюе** собрание законов Российской империи. Спб., 1830.
74. **Потанин Г. Н.** Материалы для истории Сибири.— В кн.: Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1866.
75. **Путимцев.** Дневные записки переводчика Путимцева, в проезд его от Бухтарминской крепости до китайского города Кульжи и обратно, в 1811 г.— Сибирский вестник, Спб., 1819, ч. 7—8.
76. **Ромодин В. А., Кондратьев А. А.** Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов.— Советское востоковедение, 1958, № 4.
77. **Румянцев П.** Условия колонизации Семиречья.— Вопросы колонизации, Спб., 1911, № 9.
78. **Саввин В. Л.** Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем. М.— Л., 1930.
79. **Северцов Н.** О русских поселениях к югу и западу от Иссык-куля.— В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. Спб., 1876.
80. **Семенов А. А.** История Шугнана.— В кн.: Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год двадцать первый (XXI). Ташкент, 1917.
81. **Семенов П.** Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-Тюбе и ущелье Буам у западной оконечности озера Иссык-куль в 1856 г.— Зап. ИРГО, Спб., 1867, т. 1.
82. **Струве Карл, Потанин Григорий.** Поездка по восточному Тарбугатаю летом 1864 г.— Зап. ИРГО, Спб., 1867, т. 1.
83. **Сушанло М., Мадежов Н.** Политика Цинской империи по отношению к киргизам с конца XVIII века до 20-х годов XIX века.— В кн.: Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Вып. 1. М., 1971.
84. **Терентьев М. А.** История завоевания Средней Азии. Т. 1. Спб., 1903.
85. **Тимковский Е. Ф.** Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 1. Спб., 1824.
86. **Туркестанские ведомости**, 1878, № 2.
87. **Тихвинский С. Л.** История Китая и современность. М., 1976.
88. **Усов Ф.** Исторический очерк Западной Сибири в царствование императора Александра II.— В кн.: Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882.
89. **Успенский Д.** Из истории русских отношений с народами Востока. (По архивным документам).— Русская мысль, М., 1904, кн. IV.
90. **Фесенко П. И.** История Синь-Цзяна. М., 1935.
91. **Ша Р.** Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара. Спб., 1872.
92. **[Шангин П. И.]** Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 году.— Сибирский вестник, Спб., 1820, № 9—10.
93. **Щеглов И. В.** Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. Иркутск, 1883.
94. **Шияилов А.** Русский отряд на китайской границе в 1863 г.— Военный сборник, Спб., 1869, № 2.
95. **Хафизова К. Ш.** Некоторые вопросы международных отношений в Центральной Азии в середине XVIII века.— В кн.: Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Вып. 1. М., 1972.
96. **Хафизова К. Ш.** К характеристике политики цинского Китая в отношении казахов (вторая поло-

вина XVIII в.).— В кн.: Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Т. 2. М., 1974.

97. Хафизова К. Ш. О некоторых методах цинской дипломатии в XVIII в. (На примере политики Китая в Центральной Азии).— В кн.: Шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Т. 1. М., 1975.
 98. Ядрищев Н. М. Маршрут атамана Волошанина в Кульджу.— Изв. ИРГО, 1883, т. XIX, вып. 4.
- НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**
99. Ван Туилин. Чжунго ши (История Китая). Вып. 4. Т. 1. Бэйпин, 1931.
 100. Ван Шуань. Синьцзян гоцзе тушо (Иллюстрированное пояснение о границах Синьцзяна). Тайбэй, 1968.
 101. Вэй Юань. Шэн у цзи (Записки об августейших ратных деяниях). Т. 1. Тайбэй, 1962.
 102. Гун Цзычжэнь. Сяюй чжи синшэн и (Рассуждение об учреждении в Западном крае отдельной провинции).— В кн.: Гун Цзычжэнь, Цюань цзи (Полное собрание сочинений Гун Цзычжэня). Т. 1. Шанхай, 1959.
 103. Давор, овэнькэ, олопчунь, хэжжэ шиляо чжайчао (Сборник исторических сведений о даурах, эвенках, ороконах, хэжжэ). Хух-Хото, 1962.
 104. Дай Цин Вэньцзун Сяньхуанди шилу (Хроника правления Вэньцзуна Сяньхуанди великой Цин). Токио, 1937—1938.
 105. Дай Цин Жэньцзун Жуйхуанди шилу (Хроника правления Жэньцзуна Жуйхуанди Великой Цин). Токио, 1937—1938.
 106. Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Хроника правления Гаоцзуна Чуньхуанди великой Цин). Токио, 1937—1938.
 107. Дай Цин Муцзун Ихуанди шилу (Хроника правления Муцзуна Ихуанди великой Цин). Токио, 1937—1938.
 108. Дай Цин Сюаньцзун Чэнхуанди шилу (Хроника правления Сюаньцзуна Чэнхуанди великой Цин). Токио, 1937—1938.
 109. Дунхуа сюйлу. Дао Гуан (Продолжение хроники из павильона Дунхуа за годы Дао Гуан)/Сост. Ван Сяньцзянь. [Б. м.], 1884.
 110. Дунхуа сюйлу. Сян Фэн (Продолжение хроники из павильона Дунхуа за годы Сян-Фэн)/Сост. Ван Сяньцзянь. [Б. м.], 1884.
 111. Дунхуа сюйлу. Цзя Цин (Продолжение хроники из павильона Дунхуа за годы Цзя Цин)/Сост. Ван Сяньцзянь. [Б. м.], 1884.
 112. Дунхуа сюйлу. Цянь Лун (Продолжение хроники из павильона Дунхуа за годы Цянь Лун)/Сост. Ван Сяньцзянь. [Б. м.], 1884.
 113. Лю Цуньгуань. Сюесинды чжэн фу (Кровавое завоевание).— Лиши яньцзю, 1976, № 5.
 114. Люй Чжэньюй. Цзяньмин Чжунго тунши (Краткая история Китая). Т. 2. Шанхай, 1950.
 115. На Вэнь-и гун чоухуа Хуйцзян шаньхоу ши цзоуи (Доклады на Вэнь-и гуна о ликвидации последствий восстания в Восточном Туркестане)/Сост. Жунь Ань. [Б. м.], 1884.
 116. Сюй Синбо. Синьцзян фу (Стихи о Синьцзяне). [Б. м.], 1812.
 117. Сюй Сун. Сяюй шуйдао цзи (Записки о водных путях Западного края). [Б. м.], 1823.
 118. Сяо Ишань. Циндай тунши (Сводная история эпохи Цин). Шанхай, 1928, кн. 2.
 119. Сяо Ишань. Цинши даган (Очерки по истории династии Цин). [Б. м.], 1944.
 120. Тянь Пэн. Чжун-Э банцзю чжи яньцзю (Исследование о китайско-русских отношениях). Нанкин, 1937.
 121. Фу Цин. Чжи и синьбянь (Новая книга записей об иноземном). [Б. м.], 1805.
 122. Хун Дичэнь. Синьцзян шиди даган (Очерк истории и географии Синьцзяна). Нанкин, 1935.
 123. Хэ Ин. Саньчжоу цзильюэ (Описание трех округов). [Б. м.], [Б. г.].
 124. Хэ Нин. Хуэйцзян тунчжи. (Сводное обозрение Восточного Туркестана). [Б. м.], 1925.
 125. Хэ Цютао. Шофан бэйчэн (Полная летопись северных областей), кн. 1. [Б. м.], [Б. г.].
 126. Хэ Цютао. Шофан бэйчэн. Кн. 2. [Б. м.], [Б. г.].
 127. Цзэн Вэнь. Чжунго цзинин Сяюй ши (История китайского правления Западным краем). [Б. м.], 1935.
 128. Ци Юньши. Хуанчао фаньбу яолюэ (Сводка основных сведений о вассалах августейшей династии) [Б. м.], [Б. г.].
 129. Ци Юньши. Сичуй яолюэ (Краткая сводка важнейших сведений о западной границе). Шанхай, 1837.
 130. Цин ши. (История династии Цин). Т. 1. Тайбэй, 1963.
 131. Цишии. Синьцзянь цзильюэ (Краткое описание Синьцзяна).— В кн.: Ван Сици, Ван Сиши. Сяофанху чжай юйди цунчао (Изборник материалов по географии кабинета Сяофанху). Т. II. [Б. м.], 1897.
 132. Цин ши гао (Материалы к истории династии Цин). Лечжуань (Биографии)/Сост. Чжао Эрсюнь и др. Мукден, 1928.
 133. Циндай итун диту (Атлас Китая периода Цин). Тайбэй, 1966.
 134. Циньдин Дайцин хуйдянь шили (Высочайше утвержденные акты к своду законов Дайцинской династии). [Б. м.], 1899.
 135. Циньдин пиндин Хуйцзян чаоцин нин фанлюэ (Высочайше утвержденные планы умиротворения Восточного Туркестана и расправы с потомками мятежников)/Сост. Цао Чжэньюнь и др. [Б. м.], 1830.
 136. Циньдин Синьцзян шилюэ (Высочайше утвержденное описание Синьцзяна). [Б. м.], 1821.
 137. Циньдин хуаньюй Сяюй тучжи (Высочайше утвержденное историко-географическое описание Западного края с картами). [Б. м.], 1782.
 138. Циньдин Хубу цзэли (Высочайше утвержденное уложение палаты финансов). [Б. м.], 1802.
 139. Циньдин Хубу цзэли (Высочайше утвержденное уложение палаты финансов). [Б. м.], 1831.
 140. Цяичао сюй Вэньсянь тункао (Дополнение к энциклопедии Вэньсянь тункао Цинского периода)/Сост. Лю Цзиньцао. Шанхай, 1936.
 141. Чан Лин. Мао тин цзидин няньпу (Автобиография Мао Тина). [Б. м.], 1841.
 142. Чжугэ Цяюйчуань. Цин ши цзюа (Важнейшие события из истории династии Цин). [Б. м.], 1914.
 143. Чжэн Ши. Ша Э учжуан циньчжан вого Памиэр дицзюй ды лиши чжэнсян (Подлинные обстоятельства того, как царская Россия захватила наш Памирский район).— Лиши яньцзю, 1977, № 6.
 144. Чуь Юань. Сяюй вэнь цзянь лу (Записки о виденном и слышанном в Западном крае). [Б. м.], 1772.
 145. Юй Фушунь. Циндай Синьцзян калунь шилюэ (Синьцзянские караулы в эпоху Цин).— Лиши яньцзю, 1979, № 4.
 146. Юйдин пиндин чжуньгээр фанлюэ (Высочайше утвержденные планы умиротворения джунгар). Чжанбянь (Основная часть)/Сост. Фу Хэн и др. [Б. м.], 1772.
 147. Юйдин пиндин чжуньгээр фанлюэ. Сюйбянь (Дополнения), [Б. м.], 1772.

НА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

148. Abel-Remusat. Kao-Tsoug, Empereur de la Chine, de la Dinastie des Mandchous.— Noveaux Melanges Asiatiques, Paris, 1829, N 2.
149. Amiot. Mémoires concernant L'Histoire, les sciences, les arts, les meurs, les usages, ec. des chinois: par les Missionnaires de Pekin. Tome premier. Paris, MDCCLXXVI.
150. Boulger D. Ch. Central Asian questions. Essays on Afganistan, China and Central Asia. London, 1885.
151. Boulger D. Ch. History of China. V. II. London, 1898.
152. Courant M. L. Asie Centrale aux XVII et XVIII siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou. Lion — Paris, 1912.
153. Denby Ch. The Chinese Conquest of Songaria.— Journal of the Peking Oriental Society, Peking, 1890, v. 3, N 1.
154. Harcourt-Smith S. The Emperor Chien-Lung.— History today, 1955, March.
155. Hsu J. C. Y. The Rise of Modern China. New York — London — Toronto, 1970.
156. Ymbault — Huart C. Récit officiel conquete du Turkestan par, les chinois (1758—1760).— Bulletin geographie, historique et descriptive, Années, 1895, N 1.
157. Klaproth J. Relations des troubles de la Dzungarie et de la Petite Boukharie. Trad. de chinois.— Magasin Asiatique, 1826, t. 11.
158. Lansdell H. Russian Central Asia. V. 1. London, 1885.
159. Li Ung Bing. Outlines of Chinese history. Shanghai, 1914.
160. Mailla Joseph Marie. Histoire générale de la Chine, ou annales de cet empire, traduites du Tong-Kien-Kang-Mou, par le feu Péke Joseph-Anne Marie de Moyriac de Mailla. T. XI. Paris, MDCCLXXX.
161. Parker E. H. China. London, 1901.
162. Saguchi T. The Eastern Trade of the Khokand Khanate.— In: Memoirs of the Research Departament of the Toyo Bunko. Tokyo, 1965.
163. Saguchi T. The revival of the White Mountain Khwajas, 1760—1820 (from Sarimsaq to Jihangir).— Acta Asiatica, Tokyo, 1968, N 14.
164. Schuyler E. Turkistan. Notes on a journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja. London, 1876.
165. Studies in the Social History of China and South-East. Cambridge, 1970.
166. The Chinese world order/Ed. J. K. Fairbank/Cambridge, Massachusetts, 1968.
167. Wood Y. A journey to the source of the river Oxus. London, 1872.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Введение	8
Центральная Азия в первой половине XVIII в.	17
Китай и Казахстан в период завоевания империей Цин Джунгарского ханства и теократического государства Восточного Туркестана	18
Война Цинской империи против Джунгарского ханства и установление китайско-казахских контактов	—
Позиция султана Аблая на первом этапе борьбы Амурсаны и его примирение с Цинской империей	20
Взаимоотношения цинских властей с казахскими владетелями в период окончательного покорения Джунгарии и завоевания Восточного Туркестана	25
Китайско-казахские отношения после создания Синьцзяна	26
Политические контакты цинской администрации с казахскими владетелями	—
Территориальный вопрос во взаимоотношениях цинских властей и казахов	29
Казахско-китайские торговые связи	34
Завоевание Цинской империей Восточного Туркестана и ее взаимоотношения с киргизскими племенами	40
Империя Цин и киргизы после учреждения наместничества Синьцзян	45
Внешнеполитические контакты цинского двора с киргизскими старшинами	—
Территориальный вопрос во взаимоотношениях империи Цин с киргизами	47
Торговля киргизов в Кашгарии	50
Сопредельные с Кашгарией государства и империя Цин	51
Отношения империи с Кокандом	—
Цинская империя и Бадахшан	60
Взаимоотношения империи Цин с пригиндукушскими княжествами и Дурранийской державой	68
Пограничные отношения Цинской империи с Россией в Центральной Азии	70
Империя Цин, Центральная и Средняя Азия в первой половине XIX в.	73
Цинская империя и киргизы в первой половине XIX в.	74
Восстание Зия ад-Дина и казнь бия Турдымамета	—
Выступление Джахангира	75
Киргизы и выступление Юсуф-ходжи	82
Отношения цинских властей с припамирскими и пригиндукушскими владетелями	84

Империя Цин и Кокандское ханство в первой половине XIX в.	86
Прием в Пекине посольств хана Алима и попытки цинского двора оказать на него влияние	—
Китайско-кокандские отношения в связи с вопросом о выдаче потом- ков ходжи Сарымсака	87
Снятие запрета на торговлю Коканда в Кашгарии	95
Проблема конфискованного имущества и невозвращенных андижанцев	100
Попытки Коканда добиться новых привилегий	102
Выступления Валихан-тюря-ходжи и политика империи Цин на гра- ницах Кашгарии	103
Инцидент с убийством кокандского посла	105
Китайско-казахские отношения в первой половине XIX в.	109
Политические контакты цинских властей с казахскими владельцами	—
Китайско-казахская торговля	110
Пограничные отношения империи Цин с казахами	111
Китайско-русские отношения в первой половине XIX в.	113
Кульджинское соглашение и русско-китайская торговля	—
Пограничные отношения между империей Цин и Россией	115
Заключение	118
Литература и источники	121

Вячеслав Семенович Кузнецов

ЦИНСКАЯ ИМПЕРИЯ НА РУБЕЖАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(вторая половина XVIII — первая половина XIX в.)

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

Ответственный редактор
Виталий Епифанович Ларичев

Утверждено к печати Институтом истории,
филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства Ю. В. Николаев
Технический редактор Г. Я. Герасимчук
Корректоры А. В. Пименов, Г. Д. Смоляк

ИБ № 10387

Сдано в набор 02.02.82. Подписано к печати 22.12.82. МН-05602. Формат 60×84¹/₄. Бумага
типографская № 3. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14.9. Усл. кр.-отт.
15,7. Уч. изд. л. 17. Тираж 2500 экз. Заказ 46. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.